

colloquium-journal

ISSN 2520-6990

Międzynarodowe czasopismo naukowe

**Philology
Philosophical sciences
Psychological sciences**

**№6(30) 2019
Część 6**

colloquium-journal

ISSN 2520-6990

Colloquium-journal №6 (30), 2019

Część 6

(Warszawa, Polska)

Czasopismo jest zarejestrowane i publikowane w Polsce. W czasopiśmie publikowane są artykuły ze wszystkich dziedzin naukowych. Czasopismo publikowane jest w języku angielskim, polskim i rosyjskim.

Artykuły przyjmowane są do dnia 20 każdego miesiąca.

Częstotliwość: 12 wydań rocznie.

Format - A4, kolorowy druk

Wszystkie artykuły są recenzowane

Każdy autor otrzymuje jeden bezpłatny egzemplarz czasopisma.

Bezpłatny dostęp do wersji elektronicznej dziennika.

Wysyłając artykuł do redakcji, Autor potwierdza jego wyjątkowość i bierze na siebie pełną odpowiedzialność za ewentualne konsekwencje za naruszenie praw autorskich

Zespół redakcyjny

Redaktor naczelny - **Paweł Nowak**

Ewa Kowalczyk

Rada naukowa

- **Dorota Dobija** Profesor i rachunkowości i zarządzania na uniwersytecie Koźmińskiego, dyrektor programu k. e. n.
- **Jemielniak Dariusz** - prof. dyrektor centrum naukowo-badawczego w zakresie organizacji i miejsc pracy, kierownik katedry zarządzania Międzynarodowego w Ku.
- **Henryka Danuta Stryczewska** - prof. dziekan Wydziału Elektrotechniki i Informatyki Politechniki Lubelskiej.
- **Mateusz Jabłoński** - Politechnika Krakowska im. Tadeusza Kościuszki.
- **Henryka Danuta Stryczewska** - prof. , dziekan Wydziału Elektrotechniki i Informatyki Politechniki Lubelskiej i prof. Zbigniew Grądzki, prorektor ds. Nauki.
- **Sani Lukács** — eötvösa Loránd University, Faculty of Social Sciences, phd in sociology7
- **Király Tamás** — Szegedi Tudományegyetem, gyógyszerésztudományi Kar, phd gyógyszertár9
- **Gazstav Lewandowski** — węgierski uniwersytet sztuk pięknych, Graficzny wydział / Specjalizacja w dziedzinie projektowania graficznego.
- **Bulakh Iryna Valerievna** - k.arh., Profesor nadzwyczajny w Katedrze Projektowania Środowiska Architektonicznego, Kijowski Narodowy Uniwersytet Budownictwa i Architektury

« Colloquium-journal »

Wydrukowano w « Chocimska 24, 00-001 Warszawa, Poland »

E-mail: info@colloquium-journal.org

<http://www.colloquium-journal.org/>

CONTENTS

PSYCHOLOGICAL SCIENCES

Дувалина О.Н., Аксёнова Н.Ю.

СПЕЦИФИКА СОЦИАЛИЗАЦИИ ДЕТЕЙ С ДЕВИАНТНЫМ ПОВЕДЕНИЕМ,
ОСНОВАННЫМ НА ГИПЕРСПОСОБНОСТЯХ 5

Dobalina O. N., Aksyonova N. Yu.

SPECIFICITY OF SOCIALIZATION OF CHILDREN WITH DEVIANT BEHAVIOR BASED ON HYPER ABILITIES 5

Гуляева А. С.

ПСИХОЛОГІЧНА ХАРАКТЕРИСТИКА СИСТЕМИ ПЕРЕКОНАНЬ ОСОБИСТОСТІ
В КРИЗОВИХ УМОВАХ ЗА РЕЗУЛЬТАТАМИ ІНТЕРВ'Ю 8

Huliaieva A.S.

PSYCHOLOGICAL CHARACTERISTICS OF THE CHARACTERIZATION
OF THE PERSONALITY IN CRISIS CONDITIONS BY INTERVIEWS RESULTS 8

Кротова Д.Н.

ЭКСТРЕМАЛЬНЫЕ СИТУАЦИИ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СОТРУДНИКОВ
УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ 11

Krotova D.N.

EXTREME SITUATIONS IN THE ACTIVITIES OF EMPLOYEES PENAL SYSTEM 11

Кротова Д.Н.

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ КОНФЛИКТНЫХ СИТУАЦИЙ В СРЕДЕ ОСУЖДЕННЫХ 13

Krotova D.N.

PSYCHOLOGICAL FEATURES OF CONFLICT SITUATIONS AMONG CONVICTS 13

Кротова Д.Н.

К ВОПРОСУ О КОМПЛЕКСЕ НЕПОЛНОЦЕННОСТИ СОТРУДНИКОВ
УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ 15

Krotova D.N.

ON THE ISSUE OF STAFF INFERIORITY COMPLEX PENAL SYSTEM 15

Кучина Т. И., Мороз Т. С.

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ МОТИВАЦИИ ШКОЛЬНЫХ УЧИТЕЛЕЙ 17

Kuchina T. I., Moroz T. S.

SOCIO-PSYCHOLOGICAL FACTORS OF MOTIVATION OF SCHOOL TEACHERS 17

Мостова Т.О.

НАУКОВІ ПІДХОДИ ДО РОЗУМІННЯ СУТНОСТІ ПРОФЕСІЙНОЇ
ФРУСТРОВАНОСТІ ОСОБИСТОСТІ У СУЧАСНІЙ ПСИХОЛОГІЧНІЙ НАУЦІ 19

Mostova T.O.

SCIENTIFIC APPROACHES TO UNDERSTAND THE NATURE
OF THE PROFESSIONAL FROSTERSITY OF PERSONALITY IN THE MODERN PSYCHOLOGICAL SCIENCE 19

Романова М.Ю.

ОТКУДА БЕРУТСЯ ДЕТСКИЕ СТРАХИ 22

Romanova M. Yu.

WHERE ARE THE CHILDREN'S FEARS 22

Фёдоров А.Ф., Суслов Ю.Е.

МЕТОД ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ КОРРЕКЦИИ ПОВЕДЕНИЯ
НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ОСУЖДЕННЫХ ГРУППЫ РИСКА 24

Fedorov A.F., Suslov Yu.E.

METHOD OF PSYCHOLOGICAL CORRECTION OF BEHAVIOUR MINORS CONDEMNED RISK GROUPS 24

Федоров А.Ф.

ПРОБЛЕМЫ ВОСПИТАНИЯ ПОДРАСТАЮЩЕГО ПОКОЛЕНИЯ 26

Fedorov A.F.

PROBLEMS OF EDUCATION OF RISING GENERATION 26

Дувалина О. Н., Чернявская Е. А. ФЕНОМЕН ИНТЕРНЕТ-АДДИКЦИИ КАК ОДНА ИЗ ПРИЧИН ДЕВИАНТНОГО ПОВЕДЕНИЯ ПОДРОСТКОВ	28
Dobalina O. N., Chernyavskaya E. A. THE PHENOMENON OF INTERNET ADDICTION AS ONE OF THE CAUSES OF DEVIANT BEHAVIOR IN ADOLESCENTS.	28

PHILOLOGY

Гузал Маткаримова СЕМАНТИКА СЛОВСОЧЕТАНИЙ С ПРЕДЛОГОМ <i>NACH</i> , НАХОДЯЩИХСЯ ПОД УПРАВЛЕНИЕМ ГЛАГОЛОВ ДВИЖЕНИЯ, НАПРАВЛЕННЫХ НА ОБЪЕКТ, И ОСВЕЩЕНИЕ ИХ ВЫРАЖЕНИЯ В УЗБЕКСКОМ ЯЗЫКЕ.....	31
Guzal Matkarimova SEMANTICS OF PHRASES WITH THE PREPOSITION <i>NACH</i> , WHICH ARE CONTROLLED BY THE VERBS OF MOVEMENT DIRECTED AT THE OBJECT, AND ILLUMINATE THEIR EXPRESSION IN THE UZBEK LANGUAGE.	31
Atamanchuk V. THE PROBLEM OF CONSCIOUSNESS REFLECTION IN I. KOSTETSKII'S DRAMATURGY	33
Елубай Анаргул, Құсайын Әлия Әлімжанқызы ҚЫТАЙ ТІЛІ ИЕРОГЛИФТЕРІНІҢ ҚҰРЫЛУ КАТЕГОРИЯЛАРЫ.....	41
Eleubay Anargul., Kusain Aliya Alimzhanovna CHINESE CATEGORIZATION CATEGORIES.....	41
Имин Сунь МОНОНАЦИОНАЛЬНАЯ ГРУППА КАК ФАКТОР ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ ОБУЧЕНИЯ РКИ КИТАЙСКИХ СТАЖЕРОВ-ФИЛОЛОГОВ	43
Iming Sun MULTINATIONAL AS A FACTOR IN IMPROVING THE QUALITY AND EFFICIENCY FOR TEACHING RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE FOR CHINESE TRAINEES-PHILOLOGISTS.....	43
Аутлева Ф.А., Симбулетова Р.К. ФОРМИРОВАНИЕ ПОЛИЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ В ПОЛИЛИНГВАЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ.....	45
Autleva F.A., Simbuletova R.K. FORMATION OF MULTILINGUAL PERSONALITY IN POLYLINGUAL SPACE	45
Цховребова М. «ПОСТ-ЛЕЙБЕЛЬНЫЙ» МЕТОД ДЖУЛИАНА БАРНСА В КОНТЕКСТЕ ЛИТЕРАТУРЫ АНГЛИЙСКОГО ПОСТМОДЕРНИЗМА.....	48
Tskhovrebova M. "POST-LEYBEL" JULIAN BARNES METHOD IN THE CONTEXT OF THE ENGLISH POSTMODERNISM LITERATURE.....	48
Шигуров В.В., Шигурова Т.А. МОДАЛҒАТЫ ОТГЛАГОЛЬНОГО ТИПА В ЗОНЕ ПЕРИФЕРИИ ВВОДНО-МОДАЛЬНЫХ ЕДИНИЦ.....	55
Shigurov V.V., Shigurova T.A. MODELS OF THE OBTAINING TYPE IN THE PERIPHERAL ZONE OF INTRODUCTIVE MODAL UNITS.....	55
Яркина С.В. СПОСОБЫ ПЕРЕВОДА АББРЕВИАТУР В МЕДИЦИНСКОМ ТЕКСТЕ (НА МАТЕРИАЛЕ РАБОТ ПО НЕЙРОПСИХОЛОГИИ)	58
Yarkina S.V. PECULIARITIES OF TRANSLATING ABBREVIATIONS IN MEDICAL TEXTS (BASED ON WORKS DEDICATED TO NEUROPSYCHOLOGY).....	58
Осипова О.В. ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕДАЧИ НОВЫХ ЯЗЫКОВЫХ ЯВЛЕНИЙ, НОВЫХ СЛОВООБРАЗОВАНИЙ В ПЕРЕВОДЕ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ С АНГЛИЙСКОГО НА РУССКИЙ ЯЗЫК.....	60
Osipova O.V. TRANSMISSION PROBLEMS NEW LINGUISTIC PHENOMENA AND NEW WORD FORMATION IN THE TRANSLATION OF ECONOMIC TEXTS FROM ENGLISH INTO RUSSIAN LANGUAGE.....	60

Осипова О.В.

БИЗНЕС-КЕЙСЫ В ОБУЧЕНИИ СТУДЕНТОВ ВУЗА ЯЗЫКУ ДЕЛОВОГО ОБЩЕНИЯ
(НА ПРИМЕРЕ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА) 62

Osipova O.V.

BUSINESS CASES IN TEACHING STUDENTS THE LANGUAGE OF BUSINESS (ENGLISH) 62

PHILOSOPHICAL SCIENCES

Попов В.В., Музыка О.А.

КОНСТРУКТИВИЗМ ЛОГИКИ НЕПРЕРЫВНОСТИ ИЗМЕНЕНИЯ
В ФОРМИРОВАНИИ КОНЦЕПТУАЛЬНОГО АППАРАТА «ВКЛЮЧАЮЩЕГО» ОБЩЕСТВА 64

Rorov V.V., Musika O.A.

THE CONSTRUCTIVIST LOGIC OF CONTINUITY CHANGES IN
THE FORMATION OF THE CONCEPTUAL APPARATUS OF "INCLUSIVE" SOCIETY 64

Попов В.В., Музыка О.А.

ИНКЛЮЗИВНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В КОНТЕКСТЕ СОЦИАЛЬНЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ 66

Rorov V.V., Musika O.A.

INCLUSIVE EDUCATION IN THE CONTEXT OF SOCIAL TRANSFORMATIONS 66

PSYCHOLOGICAL SCIENCES

УДК 159.99

*Дувалина О.Н.,
кандидат психологических наук,
доцент КГУ им. К.Э.Циолковского, г. Калуга
Аксёнова Н.Ю.
студентка 3 курса, филологического факультета,
КГУ им. К.Э.Циолковского, г. Калуга*

СПЕЦИФИКА СОЦИАЛИЗАЦИИ ДЕТЕЙ С ДЕВИАНТНЫМ ПОВЕДЕНИЕМ, ОСНОВАННЫМ НА ГИПЕРСПОСОБНОСТЯХ

*Dobalina O. N.,
candidate of psychological Sciences,
associate Professor at KSU. K. E. Tsiolkovsky, Kaluga
Aksyonova N.Yu.
3rd year student, The faculty of Philology,
KSU. K. E. Tsiolkovsky, Kaluga*

SPECIFICITY OF SOCIALIZATION OF CHILDREN WITH DEVIANT BEHAVIOR BASED ON HYPER ABILITIES

Аннотация.

В статье рассматриваются особенности социализации детей с гиперспособностями. Одарённые дети, в силу особых личностных качеств часто испытывают проблемы социализации в микросоциуме. Дети с гиперспособностями трудно налаживают социальные контакты со сверстниками, часто ставят завышенные цели, критически относятся к своим достижениям. Повышенная чувствительность к неудачам ведёт таких детей к психологическим расстройствам и снижению самооценки, что запускает процесс цепной реакции и приводит к ещё большим проблемам налаживания социальных связей. Для уменьшения негативных последствий в аспекте социализации одарённых детей следует налаживать продуктивную взаимосвязанную работу всех механизмов социализации. Тогда ребёнку с гиперспособностями будет легко обучаться в коллективе и развивать заложенные особенные качества.

Abstract.

The article deals with the peculiarities of socialization of children with Hyper abilities. Gifted children, due to their special personal qualities, often experience problems of socialization in the micro-society. Children with Hyper abilities are difficult to establish social contacts with peers, often set high goals, are critical of their achievements. Increased sensitivity to failure leads these children to psychological disorders and lower self-esteem, which triggers a chain reaction and leads to even greater problems of social networking. In order to reduce the negative impact on the socialization of gifted children, it is necessary to establish productive interrelated work of all socialization mechanisms. Then the child with Hyper abilities will be easy to learn in a team and develop inherent special qualities.

Ключевые слова: социализация, гиперспособности, одарённые дети, личностные качества.

Key words: socialization, Hyper abilities, gifted children, personality.

В настоящее время широкое распространение получил личностно-ориентированный подход в обучении и воспитании. Он основывается на выборе методики преподавания в соответствии с личностными качествами ребёнка. Особый интерес вызывают особенности воспитания детей с гиперспособностями, так как часто именно у одарённых детей возникают проблемы с взаимодействием в учебном коллективе и, следовательно, с эффективным усвоением знаний. Особенности социализации одарённых детей диктуются их неординарными личностными качествами и способностями.

Существуют различные типы девиантного поведения. Одним из них является тип, основанный на гиперспособностях человека, впервые выделенный К.К.Платоновым. Гиперспособностями называют ярко выраженные, рано проявляющиеся или

редко встречающиеся способности. Кроме того, в этих случаях говорят об одарённости, таланте или гениальности, в зависимости от степени проявления определённых способностей. Одарённость – это системно развивающееся в течение жизни качество психики (высшей нервной деятельности), которое определяет возможность достижения человеком более высоких (необычных, незаурядных по сравнению с другими людьми) результатов деятельности.

Чаще всего гиперспособности или одарённость проявляется в школе. Она замечается учителями по ряду признаков. Одарённые дети показывают хорошие результаты в учёбе. Их мышление работает быстрее, чем у других детей, они способны легко усваивать материал повышенной сложности, выбирают оригинальные пути решения

познавательных задач, могут найти несколько способов выхода из определённой учебной ситуации. Кроме того, одарённые владеют большим объемом информации, у них богатый словарный запас, легко устанавливают причинно-следственные связи, хорошо чувствуют противоречия, быстрее анализируют, синтезируют, перерабатывают информацию, обладают критичным мышлением, очень любознательны.

Но за положительными сторонами одарённости могут скрываться и отрицательные. Детям с гиперспособностями зачастую сложно заводить новые знакомства, общаться с друзьями. Они нередко сталкиваются с завистью со стороны сверстников. Иногда и сами начинают чувствовать своё превосходство над другими, что ещё больше усугубляет проблемы взаимоотношения с ровесниками. Одарённость может проявляться лишь в одном направлении. Одарённые дети предпочитают заниматься тем, что у них получается лучше всего, забывая, что развитие только тогда идёт на пользу, когда оно разностороннее и гармоничное. Даже самые простые бытовые дела могут вызывать затруднения у них. Это может проявляться в неловкости, «чуждоватости» их поведения. Отсюда возникает большое количество комплексов, отголоски которых в дальнейшем будут напоминать о себе в течение многих лет.

Из этих наблюдений можно сделать вывод о том, что социализация детей с гиперспособностями имеет ряд специфических свойств.

Социализация одаренных детей - это сложный, непрерывный, многофункциональный процесс, протекающий на биологическом, психологическом, социальном, культурном и управленческо-педагогическом уровнях. Он осуществляется при взаимодействии с социумом и направляет одарённую личность к успешной деятельности, активному общению с другими, развитию самосознания. Социализация способствует увеличению социальных связей ребёнка с окружающим миром, способствующим его развитию. Важным аспектом в социализации одарённых детей является ориентация на способность к самосовершенствованию, саморазвитию. Необходимо воспитывать человека, имеющего нестандартное мышление, умеющего находить различные способы решения любых жизненных ситуаций. В процессе воспитания одарённой личности необходимо также научить ребёнка работать над собой, самостоятельно развивать собственное мышление и воображение, развивать общую креативность, оригинальность мышления. Усвоение социального опыта может происходить через различные институты. Выделяют общие механизмы социализации одарённых детей, к которым, прежде всего, относятся традиционный механизм. При нём социализация происходит посредством семьи и ближайшего окружения ребёнка. Родственники помогают решать проблемы взаимодействия ребёнка со сверстниками, учителями и обществом вообще. Создают благоприятные условия общения и взаимодей-

ствия. Ещё одним механизмом социализации является институциональный. Здесь усвоение социального опыта происходит через общественные институты, обеспечивающие образование и воспитание одарённых детей. Следующим механизмом является межличностный. Так, социализация может происходить и через общение с другими людьми. Ребёнок включается в систему социальных связей, положительное эмоционально-ценностное общение. Также существует рефлексивный механизм социализации. Ребёнок усваивает социальный опыт по средствам самопознания, самооценки, рефлексии собственного поведения и индивидуальных возможностей.

В результате наблюдений стало возможным выделение следующих основных психологических свойств личности с гиперспособностями: ускоренное психическое развитие; повышенная чувствительность; низкая конформность; обострённое чувство справедливости; непосредственность эмоциональных проявлений; неадекватная самооценка (как правило, заниженная); определённый эгоцентризм (особенно в младшем возрасте – до 7 лет); повышенная агрессия.

Из-за того, что зачастую особенные качества личности одарённого ребёнка идут вразрез с требованиями, которые предъявляет к нему общество, у ребёнка возникают проблемы в социализации, адаптации к новым условиям. Это может послужить стимулом к сильному нервно-психологическому напряжению, что в свою очередь приведет к дезадаптации и повышенной агрессии. Кроме того, одарённые дети часто ставят перед собой завышенные цели, что приводит к неудачам, а вследствие этого к заниженной самооценке, стрессам.

Детям с гиперспособностями свойственна малая эмоциональная выдержка, низкая стрессоустойчивость, импульсивность, но также и самостоятельность в решении поставленных задач, поиск собственных путей выхода из проблемной ситуации, креативность, склонность к риску. Эти качества способствуют учебной и творческой активности ребёнка, но могут способствовать неумению противостоять различным негативным воздействиям со стороны социума, делают детей психологически беззащитными. Одарённые дети склонны к перфекционизму, т.е. стремятся к совершенству. Они не хотят останавливаться, пока уровень их работы не станет высшим. Им свойственно чувство неудовлетворенности своим трудом, они критичны к своим достижениям. Отсюда может появляться чувство некоей неполноценности.

Дети с гиперспособностями обладают сверхчувствительностью. Так как они более восприимчивы к сенсорным стимулам, они склонны критически оценивать не только себя, но и других. Такой ребёнок нередко считается гиперактивным, часто отвлекается на посторонние предметы. Отсюда могут возникать большие проблемы с учёбой, вследствие слабой усидчивости. Одарённые дети любознательны от природы. Нередко они концентрируют на себе внимание взрослых, в том числе и учителей, что приводит к усложнению отношений

с ровесниками, которым также хочется ощущать на себе постороннее внимание. Вследствие этого могут возникать конфликты в детском коллективе, и одарённые дети из-за зависти других детей к ним могут становиться изгоями.

К непониманию со стороны сверстников, агрессивности и конфликтности могут приводить и такие особенности личности одарённых детей, как низкий уровень конформности, эгоцентризм, проявляющийся в неумении поставить себя на место другого, в неумении слушать собеседника, также стремлением к лидерству, нетерпимость к менее развинутому и успевающему ученику, привычка поправлять других. Одарённым детям свойственна высоко выраженная потребность в признании со стороны других, этом часто приводит к конфликтам.

Большое влияние на формирование личностных качеств одарённого ребёнка имеет характер семейного воспитания, средства, формы, методы обучения, используемые на уроках, а также нормы поведения в детском коллективе. Характер семейного воспитания может изменяться от подавления познавательной и творческой активности ребёнка до чрезмерных требований со стороны родителей. Оба этих случая неблагоприятно влияют на процесс социализации. Родители в любом случае ожидают высоких достижений от ребёнка, что приводит к страху несоответствия их ожиданиям. У ребенка возрастает тревожность, появляется агрессия, что приводит к нервным расстройствам. Взрослым следует контролировать критику в отношении ребёнка, не стоит заострять внимание на его неудачах. Что касается педагогических приёмов, используемых учителями, при их выборе необходимо учитывать индивидуальные особенности развития детей. Несоответствие методов, способов, уровня сложности обучения может привести к потере мотивации, интереса к учению. Для успешной социализации одарённых детей учителю также следует

формировать здоровый детский коллектив, где дети с гиперспособностями не будут страдать от зависти со стороны других детей и смогут органично влиться в класс.

У детей с девиантным поведением, основанным на гиперспособностях, наблюдаются проблемы, связанные с социализацией их в коллективе. Эти проблемы имеют различную природу и интенсивность. Они могут быть связаны с личностными качествами, а также со средовыми условиями. Для компенсации негативных последствий, вызванных проблемами социализации, необходимо построить грамотное взаимодействие между основными институтами социализации – семьей и общественными образовательными учреждениями. Оба эти института должны оказывать поддержку одарённому ребёнку для комфортной жизни в обществе, а также для развития его особенных качеств.

Список используемой литературы:

1. Заславская О.В., Сальникова О.Е. Одарённые дети как научно-педагогическая проблема. [Электронный ресурс]: <https://cyberleninka.ru/article/n/odarennnye-deti-kak-nauchno-pedagogicheskaya-problema>
2. Гаркавенко З.А. Проблемы социализации одарённых детей в условиях общеобразовательной школы. [Электронный ресурс]: <https://lib.vsu.by/xmlui/handle/123456789/4494>
3. Менделевич В. Д. Психология девиантного поведения. Учебное пособие. — СПб.: Речь, 2005. - 445 с.
4. Михайлов В. А. Социализация одарённых учащихся в процессе социально-психологической адаптации к инновационным условиям обучения и воспитания (в условиях довузовской подготовки). [Электронный ресурс]: <http://na-journal.ru/3-2013-gumanitarnye-nauki/330-socializacija-odarenyh-uchashhihsja-v-processe-socialno-psihologicheskoy-adaptacii-k-innovacionnym-uslovijam-obuchenija-i-vozpitanija-v-uslovijah-dovuzovskoj-podgotovki>

Гуляєва А. С.

Ніжинський державний
університет імені Миколи Гоголя[DOI: 10.24411/2520-6990-2019-10121](https://doi.org/10.24411/2520-6990-2019-10121)**ПСИХОЛОГІЧНА ХАРАКТЕРИСТИКА СИСТЕМИ ПЕРЕКОНАНЬ ОСОБИСТОСТІ В
КРИЗОВИХ УМОВАХ ЗА РЕЗУЛЬТАТАМИ ІНТЕРВ'Ю**

Huliaieva A.S.

Nizhyn Mykola Gogol State University

**PSYCHOLOGICAL CHARACTERISTICS OF THE CHARACTERIZATION OF THE
PERSONALITY IN CRISIS CONDITIONS BY INTERVIEWS RESULTS****Аннотація.**

В статье рассмотрена проблема вынужденного переселения, которая стала причиной многих разрывов в жизни человека. Акцентировано внимание на убеждения, которые оказывают определенное влияние на стрессоустойчивость, адаптацию и дальнейшую деятельность человека в изменившихся условиях. Также в статье представлены результаты интервью, проведенного с переселенцами из зоны АТО. Опрошенные нами переселенцы из зоны АТО отвергают убеждение в том, что люди изначально плохие, а также то, что это именно они виновны в войне. Для некоторых интервьюированных важно «не выбирать истинность в последней инстанции».

Abstract.

The article deals with the problem of forced relocation, which has caused many disruptions in a person's life. Attention is focused on beliefs that have a certain impact on stress tolerance, adaptation and further human activity in the changed conditions. The article also presents the results of an interview conducted with immigrants from the ATO area. The immigrants from the anti-terrorist operation zone that we surveyed reject the belief that people are initially bad, and also that it is they who are guilty of war. For some interviewees, it is important "not to choose the ultimate truth."

Ключевые слова: убеждения, кризис, переселенцы, поведение, мотивация.

Key words: beliefs, crisis, migrants, behavior, motivation.

Згідно з даними ООН, у зв'язку із подіями в Україні 2014 р., кількість вимушених біженців і переселенців з Криму, Луганської та Донецької областей на сьогоднішній день складає 1 млн 230 тис. осіб. ЗМІ називають ще більшу кількість – 2,5 млн осіб, що є рекордним значенням за останнє десятиліття в межах усієї Європи. Та попри те, що кримські та донбаські вимушені переселенці є переселенцями внутрішніми, що мало би істотно сприяти їхній соціальній адаптації та подальшому повноцінному життю, насправді вони знаходяться в положенні біженців у власній країні.

Це безпосередньо чинить величезний тиск на людей, які у зв'язку із відносно мирними (Крим) або відверто військовими діями (Донбас) вимушені тікати із своїх будинків, переживаючи стрес, втрати, недовіру до власної країни, – і це на фоні ситуації соціально-правової та економічної нерівності, що деморалізує.

Приймаючи рішення про від'їзд з історичної батьківщини, люди, як правило, виявляються в кризових умовах, коли цілком сформовані життєві структури руйнуються, і практично не залишається скільки-небудь ясних і чітких орієнтирів, що визначають подальший розвиток подій.

Аналіз наукових праць свідчить про зростання наукового інтересу до проблеми вивчення різних аспектів поведінки, спрямованої на подолання складних для особистості ситуацій (Л. Анциферова, Р. Ахмеров, В. Бодров О. Бітюцька, Ф. Василюк, Н.

Воляннюк, Т. Крюкова, С. Максименко, Т. Титаренко); окреслено основні підходи до вивчення психологічних аспектів складних життєвих ситуацій, які потребують від людини дій, що перевершують її адаптивні можливості та ресурси (І. Бринза, Л. Бурлачук, Є. Варбан, Ю. Лановенк, О. Коржова).

Метою даної роботи є емпіричний аналіз системи переконань особистості в кризових умовах за результатами інтерв'ю.

Переконання – це уявлення, знання, ідеї, що стали мотивами поведінки людини і визначають її ставлення до різних сфер дійсності; компоненти світогляду особистості [2, с. 58]. Наявність переконань пов'язане з визнанням і безпосереднім переживанням їх істинності, а також з потребою реалізувати їх. Можна говорити про моральні, наукові, релігійні та інші переконання.

Для того, щоб більше дізнатися про феноменологію та психологічні особливості системи переконань особистості в кризових умовах (на прикладі вимушеного переселення із зони АТО), ми провели інтерв'ювання 78 переселенців із зони АТО.

Інтерв'ю було структурованим. Всім досліджуваним задавалися питання щодо змін у їхньому житті після переїзду.

Список запитань ми склали на основі моделі логічних рівнів Р. Ділтса [1, с. 59], яка припускає такі рівні: оточення (рівень реакції), поведінка (рівень дії), здібності (рівень джерел і спрямованості),

переконання і цінності (рівень мотивації), ідентичність (рівень соціальних ролей, самоотождоження), місія (духовний рівень, пов'язаний зі смислами).

Інтерв'юована вибірка характеризується тим, що 100% опитаних є вимушеними переселенцями із зони антитерористичної операції в Україні. 39% респондентів мають вік від 26 до 29 років, 30% респондентів належать до вікової групи від 30 до 35 років, 13% досліджуваних знаходяться у віковому діапазоні від 37 до 40 років, 13% досліджуваних мають вік від 41 до 44 років, а 5% респондентів є віком 55 років. За професійною належністю були опитані менеджери, психологи, бухгалтери, фрілансери, матері в декретній відпустці, директори фірм, майстри манікюру, хіміки, математики, асистенти стоматолога, викладачі, фрілансери. За статтю вибірка розподілилася на 28% чоловіків та 72% жінок. 80% опитаних були вимушеними переселенцями з Луганську, інші раніше жили в Донецьку, Кам'янці, Макіївці, Стаханові. Зараз 68% опитаних мешкає в Києві, а інші респонденти в інших містах України (Харків, Бориспіль, Одеса), Росії та Франції.

Відповідаючи на запитання «Хто і що є у Вашому житті після переїзду з рідного міста?», респонденти вказували наявність сім'ї, роботи, нових знайомих, домашні тварин, роботи, навчання, дефіциту часу, втому, невизначеність, страхи (залишитися на вулиці, страх за близьких, які залишилися «там»). Про наявність сім'ї говорили 78% опитаних. Дехто вказував, що у нього зараз депресія. Одна досліджувана зауважила, що у неї є «подруга і деякі речі». 37% респондентів зауважували, що мають тут друзів. Один інтерв'юований зауважив, що має зараз «підвишений стан». Для меншої кількості респондентів (43%) характерними є швидше оптимістичні переконання. Наприклад, одна респондентка вказувала: «Зараз маю багато нових, цікавих знайомих, друзів, більше перспектив у професійній сфері, більший рівень заробітків, постійний розвиток та самоосвіту. Змінилося оточення та погляди на життя, зросли цілі та мрії, стали більш амбіційними».

Відповідаючи на запитання «Кого і чого немає у Вашому житті після переїзду з рідного міста, і хотілося б, щоб не було?», досліджувані вказували на важливість того, що немає військових дій (62% опитаних вказали це саме при відповіді на це питання), деяких знайомих людей, в цілому недоброчинних людей, шлюбних партнерів, з якими вже розлучилися. Одна респондентка відповіла: «Вибухів, паніки, неможливості говорити те, що думаю». 32% досліджуваних вказали, що їм важко відповісти на це запитання.

Аналізуючи відповіді на запитання «Що ви робите у Вашому житті після переїзду з рідного міста?», слід зауважити, що більшість опитаних (57%) вказали, що працюють. Дехто вказував на особистісне зростання, яке має місце в житті зараз. 8% опитаних знаходяться в декретній відпустці. 42% респондентів зауважили, що активно прагнуть адаптуватися до нових умов та обставин життя. Одна досліджувана відповіла: «Багато працюю. Ба-

гато навчаюся (підвищую кваліфікацію за професією, різні особистісні тренінги, семінари із створення власного бізнесу, фінансової грамотності тощо). Проходжу терапію періодично. Вчуся радіти тут і тепер. Ціную час, проведений з сім'єю, друзями. Відвідую різні культурні заходи». Відповіді на запитання «Чого ви не робите у Вашому житті після переїзду з рідного міста?» розділилися між тими, хто вказав, що не заробляє грошей (35%), не займається спортом та фізичною активністю (24%), не зустрічається та не проводить час із друзями (21%) та тими, хто дав інші відповіді. Зокрема, респонденти вказували, що зараз не можуть приділяти час для своїх хобі, не приділяють час своїм інтересам, не займаються доглядом за собою в тій же мірі, як і раніше, «не страждають про те, що було втрачене». Також для значної частини опитаних значущим було те, що зараз вони не можуть багато часу приділяти родині, домашнім улюбленцям або, наприклад, роботі на присадибній ділянці.

Респонденти, які давали відповіді на запитання «Чого ви не робите у Вашому житті після переїзду із рідного міста, але хотілося б робити?» вказували на бажання бути більше з близькими та рідними людьми (65%), мати своє житло (48%), подорожувати (32%), заробляти гроші (31%), спілкуватися з друзями (23%), приділяти час інтересам та хобі (18%). Зазначимо, що такий процентний розподіл можливий, зокрема, завдяки тому, що інтерв'ю було неструктурованим, ми записували всі відповіді респондентів, а вони, у свою чергу, могли давати необмежену кількість відповідей – від короткого «не знаю» до розлогих оповідей.

Вивчаючи відповіді респондентів на запитання «Які Ваші здібності підтримують ці варіанти поведінки в цьому оточенні?», слід зазначити, що часто називалися здібності до контролю, комунікабельність, вміння навчатися, чесність, відкритість, зібраність, здатність помічати красу, уміння співпереживати людям, фінансова грамотність, вміння бути вдячним, наполегливість, оптимізм, опора на свої сильні сторони, цілеспрямованість, адаптивність, здатність до саморегуляції, стресостійкість, витривалість, научуваність, відповідальність, життєрадісність, дружелюбність, впевненість, професіоналізм, креативність, гнучкість. Особливо часто називалася комунікабельність (47%).

Аналізуючи відповіді на запитання «Яких здібностей у Вас немає, але хотілося б мати?», можна впевнено зробити висновок про досить індивідуальний характер того, що досліджувані хотіли б мати як власну здібність. Зокрема, серед переліку бажаних умінь можна знайти здатність передбачати майбутнє, згладжувати кути, уміння літати або керувати часом, довіру до світу та до того, як йде життя, оптимізм, здатність правильно розподіляти свої сили, силу волі, акторську майстерність, азарт, творчі здібності, здатність абстрагуватися від неприємних переживань, терпіння, цілеспрямованість, відкритість, вміння доводити справи до кінця та організовувати свій час, рішучість та здатність довіряти власній інтуїції.

Відповідаючи на запитання «Яких здібностей у Вас немає, і не хотілося б їх мати?», респонденти вказували на небажаність наявності деспотичності, шовінізму, азартності, переконання, що «Всі мені винні», емоційності, зневажливого ставлення до близьких та знайомих людей, вміння брехати та обманювати, інфантильності, надмірної чутливості, жорстокості, інфантильності, егоїзму, грубості, лінощів, дефектів здоров'я, психічних розладів. У цілому слід зауважити, що респонденти досить вільно зрозуміли слово «здібності», вклавши у нього і риси характеру, і окремі вміння. Але специфіка психологічного дослідження за допомогою інтерв'ю допускає таку роботу з індивідуально-своєрідними відповідями опитуваних.

Даючи відповідь на наступне запитання – «Які переконання і цінності визначають Ваші здібності підтримувати ці варіанти поведінки в цьому оточенні?», досліджувані зазначали цінності життя, родини, дружби, простоти, взаємодопомоги, довіри, відповідальності, любові до Батьківщини, чесності, порядності, віри в краще. Частина досліджуваних вказували, що не хочуть нікого засуджувати та робити комусь щось зле (8%). Для 18% досліджуваних важливо усвідомлювати, що вони все роблять правильно. У цілому на важливість моральних цінностей вказали 58% опитаних респондентів. Характерним при відповідях на це запитання було для респондентів вживати прислів'я та фразеологізми: «Сказав – зроби, не можеш – ніхто за язика не тягнув»; «Добро завжди перемагає зло»; «Моя сім'я – моя фортеця»; «Якщо це зробив хтось – то зможу і я». Одна респондентка на це запитання відповіла: «Робити все спільно. Переконаність, що, працюючи з однією ідеєю, досягаєш більшого успіху». Інший респондент вказав: «Це переконання в тому, що від початку всі люди добрі, поки вони не довели зворотнього».

Аналізуючи відповіді на запитання «Які переконання і цінності у Вас є, але хотілося б, щоб їх не було?», слід відзначити, що респонденти вказували тут на надмірне звання до місць та людей, страх, лінощі, почуття провини, конфліктність, принциповість, очікування від людей більшого, ніж вони можуть, сумніви в своїх силах, політичні погляди, надмірну довіру до людей, порівняння себе з іншими. Знову-таки респонденти замість переконань і цінностей могли вказувати на риси характеру або емоції, але при роботі з методом інтерв'ю необхідно звертати увагу перш за все на суб'єктивну картину життя опитуваних. Серед переконань вказували на ідею, що треба комусь допомогти навіть за рахунок власного часу, а також на переконання в тому, що треба досягти поставленої цілі будь-яким шляхом, та на ідею про те, що не можна мріяти про велике, значуще.

Вивчаючи відповіді респондентів на запитання «Яких переконань і цінностей у Вас немає, але хотілося б, щоб вони були?», слід зауважити, що 26% опитаних хотіли б простіше ставитися до ситуацій та до життя в цілому. 24% респондентів хотіли б перестати приймати все близько до серця. 14% дослі-

джуваних воліли б, щоб кар'єра та робота перестали бути на першому місці. Одна досліджувана відповіла: «Інколи бути слабкою і не боятися це визнати». Інша досліджувана сказала: «Переконань про те, що можна гарно відпочивати, а не тільки працювати, і це не загрожує банкрутством». Ще одна респондентка відповіла: «Переконання в тому, що світ до мене доброзичливий просто так. І взагалі що щось буває просто так». Частина респондентів говорили про те, що важливо враховувати почуття інших, не намагаючись будь-що довести свою правоту. 11% досліджуваних хотіли б мати впевненість відстоювати свої переконання. Деякі респонденти вказували на переконання в тому, що ніхто нікому і нічого не винен. Як на важливу цінність вказували на те, що сім'я повинна бути на першому місці. Для деяких важливо було підкреслити власну суб'єктність і можливість побудувати своє життя так, як вони цього захочуть. Один досліджуваний хотів би мати здоровий, тверезий розум аналітика, а інший хотів би мати здоровий егоїзм. Одна досліджувана, 35 років, знаходиться зараз у декретній відпустці, хотіла б, щоб у неї було переконання, що війна закінчиться. 16% досліджуваних відповіли «Не знаю» або «Важко відповісти».

Даючи відповідь на запитання «Яких переконань і цінностей у Вас немає, і не хотілося б, щоб вони були?», респонденти відмічали, що не хотіли б думати, що «Війна буде вічно», «Потрібно терпіти те, що тобі не подобається», «Всі мені винні», «Людське життя нічого не варте», «Жити за чийсь коштів», «Все можна купити за гроші», «Хитрість та наглість – це друге щастя». Досліджувані не хотіли б нехтувати близькими та знайомими людьми, не хотіли б бути егоїстичними та лицемірними у спілкуванні, не хотіли б, щоб на першому місці були матеріальні цінності та/або кар'єра, не воліли б нав'язувати свою точку зору та бути нечесними з собою та оточуючими. Для 21% людей, з якими ми проводили інтерв'ю, при відповіді на це запитання важливо було відмітити, що вони не хотіли б часто переїжджати, вести «кочовий» спосіб життя». Опитані нами переселенці із зони АТО відкидають переконання в тому, що люди від початку погані, а також те, що це саме вони винні у війні. Для деяких інтерв'юваних важливо «не вибирати істинність в останній інстанції». 16% респондентів вказали, що їм важко відповісти на це запитання.

Переконання особистості щодо самої себе і своїх можливостей в навколишньому світі незмінно і в значній мірі вони впливають на саморегулювання в кризових умовах. Є переконання, що служать ресурсом, і поряд з цим – переконання, що стримують цей процес. Виявлення переконань, які негативно і навпаки корисно впливають на процес саморегуляції особистості і робота по їх зміні може стати важливим інструментом в роботі психологів, педагогів, соціальних працівників.

Література

1. Дилтс Р. Изменение убеждений с помощью НЛП / Роберт Дилтс, пер. с англ. В.П. Чурсина. – М.: Независимая фирма «Класс», 2000. – 192 с.
2. Мясищев В. Н. Психология отношений. Избранные психологические труды / Владимир Николаевич Мясищев. – Москва: Институт практической психологии; Воронеж: НПО «МОДЭК», 1995. – 356 с.

УДК: 343.83

3. Титаренко Т. М. Психологічне здоров'я особистості: засоби самопомоги в умовах тривалої травматизації : монографія / Тетяна Михайлівна Титаренко / Національна академія педагогічних наук України, Інститут соціальної та політичної психології. – Кропивницький : Імекс-ЛТД, 2018. – 160 с.

Кротова Дарья Николаевна
научный сотрудник НИЦ-2 ФКУ НИИ ФСИН России

ЭКСТРЕМАЛЬНЫЕ СИТУАЦИИ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СОТРУДНИКОВ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ

Krotova Darya Nikolaevna
researcher SIC-2 Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia

EXTREME SITUATIONS IN THE ACTIVITIES OF EMPLOYEES PENAL SYSTEM**Аннотация**

В данной статье раскрывается определение экстремальных ситуаций, представлены их виды; рассматриваются психологические особенности влияния экстремальных ситуаций на деятельность сотрудников уголовно-исполнительной системы.

Abstract

This article reveals the definition of extreme situations, presents their types; psychological features of the impact of extreme situations on the activities of employees of the penitentiary system are considered.

Ключевые слова: экстремальные ситуации, поведение сотрудников, осужденные, уголовно-исполнительная система, профессии экстремального характера.

Key words: extreme situations, employee behavior, convicted persons, the penitentiary system, professions of an extreme nature.

В современном мире, характеризуемом как «век информационных технологий», экстремальных ситуаций и стрессов не стало меньше, и они приобрели, зачастую, скрытый характер оказываемых воздействий (благоприятных или неблагоприятных) на личность человека и его поведение. Опыт преодоления трудностей (экстремальных ситуаций) диалектичен: одних он может закалить, но надломить других. Поэтому важно пройти полноценную экстремальную подготовку для успешного преодоления экстремальных ситуаций.

Экстремальные ситуации – это практически и психологически трудные для человека жизненные, профессиональные и иные ситуации, сопряженные с повышенными, предельными и даже запредельными нагрузками, ответственностью, разного рода рисками, опасностями, чреватые нежелательными последствиями (порой возможностью гибели).

Экстремальными также называют ситуации, которые ставят перед человеком большие объективные и психологические трудности, обязывают его к полному напряжению сил и наилучшему использованию личных возможностей для достижения успеха и обеспечения безопасности [2].

Экстремальная ситуация может разрешиться внешне благополучно, но, как правило, она не проходит бесследно для человека, испытавшего ее воздействие.

Экстремальные ситуации многочисленны и разнообразны. Они отличаются по трудности, степени и характеру угроз, опасностям, возможным последствиям, требованиям к подготовке и поведению людей. По совокупности этих признаков, или, как говорят, по степени экстремальности, различают ситуации [2]:

- нормальные;
- параэкстремальные;
- экстремальные;
- гиперэкстремальные.

Для понимания и управления профессиональными стрессами важно учитывать два момента содержательной характеристики стресса:

1) влияние профессиональной деятельности может породить психологические причины развития стресса;

2) так же как любой психологический стресс (внутри- и межличностного плана) может находить свое отражение в поведенческой, в том числе и в трудовой активности человека.

Профессиональная же деятельность сотрудников уголовно-исполнительной системы Российской Федерации (далее – УИС) имеет ряд отличий от профессий в системе «человек – человек», в том числе и профессий экстремального характера. Она относится к разряду сложных.

Служба в УИС требует наличия определенных качеств, среди которых важное место занимают психологические. Именно от психологических навыков и умений справляться с эмоциональными трудностями будет зависеть качество работы и здоровье сотрудников, в том числе и психоэмоциональное.

Рассмотрение психологического обеспечения, осуществляемого в отношении сотрудников УИС, предполагает не только определение его сущности и специфики в данной системе, но и установление особенностей в процессе его осуществления, необходимых общих принципов, на которых оно должно строиться.

Здесь, в первую очередь, необходимо рассмотреть такие стресс-факторы, как:

- 1) правовая регламентированность деятельности;
- 2) относительная закрытость и удаленность исправительного учреждения (далее – ИУ);
- 3) широта и многоплановость вступления в контакт с осужденными с различным уровнем психолого-педагогической запущенности;
- 4) спонтанность, неповторимость, а порою и конфликтность общения;
- 5) наличие властных полномочий;
- 6) высокая значимость решаемых задач, высокая ответственность;
- 7) опасность, дефицит времени, однообразие, монотонность, своеобразие внешних условий, психологическая перегрузка, внезапность и др.

Особенно это характерно для такой группы сотрудников УИС, которые осуществляют контролирующую, надзорную функции, то есть имеют явно выраженный силовой характер служебной деятельности (оперативный отдел, отдел безопасности, отдел режима и надзора, отдел охраны) [1].

Специфичность стрессов сотрудников УИС обусловлена также расположением различных ИУ, их удаленностью от культурных центров, специфическими условиями (социально-бытовые условия, особенности постройки ИУ и прилегающих к нему зданий, состояние системы охраны и надзора, климатические условия и т.д.), которые оказывают дополнительное стрессогенное влияние на психику как сотрудников, стремящихся поскорее завершить свою работу, так и осужденных, отбывающих наказание в ИУ.

Условиями, предшествующие возникновению экстремальных ситуаций в деятельности учреждений УИС, являются следующие:

1. Значительное сосредоточение осужденных, имеющих отрицательную направленность с явно выраженными асоциальными установками (отрицательно настроенные осужденные стремятся к объединению в группы и группировки).

2. Недостатки и упущения в организации надзора за осужденными, воспитательной работы с ними; в организации их быта, досуга, материально-бытового обеспечения, производства.

3. Возникновение и развитие межличностных и групповых конфликтов в среде осужденных.

4. Увеличение количества нарушений требований режима.

5. Наличие «тюремного» закона и криминальной субкультуры.

6. Быстрое распространение слухов среди осужденных, формирование агрессивных групповых мнений и настроений.

7. В поведении осужденных проявляется повышенная нервозность, подозрительность, неисполнительность, агрессивность и др.

К чрезвычайным ситуациям относятся:

- 1) отказ осужденных от выхода на работу;
- 2) массовый отказ осужденных от приема пищи;
- 3) конфликты среди осужденных, грозящие причинением телесных повреждений и убийством;
- 4) массовые и грозящие последствиями индивидуальные неповиновения;
- 5) массовые беспорядки, а также захват заложника.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что осложнение оперативной обстановки и чрезвычайные ситуации в учреждениях УИС могут возникнуть внезапно, создавая угрозу жизни как для сотрудников, несущих службу в учреждениях УИС, так и для осужденных, отбывающих наказание в этих учреждениях, нарушая условия нормального функционирования учреждений, ставя перед сотрудниками задачи, не соответствующие их обычному режиму работы, а, следовательно, приводя к ситуациям экстремального характера.

Список литературы:

1. Малышев А.Г. Психология поведения сотрудников уголовно-исполнительной системы в экстремальных ситуациях. Человек: преступление и наказание. 2015. № 4 (91). С. 151-154.
2. Столяренко А.М. Экстремальная психопедагогика: учеб. пособ. – М.: Юнити-Дана, 2002. С. 16-17.

УДК: 343.81

Кротова Дарья Николаевна
научный сотрудник НИЦ-1 ФКУ НИИ ФСИН России

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ КОНФЛИКТНЫХ СИТУАЦИЙ В СРЕДЕ ОСУЖДЕННЫХ

Krotova Darya Nikolaevna
researcher SIC-1 Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia

PSYCHOLOGICAL FEATURES OF CONFLICT SITUATIONS AMONG CONVICTS

Аннотация

Данная статья посвящена рассмотрению психологических особенностей конфликтных ситуаций, возникающих в среде осужденных, содержащихся в исправительных учреждениях уголовно-исполнительной системы.

Abstract

This article is devoted to the consideration of the psychological characteristics of conflict situations arising among convicts held in correctional institutions of the penitentiary system.

Ключевые слова: осужденные, конфликты, конфликтные ситуации в среде осужденных, уголовно-исполнительная система.

Key words: convicts, conflicts, conflict situations among convicts, the penitentiary system.

Проявлениями криминальной субкультуры в среде осужденных являются конфликты, насилие и другие деструктивные явления. Вполне естественно, что конфликты, как социально-психологическое явление, возникают в социальной среде осужденных, а их истоки лежат, прежде всего, в противоречиях ценностей, интересов различных категорий осужденных: носителей криминальных норм и имеющих просоциальную (одобряемую государством, большинством членов общества) направленность. В среде осужденных они также обусловлены традициями, обычаями криминального мира, решают многие спорные вопросы насильственным путем, вплоть до убийства конкурента, противника.

Конфликты в обществе и социальной среде осужденных – это социальная и психологическая закономерность поведения людей в сложных (экстремальных) условиях. Их нельзя запретить в приказном порядке, но ими можно управлять, своевременно устранять противоречия, вызывающие противоборство участников конфликта, учиться достигать компромисс [1].

Конфликт характеризуется определенными составляющими элементами, которые должны анализироваться и учитываться в процессе их разрешения и профилактики. К ним относятся:

- формы или признаки проявления конфликта;
- стороны или участники конфликта;
- основные причины конфликта;
- динамика (стадии) конфликта;
- возможные последствия конфликта (его влияние на участников и социально-психологическую обстановку учреждения);
- способы разрешения конфликта и профилактики дальнейшего осложнения оперативной обстановки.

Основными формами и индикаторами проявления конфликтов могут быть: споры участников, эмоционально насыщенное общение, нецензурная брань, оскорбления, угрозы в адрес одной из сторон, физическое воздействие и другие формы насилия. Эмоциональное возбуждение, агрессия, гнев или ощущение страха, физиологические проявления – это важные индикаторы конфликта.

При анализе и разрешении конфликтов важно обращать внимание на следующие характеристики его участников: социально-психологический статус осужденного; роль (действия) осужденного в конфликтной ситуации; личностные и индивидуально-психологические особенности осужденного [2].

Социально-психологический статус осужденного определяется, в первую очередь, его принадлежностью к определенному страту в субкультуре осужденных: лидер криминальной направленности; осужденные, активно поддерживающие криминальные нормы; нейтрально относящиеся к криминальным нормам; осужденные с низким психологическим статусом («изгой», «обиженный»); представители одной из молодежных группировок до осуждения (например, фанаты этнической или экстремистской направленности и др.).

Игнорирование данной характеристики участников конфликта, порой, приводила к непрофессиональным действиям сотрудников исправительных учреждений, которые вместо попытки разрешить конфликт, еще более его усугубляли и давали повод для агрессивных действий осужденных.

Разрешая конфликт, особенно с участием группы осужденных, важно понять роль сторон в его возникновении: кто инициатор (зачинщик), кто дал повод, кто выступает в роли подстрекателя (умышленного или неумышленного провокатора), кто занимает нейтральную позицию, кто наиболее агрессивен, кто может оказаться жертвой конфликта.

Следует учитывать и индивидуально-психологические особенности осужденных:

- 1) характер совершенного преступления;
- 2) состоит ли на профилактическом учете в учреждении, и по какому основанию;
- 3) особенности эмоционально-волевой сферы осужденного, его физическое и психическое здоровье;
- 4) мотивы конфликтного поведения.

Опыт показывает, что лица, имеющие психические отклонения, повышенную агрессивность, низкий социальный психологический статус, чаще всего вовлекаются в конфликтные ситуации и выступают в роли жертвы или совершают насильственные преступления, пытаясь их разрешить.

В качестве основных причин и поводов для конфликта чаще всего выступают следующие обстоятельства, обусловленные субкультурой осужденных, их личностными особенностями и стилем поведения:

- 1) борьба за лидерство;
- 2) поведение осужденных, не соответствующее тюремной субкультуре;
- 3) притеснение других осужденных, вымогательство;
- 4) самоутверждение в среде осужденных, демонстративные нарушения режима отбывания наказания, стремление к превосходству;
- 5) неадекватное восприятие действий и высказываний других осужденных;
- 6) различия в вероисповедании и (или) этнической культуре;
- 7) подстрекательство или провоцирование других осужденных и криминальных авторитетов;
- 8) непринятие должных мер сотрудниками исправительных учреждений [1].

Прояснение причин конфликтов позволяет их устранить или снять остроту противоречий. Чтобы конфликт стал реальным, его участники должны осознать противоречия в их интересах, целях, в их отношении к тюремной субкультуре. В зависимости от того, насколько адекватно осужденные понимают возникшие противоречия, можно выделить следующие типы конфликта.

Первый тип – объективные предпосылки для конфликта существуют, стороны правильно их понимают и реально оценивают свои возможности в разрешении противоречий. Это адекватно понятый конфликт.

Второй тип – объективные предпосылки для конфликта существуют, стороны правильно их понимают, однако способы разрешения противоречий оценивают неверно. Это неадекватно понятый конфликт.

Третий тип – объективная конфликтная ситуация существует, но она не осознается сторонами и конфликт по сути отсутствует.

Четвертый тип – объективная конфликтная ситуация отсутствует, но осужденные ее воспринимают как реальную. Это ложный конфликт.

Осознание ситуации как конфликтной всегда сопровождается эмоционально окрашенными переживаниями. Чем больше осужденный вовлечен в конфликт, тем более глубокие и интенсивные переживания он испытывает. Поэтому по содержанию и интенсивности переживаний, напряженности в отношении часто судят о глубине конфликта.

Вслед за осознанием противоречий, участники конфликта обычно взвешивают свои личностные ресурсы, наличие поддержки окружающих осужденных и администрации учреждения, анализируют прежний опыт разрешения конфликтов, определяют стратегию действий (наступательную, агрессивную или конформистскую, уступчивую, направленную на компромисс и сотрудничество). Противоположной стороне конфликта, как правило, предъявляются определенные требования, сопровождающиеся угрозами, распространением порочащих слухов и даже применяются меры физического воздействия.

Часть конфликтов в среде осужденных не носит деструктивный характер, а наоборот, способствует осознанию конкретными осужденными неправомерности своего поведения и положительно (конструктивно) влияет на их ценностные ориентации и ресоциализацию личности. Естественно, речь идет о правомерных, вербальных формах воздействия на участника конфликта других осужденных. Сотрудники мест лишения свободы могут не вмешиваться в динамику развития таких конфликтов. Известно, что при наличии в исправительной колонии авторитетного лидера в среде осужденных участники возникшей конфликтной ситуации порой обращаются к нему, как посреднику при оценке правомерности действий конфликтующих сторон. Исходя из возможных последствий, это достаточно рискованная ситуация, но в практике она встречается. Опрос осужденных подтверждает, что достаточно большая их доля в трудной ситуации предпочитают обращаться за советом и помощью не к администрации исправительного учреждения, не к родственникам, а другим осужденным. Однако большинство конфликтных ситуаций разрешает администрация учреждений уголовно-исполнительной системы.

Список литературы:

3. Мокрецов А.И. Конфликты в среде осужденных: причины и предупреждение. Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2005. № 5. С. 23-29.
4. Рагимова А. Религиозный фактор в межэтнических конфликтах. Сборники конференций НИЦ Социосфера. 2010. № 4. С. 91-97.

УДК: 343.83

Кротова Дарья Николаевна
научный сотрудник НИЦ-1 ФКУ НИИ ФСИН России

К ВОПРОСУ О КОМПЛЕКСЕ НЕПОЛНОЦЕННОСТИ СОТРУДНИКОВ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ

Krotova Darya Nikolaevna
Researcher of SIC-1 Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia

ON THE ISSUE OF STAFF INFERIORITY COMPLEX PENAL SYSTEM

Аннотация:

В данной статье идет речь о проявлении последствий комплекса неполноценности у сотрудников уголовно-исполнительной системы.

Abstract:

This article deals with the manifestation of the consequences of an inferiority complex among employees of the penitentiary system.

Ключевые слова: комплекс неполноценности, чувство неполноценности, низкая самооценка, сотрудники уголовно-исполнительной системы.

Key words: inferiority complex, sense of inferiority, low self-esteem, employees of the penitentiary system.

Одной из актуальных проблем уголовно-исполнительной системы Российской Федерации (далее – УИС) является проблема изменения личности сотрудника под влиянием его профессиональной деятельности. С одной стороны, это можно объяснить тем, что сотрудник, находясь на изолированной территории, ощущая отрицательное влияние криминальной среды, постоянно испытывает эмоциональные нагрузки, стрессы из-за повышенной ответственности за характер и результаты служебной деятельности. А с другой, субъективные переживания сотрудников выступают психологическими барьерами преодоления негативного влияния служебной деятельности.

Одним из таких переживаний является переживание сотрудником УИС чувства неполноценности. Чувство неполноценности или комплекс неполноценности вызывает ряд негативных психических состояний и переживаний у сотрудника. Это, прежде всего, тревога, страх, повышенная напряженность, неуверенность в себе и низкая самооценка.

Причины комплекса неполноценности следует искать в детстве. С проявлениями комплекса неполноценности человек сталкивается во взрослой жизни, и они способны оказывать негативное влияние на профессиональную самореализацию.

В условиях пенитенциарного учреждения комплекс неполноценности у сотрудников УИС бывает часто ярко выраженным из-за:

- 1) строгой иерархии отношений «требование - подчинение»,
- 2) неспособности некоторых сотрудников адекватно реагировать на критику,
- 3) повышенной эмоциональной напряженности, невозможности получить признание окружающих и неспособности адекватно воспринимать свои ошибки.

Необходимо обратить особое внимание на комплекс превосходства, так как некоторые сотрудники стараются компенсировать свое чувство неполноценности чувством превосходства над другими.

Ощущение собственной недостаточности оказывается достаточно устойчивой личностной характеристикой. Содержание личностной черты лучше всего проявляется при попытках ее измерения. На данный момент существует мало эмпирических исследований комплекса неполноценности. Попытки измерить этот конструкт не всегда адекватны его содержанию.

Существующие исследования влияния комплекса неполноценности на деятельность личности позволяют сделать вывод, что комплекс неполноценности негативно влияет и на ее профессиональное становление.

Профессиональное становление личности сотрудника УИС следует рассматривать, основываясь на трех главных теориях индивидуальной психологии, которые выдвинул А. Адлер, так как процесс профессионального становления имеет индивидуальный характер и непосредственно соотносится с принципами индивидуального развития личности.

Три главные идеи индивидуальной психологии А. Адлера:

1. Каждый из нас ощущает собственную недостаточность, и это универсально.
2. Каждый из нас будет бороться, чтобы преодолеть свою недостаточность, и это типично.
3. Слаженность индивидуальной жизни зависит от степени развития социальных чувств, и это хорошо.

Анализ исследований Ф. Зимбардо, Э. Макавой, А. Адлера, З. Фрейда, Е.В. Сидоренко, А.Б. Белоусовой позволил выделить следующие характерные проявления комплекса неполноценности: неуверенность в себе, низкая самооценка, застенчивость, тревога (страх) [1].

Неуверенность в себе – это неадекватное переживание человеком своих возможностей тем задачам, которые ставит перед ним жизнь и которые он ставит перед собой сам. Неуверенность в себе характеризуется низкой самооценкой своих возможностей. Неуверенность в себе часто связана с отрицательными эмоциональными переживаниями, тормозящими и искажающими нормальный ход психического развития человека. Неуверенность в себе может проявляться в отдельных видах деятельности или отношении к действительности, но иногда она становится устойчивым качеством личности, распространяясь на те виды деятельности, в которых у человека еще нет достаточно опыта. Воспитание уверенности в себе заключается в формировании у человека адекватных, соответствующих его возможностям притязаний и самооценок.

Как было сказано выше, низкая самооценка тесно связана с неуверенностью в себе. Самооценка – ценность, значимость, которой индивид наделяет себя в целом и отдельные стороны своей личности, деятельности, поведения. Самооценка характеризуется по следующим параметрам:

- 1) по уровню – высокая, средняя и низкая самооценка;
- 2) соотношению с реальной успешностью – адекватная и неадекватная (завышенная и заниженная);
- 3) особенностям строения – конфликтная и бесконфликтная самооценка.

Застенчивость – качество личности, проявляющееся в тревожности, нерешительности, чрезмерной осторожности в общении с окружающими, наличии субъективных барьеров в общении. Застенчивость выражается в болезненном опасении привлечь к себе внимание окружающих, безмотивным чувством стыда. Застенчивость преимущественно свойственна девочкам, особенно тем, кому с ранних лет внушили мысль о внешней непривлекательности. Мальчиками (особенно в подростковом возрасте) застенчивость преодолевается с помощью нарочито дерзких выходок, грубости по отношению к сверстникам и взрослым. Застенчивость является серьезной помехой в обучении. Она обуславливает страх перед любым устным ответом. Застенчивый ученик не в состоянии использовать при ответе имеющиеся у него знания. Со временем подобная ситуация приводит к пассивности в учебной деятельности и общественной деятельности. Если в

школе данное качество не корректируется, то оно может перерасти в устойчивую черту личности.

Тревога (страх) – эмоция, возникающая в ситуации угрозы биологическому и социальному существованию индивида, направлена на источник действительной или воображаемой опасности. Если источник опасности является неопределенным или неосознанным, возникающее состояние называется тревогой. Функционально страх служит предупреждению субъекта о предстоящей опасности, позволяет сосредоточить внимание на ее источнике, побуждает искать пути ее избегания. В случае, когда страх достигает силы аффекта (панический страх, ужас), он способен навязывать стереотипы поведения: оцепенение, защитная агрессия [2].

Таким образом, негативное влияние последствий проявлений комплекса неполноценности на личность сотрудника УИС очевидно. Особенно опасны эти последствия для профессионала в сфере «человек - человек». Свое чувство неполноценности, испытываемое в детстве, сотрудник УИС компенсирует превосходством над более слабыми и зависимыми – осужденными и подчиненными сотрудниками.

Чем глубже комплекс неполноценности, тем ярче выражен комплекс превосходства, который проявляется в авторитарном стиле воздействия на личность, садистских наклонностях (физическое наказание, словесное унижение и др.). Личность, не способная справляться с проявлениями комплекса, не может не оказывать негативного влияния на окружающих людей. Поэтому важно не только корректировать различные состояния сотрудников УИС, но и научить их самостоятельно регулировать эти состояния.

Список литературы:

1. Колосова О.М. К вопросу о механизмах формирования стремления к превосходству и комплекса неполноценности. Научное сообщество студентов: сборник материалов VIII Международной студенческой научно-практической конференции. 2016. С. 98-101.
2. Тен Т.М. Психологические факторы и причины возникновения комплекса неполноценности. Современные тенденции в фундаментальных и прикладных исследованиях: сборник научных трудов по материалам Третьей Международной научно-практической конференции. 2015. С. 150-151.

УДК: 159.9.07

**Кучина Т. И.,
Мороз Т. С.***Автономная некоммерческая организация дополнительного профессионального образования «Национальный институт повышения квалификации и профессиональной переподготовки»***СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ МОТИВАЦИИ ШКОЛЬНЫХ УЧИТЕЛЕЙ****Kuchina T. I.,
Moroz T. S.***Autonomous non-profit organization of additional professional education
"national Institute for advanced training and retraining"***SOCIO-PSYCHOLOGICAL FACTORS OF MOTIVATION OF SCHOOL TEACHERS****Аннотация**

В статье рассматривается проблема трудовой мотивации учителей, работающих в центрах образования. Выявлена связь внутренней и внешней положительной мотивации, развивающих мотивов и мотивов жизнеобеспечения с такими социально-психологическими факторами как удовлетворённость трудом, сработанность, совместимость учителей в профессиональном коллективе.

Abstract

The article deals with the problem of labor motivation of teachers working in educational centers. The connection of internal and external positive motivation, developing motives and motives of life support with such social and psychological factors as job satisfaction, harmony, compatibility of teachers in a professional team is revealed.

Ключевые слова: *трудовая мотивация, внешняя и внутренняя мотивация, развивающие и общежитийские мотивы, социально-психологические факторы, совместимость, сработанность, удовлетворённость трудом.*

Key words: *work motivation, external and internal motivation, developmental and dormitory motives, social and psychological factors, compatibility, harmony, job satisfaction.*

В современных исследованиях особое внимание обращается на развитие трудовой мотивации учителей, их самореализацию [3, 5]. Так, в исследовании О.Р. Шиловой подробно изучена мотивация достижения успеха учителей. Обоснованы предикторы позитивной профессиональной мотивации учителя, к которым относятся: преобладание внутренней мотивации над внешней, стремление к саморазвитию и мотивация успеха. На структуру мотивации школьных учителей влияет возраст, стаж работы в профессии. Было установлено, что традиционная система обучения, по которой работают учителя, чаще, в отличие от развивающей системы, ведёт к снижению профессиональной мотивации и появлению мотивации негативной [5].

Можно выделить ряд исследований, посвящённых профессиональному развитию учителя. Особое внимание в этих работах обращается на мотивационный компонент профессиональной деятельности. Так, Э.Б. Дунаевская изучала факторы, которые влияют на профессиональное развитие педагогов. Исследование проводилось с учителями, работающими в обычных и в коррекционных классах. Одним из аспектов исследования Э.Б. Дунаевской явилось изучение мотивации профессионального развития педагогов. Доказано, что внутренняя трудовая мотивация является одним из факторов профессионального развития педагога [1].

Е.В. Ежак, ставя задачу создания персонифицированной модели повышения квалификации учителя, особое внимание обращает на актуализацию мотивации саморазвития профессионала [2].

Исследование проводилось в двух центрах образования г. Тулы. Всего в исследовании приняло участие 35 человек (18 школьных учителей из одного центра образования и 17 школьных учителей из другого центра образования). Возраст испытуемых 33 - 56 лет, с высшим профессиональным образованием. Выборка женская.

Гипотеза исследования: существует связь между типом трудовой мотивации учителей и такими социально-психологическими факторами как, совместимость, сработанность, удовлетворённость трудом.

Для определения типов трудовой мотивации учителей двух коллективов была предложена методика «Мотивация трудовой деятельности» К. Замфир. В результате были определены мотивационные структуры у работников двух трудовых коллективов: учительский коллектив с ведущей внутренней трудовой мотивацией и учительский коллектив с ведущей внешней положительной трудовой мотивацией.

У учителей первого трудового коллектива самые высокие значения по внутренней трудовой мотивации (ВМ) – 5 баллов, самые низкие (3 балла) – по внешней отрицательной мотивации. У учителей второго коллектива самые высокие показатели (4

балла) по внешней положительной (ВПМ) и внешней отрицательной мотивации (ВОМ), самые низкие по внутренней трудовой мотивации – 3 балла. Подтверждены статистические различия между двумя коллективами по ВМ и ВОМ на уровне для $P \leq 0,01$.

Методика В.Э. Мильмана «Диагностика мотивационной структуры личности» позволила определить у испытуемых наличие или отсутствие деловой направленности личности, которая включает «общую активность», «творческую активность» «социальную полезность». В.Э. Мильман предлагает называть их развивающими мотивами. Данные мотивы относятся к внутренней мотивации.

Также можно выявить общежитейскую направленность, включающую: «жизнеобеспечение», «комфорт», «статус». В.Э. Мильман называет их мотивами жизнеобеспечения. Данные мотивы относятся к внешней положительной мотивации.

У учителей первого трудового коллектива средние значения по всем развивающим мотивам выше средних значений по общежитейским мотивам. Мотивационный профиль учителей исследуемого коллектива можно определить по формуле: $(Д+ДР+ОД) - (П+К+С) \geq 5$ баллов. Как показали полученные результаты, у учителей с ведущей внутренней трудовой мотивацией, показатели по развивающим мотивам превышают показатели по мотивам жизнеобеспечения на 25 баллов. Таким образом, учителям с ведущей внутренней трудовой мотивацией характерен прогрессивный мотивационный профиль личности, который свойственен личностям, добившимся профессиональных успехов.

У учителей с ведущей внешней трудовой мотивацией средние показатели по развивающим мотивам ниже средних значений по общежитейским мотивам. Если рассчитать по формуле, какая группа мотивов преобладает, то получается регрессивный мотивационный профиль: $(15,5+12,1+16,8) - (25,4+24,7+13,7) =$

$-19,4$. Правда, если посмотреть по средним показателям, то мы видим три пика: «жизнеобеспечение» (25,4), «комфорт» (24,7), «общение» - (19,1).

Методика А.В. Батаршева «Интегральная удовлетворенность трудом» позволила выяснить связана ли удовлетворенность трудом с типом трудовой мотивации учителей. Удовлетворенность трудом включает интерес к работе, удовлетворенность достижениями в работе, удовлетворенность взаимоотношениями с сотрудниками, удовлетворенность взаимоотношениями с руководством, уровень притязаний в профессиональной деятельности, предпочтение выполняемой работы высокому заработку, удовлетворенность условиями труда, профессиональную ответственность.

Учителям с ведущей внутренней трудовой мотивацией по всем шкалам, кроме шкалы «предпочтение выполняемой работы высокому заработку» и «профессиональная ответственность» по средним показателям свойственен высокий уровень. «Общая удовлетворенность трудом» (25,3) по средним показателям находится на высоком уровне.

Учителям с ведущей внешней трудовой мотивацией по таким шкалам как профессиональная ответственность, удовлетворенность условиями труда, предпочтение выполняемой работы высокому заработку по средним показателям характерен низкий уровень удовлетворенности, по остальным шкалам средний. Средние показатели по общей удовлетворенности трудом (12,4) находятся между низким и началом среднего уровня удовлетворенности. Полученные результаты были подтверждены статистически для $P \leq 0,01$.

Методика «Зрительно-аналоговая шкала оценки организационного климата» В.А. Хащенко позволила выявить, связан ли уровень совместности и сработанности учителей с типом их трудовой мотивации.

Психологическая совместимость – социально-психологическая характеристика группы, отражающая возможность бесконфликтного общения и согласованности действий её членов в условиях совместной деятельности.

Также данная методика позволяет определить уровень сработанности, а также успешности работников в трудовых коллективах.

Под сработанностью понимается согласованность в работе между партнерами, т. е. лучшее сочетание их действий во времени и пространстве. Для сработанности ведущим является поведенческий компонент - высокая результативность взаимодействия, удовлетворенность, прежде всего, успешностью работы, и как следствие, отношениями с партнером, низкие эмоционально-энергетические затраты.

Как следует из полученных нами результатов (средние показатели), у учителей с ведущей внутренней мотивацией выявлен высокий уровень совместности, сработанности. Также высокие показатели по успешности трудового коллектива. У учителей с ведущей внешней мотивацией показатели по совместности (45), сработанности (45), успешности (47) на среднем уровне.

У коллектива учителей с ведущей внутренней мотивацией достоверно выше показатели по совместности, сработанности, успешности коллектива для $P \leq 0,01$, в отличие от коллектива учителей с внешней трудовой мотивацией.

Таким образом, к социально-психологическим факторам, способствующим развитию мотивов трудовой деятельности работников, относятся:

- совместимость и сработанность субъектов, работающих в одном трудовом коллективе;
- удовлетворенность трудом.

Список литературы

1 Дунаевская, Э. Б. Психологические факторы профессионального развития учителей коррекционных и обычных классов: на примере учителей провинциальных общеобразовательных школ: автореферат дис. ... кандидата психологических наук: 19.00.07. – Санкт-Петербург, 2010. - 22 с.

2 Ежак, Е. В. Психологическое обеспечение профессионального развития педагога в условиях рисков современного образования: автореферат дис. ... доктора психологических наук: 19.00.13. -

Ростов-на-Дону, 2017. – 42 с.

3 Мороз Т. С., Полякова И. А. Психологические детерминанты профессиональной самореализации педагога дошкольного образования / В сборнике: Психологическое благополучие современного человека. Материалы Международной заочной научно-практической конференции.

Уральский государственный педагогический университет / Отв. ред. С. А. Водяха. 2018. – С. 230-238.

4 Шилова, О. Р. Психологические особенности профессиональной мотивации учителей, работающих в разных дидактических системах: автореферат диссертации кандидата психологических наук: 19.00.07. - М., 2003. - 21 с.

УДК: 159.96.942

Мостова Т.О.

Запорізький національний університет

[DOI: 10.24411/2520-6990-2019-10122](https://doi.org/10.24411/2520-6990-2019-10122)

НАУКОВІ ПІДХОДИ ДО РОЗУМІННЯ СУТНОСТІ ПРОФЕСІЙНОЇ ФРУСТРОВАНOSTI ОСОБИСТОСТІ У СУЧАСНІЙ ПСИХОЛОГІЧНІЙ НАУЦІ

Mostova T.O.

Zaporizhzhya National University

SCIENTIFIC APPROACHES TO UNDERSTAND THE NATURE OF THE PROFESSIONAL FROSTERSITY OF PERSONALITY IN THE MODERN PSYCHOLOGICAL SCIENCE

Аннотация.

В статье рассмотрены научные подходы к изучению и пониманию понятия «профессиональная фрустрированность». Дано определение термину «фрустрация». Также, обозначено, что актуальным является более глубокое изучения влияния фрустрации на профессиональную деятельность человека и личность в целом.

Abstract.

The article discusses scientific approaches to the study and understand the concept of "professional frustration". The definition of the term "frustration". Also, it is indicated that a more in-depth study of the influence of frustration on the professional activity of a person and a person as a whole is relevant.

Ключевые слова: *фрустрация, личность, деятельность, наука, исследования.*

Keywords: *frustration, personality, activity, science, research.*

Трансформаційні процеси сучасного світу ставлять людину в надзвичайно складні умови соціального життя. Нестабільність у політиці, економіці, освіті, постійні несистемні зміни в усіх суспільних галузях зумовлюють дисбаланс у визначені стійких пріоритетів, ціннісних орієнтацій та ідеалів сучасної молоді. Складні життєві обставини, які накладаються на ряд характерологічних особливостей, формують певну конфігурацію індивідуальних психологічних проявів суб'єкта, які далеко не завжди носять конструктивний характер. Здатність людини долати дію несприятливих факторів оточення є важливою умовою активізації та реалізації її особистісного потенціалу. У зв'язку з цим дедалі більшої актуальності набуває вивчення проблеми фрустраційних станів та реакцій, які стали невід'ємною частиною соціального буття.

У зарубіжній літературі проблема фрустрації широко висвітлена в руслі психологічних досліджень феномена людської агресії (З.Фрейд, У.Мак-Дауголл, Д.Доллард, Д.Міллер, А. Бандура, А.Берктовіч, К.Лоренц і інші); стресу (Г.Сел'є, Р.Лазарус, Н.Браун, С.Сілбергерд, Л.Леві). Звернення до терміну «фрустрація» або до понять по суті відображає її, зустрічається в численних теоріях, концепціях, гіпотезах, що стосуються проблем мотивації, емоцій, поведінки, діяльності індивіда, однак цілісної теорії, що досліджує цей феномен поки не створено. При цьому соціальні та соціально-психологі-

чні аспекти фрустрації залишаються найменш вивченими. Можливо, це пов'язано з обмеженими можливостями використання лабораторних експериментів і труднощами одержання науково-достовірних результатів таких досліджень.

Метою даної роботи є теоретичний аналіз наукових підходів до розуміння сутності професійної фрустрованості особистості у сучасній психологічній науці.

У вітчизняній психології фрустрація як соціально-психологічний феномен взагалі цілеспрямовано не вивчалась. Непопулярність таких досліджень можна, мабуть, пояснити тим, що вони традиційно пов'язувалися з феноменом агресивності, який вважався чужим соціалістичному суспільству. Зарубіжні дослідження фрустрації у вітчизняній науці більше виступали як об'єкт критики, ніж серйозного наукового аналізу.

В останні десятиліття вітчизняна психологічна література стала значно частіше відображати дослідницький інтерес вчених до проблем екстремальних життєвих ситуацій, пов'язаних переважно з космічними польотами, тривалими експедиціями, стихійними лихами (І.Касьян, Л.Китаєв-Смик, Д.Короленко, А.Лебедев і інші). Однак, поза увагою вчених залишилися соціально детерміновані критичні ситуації. Досить широко представлені дослідження стресу та фрустрації в психофізіологічному плані. Серед небагатьох авторів, які висвітлю-

ють проблему в соціальному і соціально-психологічному аспектах, можна відмітити І.Аршавського, О.Дашкевича, Л.Кітаєва-Смика, Ф.Космолінського, Ю.Платонова та інших.

Звернення до терміну «фрустрація» і вихід на дослідження окремих сторін цієї проблеми в останні роки став зустрічатися в психологічній літературі частіше (Е.Василук, Л.Аболін, В.Агеєв, Л.Кітаєв-Смик, Л.Грімак і ін.), але не в плані вивчення саме цього явища, а в контексті вирішення інших дослідницьких проблем.

На думку французького психолога Поля Фресса, фрустрація виникає кожен раз, коли фізичне, соціальне або навіть уявне перешкода заважає дії, спрямованої на досягнення мети, або перериває його. «Фрустрація створює, таким чином, поряд з вихідною мотивацією нову захисну мотивацію, спрямовану на подолання виниклої перешкоди». Р. Сельє називав фрустрацію «стресом скинутої надії», що перетворює стрес в дистрес.

Описуючи фрустрацію, багато автори найбільшу увагу приділяють лише її негативного впливу на психіку, свідомість людини, проте це не зовсім вірно, оскільки фрустрація грає в поведінці багатьох людей певну конструктивну роль, сприяючи досягненню поставленої мети. Завдяки її впливу на психіку суб'єкта в його мотиваційній сфері нерідко домінує значення набувають мотиви досягнення, посилюється привабливість поставленої мети (Д. Креч, Р. Кратчфілд та ін), відбувається інтенсифікація зусиль на шляху її досягнення.

Досить глибоко феномен фрустрації розглядається психоаналітичної теорії, засновником якої є З.Фрейд.

Фрустрація – психічний стан, здатний привести до виникнення неврозу. З. Фрейд вважав, що людина є здоровою, якщо її потреба любові задовільняється реальним об'єктом, і стає невротичною, якщо позбавляється цього об'єкта, не знаходячи йому заступника [4, с. 125]. Інший тип приводів до захворювання пов'язаний з тим, що людина захворює не внаслідок зовнішньої заборони на задоволення її сексуальних бажань, а в силу внутрішнього прагнення роздобути собі в дійсності відповідне задоволення, коли спроба пристосування до реальності натикається на непереборну внутрішню перешкоду.

У першому випадку хворіють від переживань, у другому – від ходу розвитку. Невротичні захворювання також можуть виникати не тільки внаслідок відмови людини від задоволення бажань, але і в момент їх виконання, коли вона знищує можливість насолодитися цим виконанням. З. Фрейд звернув увагу на внутрішньопсихічний конфлікт, що виникає під впливом сил совісті, що забороняють людині отримати вигоду із зовнішніх умов, які найкращим чином змінилися [1, с. 15]. Йшлося про фрустрацію, якій піддається людина, коли її «Я» озброюється проти бажання, як тільки воно наближається до виконання.

Адекватні і толерантні функціонально-специфічні фрустрації необхідні в якості переживань, які є безпосередньо мотивуючими і приводять у рух функціонально-селективні ідентифікації. Однак ефективність фрустрації як стимул для функціона-

льно-селективної ідентифікації залежить від одночасної присутності інших передумов для фруструючої події.

Також, у психології розглядається поняття «терпима» фрустрація, яка залежить від рівня структуралізації емпіричного світу індивіда. Так звана толерантність фрустрації синонімічна більш-менш розвиненій здатності індивіда терпіти фрустровану репрезентацію власного «Я». Маленькі діти і менш структуровані дорослі схильні реагувати на найменші фрустрації прямими агресивними маніфестаціями і швидким прибіганням до заперечення і проєктивно-інтроєктивним операціям. Низька терпимість до фрустрації, таким чином, регулярно поєднується з низькою толерантністю до тривоги.

Психічно пережиті агресивні афекти і ідеї розглядаються тут не як реакції на фрустрацію, а як ті способи, якими фрустрації стають представлені в людському світі переживань. Чим молодше і/або чим менше структурований індивід, тим в більшій мірі фрустрація-агресія буде загрожувати збереженню присутності хорошого об'єкта в його світі переживань, від якого повністю залежить його диференційоване переживання власного «Я».

Таким чином, тривога мобілізує вже існуючі захисти структури власного «Я» і мотивує нові структуроутворюючі інтерналізації для поліпшення підтримки власного «Я» індивіда і таким чином для посилення його толерантності як до фрустрації, так і до тривоги.

Частіше, проблема фрустрації ставиться в плані теоретичного обговорення і в ще більшому ступені є предметом експериментальних досліджень, проведених над тваринами і людьми (частіше над дітьми). Незважаючи на велику кількість опублікованих на тему про фрустрацію робіт, в цій темі ще багато неясного. Не випадково навіть висловлюються сумніви в необхідності концепції фрустрації, оскільки охоплені нею явища різноманітні і їх можна пояснити, не вдаючись до даної концепції. Так, зокрема, ставить питання Р.Лоусон в книзі «Фрустрація. Розвиток наукової концепції» [1, с. 43]. Ця книга є спробою показати сучасну постановку і різні вирішення даної проблеми.

Згідно з визначенням, яке дали Я. Браун і Д. Фарбер, фрустрація – результат таких умов, при яких очікувана реакція чи попереджається, чи загальмовується. Е. Лоусон, інтерпретуючи позицію даних авторів, пояснює, що фрустрація – конфлікт між двома тенденціями: тієї, яка відноситься до типу зв'язку «мета-реакція», і тієї, яка виникла під впливом інтерферуючих умов. Я. Браун і Д. Фарбер наголошують на суперечностях, які виникають при дії фрустраторів, і саме цією суперечливістю пояснюють емоційність, якою зазвичай відрізняються реакції в цих ситуаціях. Гаряче підтримуючи цих авторів в прагненні розрізнити зовнішню причину, якою і викликається стан, Чайльд і Дж.Уотерхауз, на противагу Я. Брауну і Д. Фарбер, рекомендують називати фрустрацією лише факт (Event) перешкоди, вивчаючи його вплив на діяльність організму, але не призводять на користь такого слововживання скільки-небудь розвинених обґрунтувань. Виходячи з поняття фрустрації як психічного стану, ми даємо їй таке визначення: фрустрація – стан людини, що виражається в особливостях переживань і

поведінки і викликається об'єктивно (або суб'єктивно) непереборними труднощами, що виникають на шляху до досягнення мети або до вирішення завдання. У застосуванні до тварин визначення таке: фрустрація – стан тварини, що виражається в характерних реакціях і викликається труднощами, які виникають на шляху до задоволення біологічних потреб [3, с. 56]. Необхідність двох визначень диктується тим, що тварина – біологічна істота, а людина – суспільна, і фрустрація має різну значимість і різні причини у людини і тварини, хоча є і багато спільного в цьому стані, як провокованому «бар'єрами», які блокують діяльність. Є спроби звести явище фрустрації в ранг абсолютно законномірних явищ, що виникають у життєдіяльності організму і особистості. Так, Дж. Майер вважає, що поведінка тварини або людини залежить від двох потенціалів. До першого з них відноситься «репертуар поведінки», який визначається спадковістю, умовами розвитку і життєвим досвідом. Другий потенціал складають виборчі або відбіркові процеси і механізми. Вони, в свою чергу, поділяються на діючі при вмотивованій діяльності і виникають при фрустрації. Перші функціонують, коли діяльність спрямована на досягнення мети на основі відповідних мотивів, одним з яких (досить важливим) є задоволення потреб. У таких випадках поведінка завжди є шляхом до вирішення завдання.

Фрустрація – це переживання негативних емоційних станів, коли на шляху до задоволення потреби суб'єкт зустрічає несподівані перешкоди, які більшою чи меншою мірою піддаються усуненню. Стан, що виникає у людини, не можна назвати стресом, оскільки ситуація не становить загрози життю та здоров'ю. Але дуже сильна потреба залишилася незадоволеною. Це і є стан фрустрації. Типовими реакціями на вплив фрустраторів (факторів, що викликають стан фрустрації) є агресія, фіксація, відступ і заміщення, депресія [6, с. 89].

Зв'язок фрустрації з деструктивними змінами в процесах психічного та особистісного розвитку людини доведено цілим рядом класичних та сучасних дослідників. Фрустрованим індивідам властиві деструктивні «фрустраційні емоції» (розчарування, образа, досада, гнів, сум, нудьга, горе) та «фрустраційна поведінка» (безцільні й невпорядковані дії, апатія та деструкція, стереотипія, регресія, агресивна поведінка).

Разом з тим реакція людини у фрустраційній ситуації може бути адаптивною, якщо виправдана

обставинами і сприяє задоволенню потреби чи досягненню мети. Тільки інтенсивна фрустрація має деструктивні ефекти (провокує дистрес, дезорганізацію діяльності) [5, с. 32], натомість її помірний вплив, поєднаний із сильною мотивацією досягнення, мобілізує зусилля для успішного виконання діяльності, сприяє психосоціальної адаптації.

Виходячи з проведеного нами аналізу вітчизняних та зарубіжних наукових джерел, ми можемо зробити висновок, що у сучасній психологічній науці таке поняття як «професійна фрустрація» є майже не вивченим.

Так, на нашу думку, поняття професійної фрустрації можна визначити як особливий вид фрустрації, для якого характерним є зниження або взагалі зникнення адаптивності, стресостійкості, зацікавленості відносно своєї діяльності, а також зниження мотивації до професійного та особистісного саморозвитку людини.

Також професійну фрустрацію можна віднести до певного виду професійної деформації.

Отже, у підсумку можна зазначити, що проблема професійної фрустрації є занадто мало вивченою. Недооціненим є вплив фрустрованості на розвиток та підживлення існуючих компетентностей професіонала. Наявність стану професійної фрустрованості може мати негативний вплив на якість виконання тих чи інших службових обов'язків. Тому виникає потреба у продовженні поглибленого висвітлення даної теми у сучасній науці.

Список літератури

1. Варламова С.Я. Емоційна сфера особистості / С.Я. Варламова // Наука і освіта. – 2003. – №5-6. – С. 33-37.
2. Ильин Е.П. Эмоции и чувства / Е.П. Ильин. – СПб: Питер, 2001. – 52 с.
3. Ковалёв Г.А. Активное социально-психологическое обучение как метод коррекции психологических характеристик субъекта общения: Дис. / Г.А. Ковалёв. – М.: 2003. – 259 с.
4. Кузьмина Е.И. Исследование детерминант свободы-несвободы от фрустрации / Е.И. Кузьмина // Вопросы психологии. – 2007. – № 4 – С. 86-94.
5. Толерантность и психическое здоровье: методические разработки / [Сост. Л.В. Меньшикова]. – Новосибирск, 2003. – 136 с.
6. Чебыкин А.Я. Проблема эмоциональной устойчивости / А.Я. Чебыкин // Психическая напряженность в трудовой деятельности: сб. науч. тр. – М.: 2009. – С. 197-216.

Романова Марина Юрьевна,
Студент магистратуры
Воронежский государственный педагогический университет
Воспитатель
МКДОУ Каширский детский сад №2

ОТКУДА БЕРУТСЯ ДЕТСКИЕ СТРАХИ

Romanova Marina Yurievna,
Master's degree student
Voronezh State Pedagogical University
Educator
MKDOU Kashirskaya kindergarten №2

WHERE ARE THE CHILDREN'S FEARS

Аннотация.

В данной статье описываются основные причины возникновения и особенности проявления страхов у детей дошкольного возраста, их причина и меры по их устранению. Детские страхи - самое распространенное неблагополучие в воспитании ребенка. Проявление детских страхов самые разнообразные. Это как ночные кошмары, от которых ребенок просыпается с плачем, так и страх темноты, когда дети боятся оставаться одни в комнате, иногда возникают страхи потерять родителей, тревога за то, что с ними может что-то случиться. В других случаях дети боятся кататься с горки, плавать в бассейне, бояться приближения собаки и т.п. Во всех этих случаях идет речь о страхах.

Abstract.

This article describes the main causes and features of the manifestation of fears in preschool children, their cause and measures to address them. Children's fears-the most common problem in the upbringing of the child. A manifestation of childhood fears. It's like nightmares, from which the child wakes up crying, and the fear of darkness, when children are afraid to be alone in the room, sometimes there are fears of losing parents, anxiety that something might happen to them. In other cases, children are afraid to ride a roller coaster, swim in the pool, afraid of the approaching dog, etc. In all these cases, talking about fears.

Ключевые слова: детские страхи, тревожность, инстинкт.

Key words: childhood fears, anxiety, instinct.

Дети дошкольного возраста часто пугаются резких и громких звуков, которые неожиданно возникают ниоткуда, появляется тревога внезапно быть разбуженным, или появляется страх того, что к тебе кто-то подкрадется сзади. Эти страхи можно отнести к природным инстинктам выживания. Но есть и другие страхи, которые возникают ниоткуда, их часто даже нельзя объяснить. Откуда же они берутся?

Обычно страх – это естественная реакция на опасность. Но детские страхи вызваны другими причинами, которые не всегда бывает просто установить. Когда говорят о детских страхах как о проблеме, обычно имеют в виду те случаи, когда ребенок боится того, что его безопасности не угрожает. Это может быть страх темноты, боязнь оставаться одному в комнате, страх перед сказочными персонажами... Иррациональным страхам подвержены многие малыши начиная с 3 лет. Иногда и взрослые добавляют тревожности: «Будешь плохо себя вести – Баба-яга тебя съест». Пугать малыша не стоит. Как и не стоит отрицать страх ребенка: бояться он от этого не перестанет, просто больше не будет делиться своими опасениями с вами.

Страхи передаются по - наследству, от родителей.

Мама остерегается появления собак, то, конечно, очень велик шанс, что и ее ребенок будет их опасаться. То же самое можно объяснить, когда возникает страх перед грозой и многое другое. Дети встревоженных родителей, которые готовы везде и во всем представлять потенциальную опасность

для собственного ребенка, обычно вырастают боязливыми и сверхосторожными.

Очень часто страхи у детей зарождаются от чрезмерной родительской опеки. Ребенку, который воспитывается в тепличных условиях, очень нелегко потом освоиться к жизни без "защитного скафандра", и этим детям всюду представляются опасности, и поэтому у них развиваются разного рода страхи. Ребенок должен познавать мир путем проб и ошибок и если лишить его этой возможности, это способствует возникновению страхов.

Халатность, пассивность и нерадивость по отношению к ребенку, так же приводит к возникновению детских страхов. Это можно объяснить тем, что в семье еще не готовы к рождению ребенка или его вообще не «ждали». Или ждали девочку, а родилась мальчик (и наоборот). Прилив страхов может вызвать и рождение в семье следующего ребенка, потому что здесь у старшего появляется тоже много несовместимых чувств. С одной стороны, есть и любопытство, и желание заботиться о крохе, с другой – ревность и злость. Взрослые обычно готовы поддерживать и обсуждать первое, но избегают говорить о втором. И вот не нашедшая себе места агрессия старшего ребенка превращается в войну с монстром, живущим под кроватью и норовящим схватить его ночью за ногу.

Предоставленные сами себе, не получая от родителей должного внимания, дети представляют себе все в ином «свете», или вообще не воспринимают происходящее вообще. Ребенка волнует все

подряд, потому что он живет в каком-то виртуальном мире, который сам себе нафантазировал.

Причиной страхов может стать неблагоприятная обстановка в семье: когда на глазах у ребенка возникают конфликты между родными людьми, в семье царит атмосфера равнодушия, отчуждения, родители только живут вместе, но самом деле совершенно чужие люди, готовящиеся оформить развод, а также в семье отсутствует кто-то из родителей. Все это приводит к зарождению страхов у детей. Практически никто из детей не может разъяснить причины своего страха. Чувство беспокойства полностью подчиняет волю ребенка, и он лишается самоконтроля над собой. Дети начинают бояться практически всего. Даже окружающие люди вызывают у них тревогу. Ребенку становится тяжело общаться, паника поглощает его, он боится что-то сделать или сказать не так. Дети думают, что они не такие как все, им трудно выбраться из этой ситуации. В этом случае ребенку требуется психологическая помощь.

Иногда взрослые решают оберегать ребенка от тех сказок и мультфильмов, где может быть что-то пугающее. Это тоже тупиковый путь. Безусловно, чем ребенок чувствительнее, тем сильнее его все затрагивает и тем больше времени ему требуется на то, чтобы справиться с трудными переживаниями. Но, если внимательно понаблюдать, можно заметить: то, что ребенка пугает, одновременно его и притягивает. Дети интуитивно ищут возможности безопасной встречи со страшным. Они могут смотреть пугающий эпизод любимого мультфильма, выйдя за дверь комнаты и глядя в щелочку.

Что провоцирует страхи у малышей:

Несовместимые чувства. Обнаружив себя отдельным человеком, состоящим в отношениях с другими людьми, ребенок начинает ловить себя на самых разных чувствах по отношению к ним. Например, он сталкивается с тем, что злится на любимую маму. Испытывать злость по отношению к человеку, от которого зависит жизнь, очень страшно. Ребенок воспринимает это чувство как опасное и бессознательно пытается справиться с ним, вынеся его вовне и преобразовав, например, в чувство к злой и страшной Бабе-яге.

Мысли о смерти. Источником страха могут стать возникающие у ребенка мысли о смерти. Дошкольники, уже получившие некоторое представление о времени, начинают задумываться о том, что жизнь конечна, что наступит время, когда их на свете не будет. Обычно такие мысли посещают малышей в возрасте 4–6 лет. Часто в это время дети проявляют особый интерес к похоронам, задают вопросы о смерти. Если эта тема в семье табуирована и у ребенка нет возможности с кем-то об этом поговорить, у него могут появиться «необъяснимые» страхи.

Переживания травматического опыта. Всплеск страхов часто возникает после травмирующих событий (например, ребенок перенес физическую травму, попал в аварию...). В экстремальных ситуациях рождается очень много сильных переживаний, которые ребенку трудно даже назвать, не то, что выразить и осмыслить. Тогда ему приходится эти переживания вытеснять, преобразуя в страхи. Обычно это происходит не сразу, а через полгода-

год после случившегося. Такие страхи могут появиться в любом возрасте и являются сигналом, что ребенок нуждается в профессиональной помощи.

Советы родителям: как бороться с детскими страхами и кошмарами.

Очень важно усвоить главное правило, родители не должны игнорировать детские страхи, в таких случаях нельзя подшучивать над ребенком, смеяться над ним, а также заставлять ребенка «победить» свой страх, стать героем в «борьбе» над фобией. То есть нельзя называть детей трусами, если они панически боятся воды и силой заставить его зайти в море, нельзя ничего делать против воли ребенка, этим можно только обострить и утвердить его страх.

Признавайте все чувства ребенка, в том числе и негативные, называйте их. Так он убедится в их праве на существование, а заодно получит уверенность, что никакое его чувство не может угрожать отношениям с близкими.

Разговаривайте с ребенком о том, что его волнует, даже если тема разговора для вас не очень легкая. Если ребенок интересуется похоронами, расскажите ему о них, поиграйте, например, в похороны сломавшейся игрушки или мертвой птички, найденной на прогулке. Важно, чтобы при этой беседе вы оба были в приятном и спокойном расположении духа.

Ведь одно дело разговаривать с малышом, сидя в автобусе (где вы спешите, отвлекаетесь, и где вас окружают чужие люди – все это создает стрессовый фон для подобного разговора). И совсем другое дело «по-дружески поболтать» с ребенком на собственной кухне, когда вы оба никуда не торопитесь, а просто сидите и с наслаждением пьете чай с кусочком торта...

В процессе разговора нужно проявить внимательность, интерес, сочувствие. Показать ребенку, что вы заинтересованы в его проблеме, выразите эмоциональную поддержку, обнимите, погладьте его и т.д. Можно предложить нарисовать свой страх, в процессе рисования продолжать беседовать с ребенком, задать вопросы, принять активное участие во всей процедуре. Простое человеческое общение, доброе слово, рисование оказывают магическое преобразование.

Больше общайтесь с ребенком, играйте, шутите. Наполняйте его время интересными занятиями. Обязательно их обсуждайте. Обнимайте почаще. Телесные прикосновения формируют сильное ощущение безопасности и спокойствие. Создавайте теплый семейный микроклимат. Давайте возможность ребенку общаться со сверстниками.

Соблюдая эти правила, вы поможете ребенку стать чуточку смелее и получить свой собственный опыт преодоления страхов.

Но если Вас что-то беспокоит надо обратиться к детскому психологу.

Список литературы

1. Алексеева Е.Е. Страхи у детей дошкольного возраста. // Дошкольная педагогика. – 2006. – № 2(29). – С. 58 – 61.

2. Захаров А.И. Дневные и ночные страхи у детей. Серия – «Психология ребёнка». – СПб: 2000. – 448 с.

3. Захаров А.И. Как преодолеть страхи у детей. – М.: Педагогика, 1986. – 112 с.

4. Изгард К. Эмоции человека. – М.: Просвещение, 1980. – 320 с.

5. Рогов Е.И. Настольная книга практического психолога в образовании. М.: Просвещение, 1995. – 248 с.

Фёдоров Александр Фёдорович,

кандидат психологических наук, доцент

старший научный сотрудник отдела разработки методологии социальной, психологической, воспитательной и педагогической работы с осужденными

НИЦ-2 ФКУ НИИ ФСИН России, г. Москва

Суслов Юрий Евгеньевич

кандидат психологических наук,

ведущий научный сотрудник

отдела разработки методологии социальной, психологической, воспитательной и педагогической работы с осужденными

НИЦ-2 ФКУ НИИ ФСИН России,

г. Москва

МЕТОД ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ КОРРЕКЦИИ ПОВЕДЕНИЯ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ОСУЖДЕННЫХ ГРУППЫ РИСКА

Fedorov Alexander Fedorovich,

The candidate of psychological sciences, the senior lecturer

The senior scientific employee of department of working out of methodology of social, psychological, educational and pedagogical work with the condemned

NIC-2 PKU NII FSIN of Russia, Moscow

Suslov Yuriy Evgenievich

The candidate of psychological sciences

, leading researcher employee of department of working out of methodology of social, psychological, educational and pedagogical work with the condemned

NIC-2 PKU NII FSIN of Russia, Moscow

METHOD OF PSYCHOLOGICAL CORRECTION OF BEHAVIOUR MINORS CONDEMNED RISK GROUPS

Аннотация

В статье указано, что одним из методов психологической коррекции, применяемых в практике, является метод трансового внушения. Автор отмечает, что проведение психологического консультирования с использованием данной модели является результативным и эффективным. В статье показано, что в целях наведения транса осуществлялось прохождение пяти этапов, при этом описывалось то, что в данный момент реально имелось во внешнем опыте клиента, в его восприятии внешнего мира, а потом добавлялось внушающее утверждение в том, что есть во внутреннем мире.

Abstract

In article it is specified, that to one of the methods of psychological correction applied in practice, the method of trance suggestions is. The author notices, that carrying out of psychological consultation with use of the given model is productive and effective. In article it is shown, that with a view of trance prompting passage of five stages was carried out, that really was available at present in external experience of the client, in its perception of an external world was thus described, and the inspiring statement that is in private world was then added.

Ключевые слова: личность, агрессивность, воспитательный процесс, психологическая коррекция, осужденный, сотрудник.

Keywords: the person, aggression, educational process, the psychological correction, condemned, the employee.

Работая с несовершеннолетними осужденными группы риска, часто сталкиваешься с множеством проблем. Ценностные установки человека формируются в процессе воспитания и «само-реализации индивидуальности в окружающем социуме» [1,24].

Необходимо учитывать особенности личности осужденных, статус, который они занимают в среде

осужденных, статью, срок лишения свободы, поддержку семьи и множество других факторов. А программы психокоррекционного воздействия на различные категории осужденных не столь разнообразны.

Индивидуальная психокоррекция чаще используется на первых этапах работы с осужденными, имеющими характерные личностные особенности:

неуверенность в себе, низкий или заниженный уровень самооценки, трудности в волевых усилиях при принятии решений, недостаточная социализация, инфантильность и незрелость личности, низкий интеллектуальный уровень. А также с подростками, имеющими высокий уровень агрессии и находящимися в состоянии кризиса. На основании результатов психологического обследования личности осужденного психологами воспитательной колонии были сформированы группы психологического риска (всего 4 группы): воспитанники, склонные испытывать трудности в период адаптации и отличающиеся высоким уровнем тревоги; воспитанники, имеющие психические отклонения; воспитанники с повышенной возбудимостью и агрессивностью; воспитанники, склонные к действиям суицидального характера и актам членовредительства.

Одним из методов психологической коррекции, применяемых в практике, является метод трансового внушения, который можно проиллюстрировать на примере работы с воспитанником М. Подросток в условиях изоляции находился впервые и воспринимал любые предъявляемые к нему требования как унижающие его человеческое достоинство. Воспитывался в неполной семье, родители находились в разводе. Проживал с матерью, в 14 лет в семье появился отчим, который обвинялся в убийстве.

Психологом по результатам психодиагностики (тест Спилбергера - Ханина) было выявлено, что у несовершеннолетнего М. высокий уровень личностной и ситуативной тревожности, эмоциональная сфера неустойчивая с преобладанием пониженного фона настроения.

По прибытии из СИЗО в карантин воспитательной колонии эмоциональное состояние подростка ухудшилось. Он находился в тревожном состоянии, был замкнут, высказывал мысли суицидального характера, был поставлен на профилактический учет как склонный к действиям суицидального характера. Было проведено психодиагностическое обследование по методике Кеттелл-187 и ОСР - опросник суицидального риска. Результаты диагностического исследования подтвердили наличие у воспитанника очень высокого уровня тревоги, возможности суицидального риска с низким антисуицидальным фактором.

В качестве метода психокоррекции данного воспитанника было принято решение использовать трансовое внушение по методике Милтона Эриксона по следующему алгоритму: предлагалось принять удобную позу, а именно позу в положении сидя, когда ступни плотно стоят на полу, руки лежат на коленях; осуществлялась концентрация внимания воспитанника на каком-либо объекте; сообщалось воспитаннику о тех признаках транса, которые у него наблюдаются; давалась воспитаннику установка на «ничегонеделание». При этом сообщалось, что он ничего не должен делать. Использование транса для достижения цели. При этом использовалась методика «согласие по инерции». Данная методика работает тем эффективнее, чем больше поло-

жительных ответов набрал психолог до того, как задать значимый вопрос. Одна из составляющих успеха при использовании этой техники - одинаковая интонация для всех вопросов. Происходит комментарий того, что в момент проведения трансового внушения окружает несовершеннолетнего (что он видит, слышит и чувствует). При этом использовался шаблон 5-4-3-2-1.

В целях наведения транса осуществлялось прохождение пяти этапов, при этом описывалось то, что в данный момент реально имелось во внешнем опыте клиента, в его восприятии внешнего мира (то, что он мог сразу проверить и согласиться), а потом добавлялось внушающее утверждение в том, что есть во внутреннем мире.

1-й этап. Клиенту дается 4 утверждения о том, что он сейчас видит и добавляется пятое утверждение внушающего характера. Затем дается 4 утверждения, что он слышит, и одно внушение, потом - 4 утверждения о том, что он ощущает, и внушение. 2-й этап. Дается 3 утверждения о том, что он видит, и добавляется 2 внушения. Аналогично - по 3 утверждения о том, что он слышит и чувствует, при этом добавляется по 2 внушения. 3-й этап. Дается 2 утверждения о том, что видит, и 3 внушения; 2 утверждения о том, что слышит, и 3 внушения; 2 утверждения о том, что чувствует, и 3 внушения.

4-й этап. Дается 1 утверждение о том, что видит, и 4 внушения; 1 утверждение о том, что слышит, и 4 внушения; 1 утверждение о том, что чувствует, и 4 внушения. 5-й этап. На данном этапе можно только внушать. После проведения пяти этапов - выход из трансового состояния.

Введение подростка в трансовое состояние позволяет проводить психокоррекцию с использованием психотерапевтических метафор конструктивной направленности, таких, как «Маяк», «Спокойствие», «Расслабление» и др. Осуществлялось соответствующее трансовое внушение в целях коррекции суицидального состояния.

По указанному выше алгоритму с воспитанником понадобилось провести 12 сеансов внушения в трансовом состоянии с применением различных психотерапевтических метафор для стабилизации психоэмоционального состояния. Следующим этапом психокоррекционного сопровождения было проведение занятий психоэмоциональной разгрузки, которые помогли стабилизировать эмоциональное состояние, снизить уровень тревожности и страха. С подростком были отработаны дыхательные техники и упражнения на снятие стрессовых состояний «Дыхание», «Умение расслабляться» и др.

Благодаря психокоррекционному воздействию удалось ослабить чувство тревожности, стабилизировать эмоциональное состояние, найти конструктивные пути выхода из создавшейся кризисной ситуации. Как показали дальнейшие наблюдения, психоэмоциональное состояние подростка М. выровнялось, уровень его коммуникации на занятиях по психокоррекции значительно повысился. Появилась мотивация к самопознанию, раскрытию. Подросток был снят с профилактического учета, стал принимать участие в работе самостоятельных

организаций осужденных. У подростка появилась мотивация к трудовой и учебной деятельности. Психолог рекомендовал воспитаннику посещать групповые тренинги на развитие коммуникативных навыков и уверенности в себе.

В качестве индивидуального метода коррекции поведения воспитанников, отнесенных к группе риска, психологами ВК широко используется метод беседы и индивидуальных консультаций. Индивидуальная консультация является важнейшим, а нередко единственно возможным средством воздействия на осужденного, оказания ему психологической помощи. Используя метод беседы, психолог помогает осужденному осознать его затруднения, оказать ему помощь в их преодолении, а также выяснить причины деструктивного поведения, негативного отношения к режиму отбывания наказания и скорректировать их.

За время работы накоплен достаточный опыт коррекционного воздействия на воспитанников, отнесенных к группе риска, используя методы беседы и индивидуальных консультаций. Пример: воспитанник Н. состоял на профилактическом учете как склонный испытывать трудности в адаптации. Был замкнут, по результатам диагностического обследования выявлен очень высокий уровень ситуативной тревожности, подросток крайне плохо адаптировался в новых для себя условиях. Групповые психокоррекционные занятия, направленные на улучшение адаптации к условиям колонии, посещать отказался, аргументируя это тем, что крайне неуютно чувствует себя в группе. Психолог принял решение о необходимости использования индивидуального метода коррекции.

На протяжении квартала с воспитанником регулярно, не реже одного раза в неделю, проводились индивидуальные консультации, в ходе которых устанавливались доверительные отношения, налаживался эмоциональный контакт. В результате проведенных бесед выяснилось, что к подростку применялось физическое насилие в семье, мать пила, вела аморальный образ жизни. На первых консультациях подросток просто сидел и плакал, а дальнейшие психокоррекционные беседы посещал с удовольствием. Высказывание «наболевшего» помогло воспитаннику разобраться в проблемах, которые его мучают и не дают успешно адаптироваться в отряде. К тому же это принесло облегчение и утешение воспитаннику, помогло принять необходимые решения. После индивидуальных консультаций подросток смог посещать групповые психокоррекционные занятия, процесс адаптации завершился успешно.

Проведение психологического консультирования с использованием данной модели является результативным и эффективным. Не подлежит никакому сомнению тезис о развитии гуманистической направленности всех психокоррекционных занятий. Сотрудникам пенитенциарной системы необходимо преодолевать пассивность, поднимать сознание осужденных. Воспитательный процесс должен выполнять функцию формирования новых положительных качеств и нравственных ценностей.

Литература

1. Опыт разработки концепции воспитания / Отв. ред. Е.В. Бондаревская. - Ростов-на-Дону, 1993.

Федоров Александр Федорович

*Старший научный сотрудник
отдела изучения проблем управления
и реформирования уголовно-исполнительной системы
НИЦ-1 ФКУ НИИ ФСИН России,
кандидат психологических наук, доцент*

ПРОБЛЕМЫ ВОСПИТАНИЯ ПОДРАСТАЮЩЕГО ПОКОЛЕНИЯ

Fedorov Alexander Fedorovich

*The senior scientific employee
Department of studying of problems of management
And reforming of criminally-executive system
NIC-1, PKU NII FSIN of Russia
The candidate of psychological sciences, the senior lecturer*

PROBLEMS OF EDUCATION OF RISING GENERATION

Аннотация

В статье указано, что использование в системе воспитания массовых мероприятий является одним из ведущих направлений формирования культурного потенциала современной молодежи. Автор отмечает роль личности воспитателя в деле приобщения молодого поколения к духовно- нравственным общечеловеческим ценностям. В статье показано, что систему воспитательного процесса, его структурные компоненты следует рассматривать как внешнее окружение центрального звена сферы воспитания.

Abstract

In article it is specified, that use in an educational system of mass actions is one of leading directions of formation of cultural potential of modern youth. The author marks a role of the person of the tutor in business of familiarising of young generation to spiritually - moral universal values. In article it is shown, that the system of

educational process, its structural components should be considered as an external environment of the central link of sphere of education.

Ключевые слова: *молодёжь, компоненты, воспитательный процесс, подросток, ценности, осужденный, сотрудник.*

Keywords: *youth, components, educational process, the teenager, the values, condemned, the employee.*

«Цель работников пенитенциарной системы – качественно изменить ценности у осужденных, убедить их встать на путь исправления; одним из аспектов является помощь в адаптации и подготовке к жизни на свободе...» [2, с.7]. Но часто можно услышать мнение о неверном подходе к воспитанию подрастающего поколения. Современные подростки свободолюбивы, уверены в истинности собственных суждений, в правильном построении внутреннего духовного мира их современника. Их учит не педагог, их учит среда. Слова воспитателей часто не воспринимаются группой осужденных как научно обоснованный тезис. Осужденные критично относятся и к воспитателям и к окружающей среде, которую он представляет. Формула «Педагогическая среда колонии - среда воспитывающая» осужденными не воспринимается должным образом. Мнение осужденных индивидуально, свежо, образно: воспитание не принесёт никакого положительного результата. Сотрудник порой сегодня сам далёк от выполнения своей воспитательной роли, которую он должен осуществлять в процессе исправления поведения осужденных. Однако, всё равно слышны недовольные возгласы осужденных о навязывании какой-то «воспитательной идеологии». Почему так происходит в современной жизни воспитательной колонии? Основные задачи воспитательного процесса осужденных – это: углубленное познание сущности человека, его индивидуальной жизни и деятельности во взаимодействии с другими людьми, группами и обществом под влиянием воспитания; вооружить осужденных необходимыми знаниями различных социально - психологических теорий и концепций о развитии нравственной сферы человека в целях повышения их профессионального потенциала для дальнейшей жизни; ознакомление осужденных со спецификой и методами психолого - антропологических исследований духовных потребностей и нравственных ценностей; развитие у осужденных мотивации и формирование установок на дальнейшее изучение личности и её развития в процессе воспитания и образования. «Чтобы устранить факторы, препятствующие успешному стремлению к этому, надо управлять воспитательным процессом, нужно знать, во-первых, некоторые социально-психологические особенности их личности, во вторых следить за поведением этих лиц» [1, с. 51].

Сегодняшняя молодёжь остановилась на краю пропасти, через которую очень трудно перепрыгнуть. Иллюзорность сознания осужденных материальна, финансово «втянута» в мир его взаимоотношений с окружающими. Именно иллюзорность сознания заставляет осужденных быть прагматичным, жёстким, рациональным себялюбцем. К сожалению, пропасть между прошлым и настоящим, между поколениями «отцов» и «детей» велика. Общество не смогло воплотить в жизни по-

растающего поколения высокие нравственные ценности, не смогло ориентировать юношей и девушек на гуманистические принципы и способы становления человеческого «Я». Человечность - понятие почти забытое, отвергаемое новым поколением молодёжи. Человечность можно воспитать, но какие усилия необходимо приложить для этого? На этот вопрос ответить сложно.

Процесс адаптации осужденного к условиям пребывания в воспитательной колонии имеет свои особенности. Он начинается в карантинном отделении и продолжается до момента, когда осужденный начинает воспринимать свое нахождение в воспитательной колонии как комфортное. Длительность процесса адаптации зависит от многих факторов: качества подготовки воспитанника к переводу из карантинного отделения в отряд, наличия знакомых в отряде, места постоянного жительства осужденного, его личностных особенностей.

Трудности, связанные с пребыванием в местах лишения свободы - изоляция от родных и близких, строгая регламентация жизни в колонии, принудительное общение с другими осужденными - неодинаково переносятся разными воспитанниками. Успешность процесса адаптации зависит от ряда социально-демографических и психологических факторов.

Сегодня принято говорить о том, что виновником нахлынувшей «волны» проблем в местах лишения свободы является государство в годы реформ в политической, экономической, социальной сферах общественного устройства, забывшее о социальном, гражданском, духовно-нравственном воспитании осужденных. Поиски виновного в случившемся переломе сознания осужденных нужно искать внутри каждого сотрудника. Нет никаких сомнений в том, что потеря нравственных ориентиров в современном обществе коснулась различных социальных структур, групп, объединений, но она также оказала существенное влияние на личности осужденных. Перелом в социально-экономической сфере полностью закрыл сферу духовно-нравственную. Её вдруг просто не стало. Так было удобно и легко жить всем: чиновникам, политикам, предпринимателям. Обществу нужен человек - профессионал своего дела со сложившейся системой ценностных ориентаций, характеризующейся гуманистической направленностью. Отсутствие системы воспитания на протяжении достаточно длительного времени привело к потере культуры, интеллигентности, человечности. Сегодня осужденные, их мотивы, потребности, ценности должны стоять во главе угла в процессе воспитания и нельзя забывать, что все составляющие внутреннего мира молодого человека формируются социокультурной средой.

Использование в системе воспитания массовых мероприятий является одним из ведущих

направлений формирования культурного потенциала осужденных, но, возвращаясь к традициям прошлого, важно отметить роль личности воспитателя в деле приобщения осужденных к духовно- нравственным общечеловеческим ценностям. В последнее время появилось много возможностей для применения инновационных подходов и методов в сфере воспитания, что не является преградой использования опыта прошлых лет. Пример воспитателя, его культура, большой багаж знаний, стиль поведения и предмет, основам которого он учит осужденных - всё это является основными компонентами системы воспитания подрастающего поколения. В целом же, всю систему воспитательного процесса, его структурные компоненты следует рассматривать как внешнее окружение центрального звена сферы воспитания. Современное поколение разнообразно по своему социальному статусу, оно может быть разным по отношению к жизни и окружающему миру. Учитывая эти и другие личностные и социальные особенности осужденных, важно создать предпосылки для полноценного развития и воспитания молодого поколения. Отправной точкой в создании условий для знакомства и приобщения осужденных к вечным ценностям человеческой жизни и культуры являются дисциплины гуманитарного и психолого - педагогического цикла. Изучение таких дисциплин, как: "Мировая художественная культура", "Философия", "Этика", "Эстетика", "Философия и история образования", "Педагогическая психология", "Педагогическая социология", "Социальная педагогика" помогают осужденным глубже усвоить и осоз-

нать идеи добра, истины, справедливости и красоты, отвечают гуманистическим тенденциям современной общечеловеческой культуры.

Анализ роста подростковой преступности показывает нам необходимость проведения углубленной профилактической и воспитательной работы непосредственно с подрастающим поколением, в целях предупреждения и снижения уровня рецидивной преступности. Тренинги по фильмотерапии, основанные на видеотехнике, - одно из наиболее удобных средств воздействия на личность подростков. Сочетание зрительного восприятия информации и ее детального, логического осмысления значительно повышает качество работы, делая ее более эффективной. В свою очередь, это оказывает непосредственное воздействие на дисциплинарные процессы и процессы ресоциализации личности подростков, находящихся в условиях заключения.

Литература

1. Федоров А.Ф. Педагогическое воздействие, применяемое к осужденным в период отбывания ими наказания и роль самообразования // Вестник Владимирского юридического института. Научно-образовательный журнал федерального государственного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Владимирский юридический институт Федеральной службы исполнения наказаний». - 2012. - №3 (24). - С. 51.

2. Федоров А.Ф. Акмеологический подход в изучении социальной работы в пенитенциарной системе / А.Ф. Федоров, А.В. Шувалова. Монография. - Ковров: ФГБОУ ВПО «КГТА им. В.А. Дегтярева», 2012. - 132с.

УДК: 159

Дувалина О. Н.,

кандидат психологических наук,

доцент КГУ им. К. Э. Циолковского, г. Калуга

Чернявская Е. А.

студентка 3 курса, филологического факультета,

КГУ им. К. Э. Циолковского, г. Калуга

[DOI: 10.24411/2520-6990-2019-10123](https://doi.org/10.24411/2520-6990-2019-10123)

ФЕНОМЕН ИНТЕРНЕТ-АДДИКЦИИ КАК ОДНА ИЗ ПРИЧИН ДЕВИАНТНОГО ПОВЕДЕНИЯ ПОДРОСТКОВ

Dobalina O. N.,

candidate of psychological Sciences,

associate Professor at KSU. K. E. Tsiolkovsky, Kaluga

Chernyavskaya E. A.

3rd year student, Faculty of Philology,

KSU K. E. Tsiolkovsky, Kaluga

THE PHENOMENON OF INTERNET ADDICTION AS ONE OF THE CAUSES OF DEVIANT BEHAVIOR IN ADOLESCENTS.

Аннотация

Настоящая статья посвящена проблеме девиантного поведения подростков, вызванного интернет-зависимостью. Данная проблема является сейчас наиболее актуальной, поскольку с каждым годом увеличивается стремление человечества во всех сферах своей жизни использовать различные гаджеты и всемирную сеть Интернет. В статье дано определение интернет-аддикции, сформулированы основные причины появления интернет-зависимости среди молодежи подросткового возраста. Цель работы – рассмотреть влияние интернет-зависимости на подростков, проследить последствия, обусловленные данной зависимостью. В статье рассмотрены особенности личности, наиболее уязвимой к формированию зависимости, а так же дана характеристика сети Интернет как привлекательного ресурса для молодежи.

Abstract

This article is devoted to the problem of deviant behavior of adolescents caused by Internet addiction. This problem is now the most urgent, as the desire of mankind in all spheres of its life to use various gadgets and the worldwide Internet is increasing every year. The article defines Internet addiction, forms the main reasons for the emergence of Internet addiction among adolescent youth. The purpose of the work is to consider the impact of Internet addiction on adolescents, to trace the consequences of this addiction. The article discusses the features of the person most vulnerable to the formation of addiction, as well as describes the Internet as an attractive resource for young people.

Ключевые слова: интернет-зависимость, аддикция, девиантное поведение, интернет-пространство, подростки.

Key words: Internet addiction, addiction, deviant behavior, Internet space, adolescents.

Современный мир невозможно представить без новых технологий, гаджетов и, конечно, всемирной сети Интернет. Безусловно, нельзя умалять пользу Интернета, принесшего человечеству огромное количество возможностей и удобств разного рода, однако использование Интернет-пространства не обошлось без вредных последствий. Уже давно родители и учителя заметили особое пристрастие детей и подростков к гаджетам и Интернет-сети и, как следствие, негативное влияние Интернета на подростков. Тема настоящей статьи является сейчас наиболее актуальной, поскольку с каждым годом человечество все больше и больше привыкает к использованию разнообразных гаджетов и выходу в Интернет-пространство.

Интернет-аддикция, или интернет-зависимость, в настоящее время становится глобальной проблемой, охватывая все большее количество людей. В группу риска развития данного типа зависимости попадают в основном подростки, а, как известно, подростковый возраст является критическим периодом, важными особенностями которого являются возникновение рефлексии и поиск своей индивидуальности. Интернет-пространство дает возможность подростку реализовать большую часть своих потребностей и в первую очередь, связанных с самореализацией, с возможностью заявить о себе на весь мир [4]. Как уже было сказано, подростковый период является критическим моментом в развитии человека, именно поэтому от того, как будет проходить данный этап в жизни индивида, зависит успешность социальной адаптации личности.

Девиантное поведение являет собой поведение, отклоняющееся от общепринятых, социально одобряемых и установленных в обществе норм. Данное поведение может быть вызвано многими факторами. Одной из таких причин является зависимость от сети Интернет. Стоит сказать, что представляет собой указанный вид зависимости. Интернет-аддикция – это психическое расстройство, для которого характерна ярко выраженная зависимость от пользования Интернетом, стремление ухода от реальности путем достижения особого эмоционального состояния удовлетворенности и уверенности в себе.

Для интернет-зависимых подростков характерны такие личностные особенности, как ощущение одиночества и низкая самооценка, влекущие за собой проблемы в общении; склонность к избеганию проблем и ответственности, что способствует их уходу из настоящего в виртуальный мир. Данные особенности являются факторами риска социальной дезадаптации, поскольку относятся к категории патологических пристрастий, приводящих к деформации личности [1].

К причинам интернет-зависимости относятся [1]:

- недостаточное внимание родителей;
- неуверенность в себе, в своих силах, застенчивость;
- недостаток общения со сверстниками и значимыми людьми;
- комплексы и трудности в общении;
- склонность подростков к быстрому «впитыванию» всего нового, интересного;
- отсутствие увлечений и хобби, любых привязанностей, не связанных с компьютером;
- желание быть «как все» сверстники.

Для подростков интернет-пространство обладает чертами, неосознанно привлекающими их внимание:

- иллюзия вседозволенности и безнаказанности, позволяющая подростку посещать запрещенные сайты и влекущая за собой несомненный урон нравственному развитию ребенка;
- насыщение чувства взрослости;
- возможность самореализации;
- удовлетворение коммуникативных потребностей;
- принадлежность к группе по интересам;
- хакерство и бесконечный поиск новой информации;
- удовлетворение базовой потребности в безопасности;
- игры и игровая деятельность.

Перечисленные выше потребности легко могут быть решены при помощи Интернета, что так сильно прельщает детей и подростков и создает риск формирования у них зависимости от Интернета. Как мы видим, не все эти потребности оказывают положительный эффект на еще не сформировавшееся сознание подростков. Обеспокоенность родителей и учителей аддиктивным поведением подростков небеспочвенна. Как результат интернет-зависимости, у ребенка появляется навязчивое желание проверить свои социальные сети, он постоянно испытывает желание выйти в Интернет, если выход во всемирную сеть по той или иной причине невозможен, это вызывает чувство тревожности. Ребенок проводит все больше свободного времени за компьютером, снижается аппетит, происходит нарушение сна, возникает эмоциональная нестабильность, появляется раздражительность и гнев при принудительном отключении компьютера и гаджетов [2].

Интернет-аддикция способствует формированию целого ряда психологических проблем у подростков: конфликтное поведение, хронические депрессии, предпочтение виртуального пространства реальной жизни, трудности адаптации в социуме,

потеря способности контролировать время пребывания за компьютером, возникновение чувства дискомфорта при отсутствии возможности пользования интернетом [3]. Как мы видим, перечисленные последствия интернет-зависимости являются достаточно серьезными для подростков. Дети, зависимые от Интернета, не смогут стать полноценными и психологически здоровыми членами общества.

К сожалению, Интернет-пространство представляет собой не только источник полезной информации, но и собрание ресурсов, не предназначенных для детей и подростков. Компьютерные игры с жестоким посылом, сайты с деструктивным и вредным контентом, запрещенные видеоматериалы, «группы смерти», сайты по продаже нелегальных препаратов и сайты с инструкциями по сборке оружия и взрывоопасных материалов становятся очевидной причиной девиантного поведения подростков.

Стоит заметить, что интернет-аддикции в большей степени подвержены дети с уже имеющимися проблемами и отклонениями (например, с проблемами в семье или в школе), что делает этих детей еще более уязвимыми в искушении поддаться отклоняющемуся поведению. В таком случае зависимость от Интернета может только сильнее усугубить ситуацию.

Кроме того, замена настоящей жизни на виртуальное пространство вызывает отчуждение ребенка от его реальной жизни, родителей, друзей и школы, что, как следствие, также становится причиной девиантного поведения. Так же это становится причиной агрессии подростка на окружающий его реальный мир.

Как мы видим, интернет-зависимость оказывает глубоко негативное влияние на развитие детей

и подростков, именно поэтому детям необходима помощь взрослых в решении данной задачи. Разумеется, жизнь без существования Интернета стала совершенно невозможной. Дети и подростки едва не с рождения приучены к различным гаджетам. Каждый ребенок с самых ранних лет окружен разного рода гаджетами дома и в школе на уроках информатики. Конечно, мы не можем лишить Интернет-сети ни детей, ни себя, однако столь явное негативное влияние на психическое состояние детей требует немедленного решения. В настоящий момент проблема интернет-аддикции продолжает оставаться малоизученной, однако сама постановка проблемы и разработка методик по ее устранению уже сейчас позволяет бороться с данным явлением.

Список использованной литературы

1. Егоров А. Ю. Интернет-зависимости / А. Ю. Егоров // Интернет-зависимость: психологическая природа и динамика развития; под ред. А. Е. Войкунского. – М.: Акрополь, 2009. – С. 29-55
2. Лотякова А.М. Феномен интернет-зависимости у подростков // Гуманитарные научные исследования. 2016. № 12 [Электронный ресурс]. URL: <http://human.snauka.ru/2016/12/18115>
3. Репина М. А., Федоров А. Ф. Проблема интернет-зависимости среди подростков // Молодой ученый. — 2014. — №20. [Электронный ресурс] URL: <https://moluch.ru/archive/79/13878/>
4. Щелина Т. Т., Маслова В. С. Феномен интернет-зависимости как причина девиантного поведения подростков // Молодой ученый. — 2014. — №21.1. [Электронный ресурс]. URL: <https://moluch.ru/archive/80/13809/>

PHILOLOGY

Гузл Маткаримова

Национальный Университет Узбекистана
соискатель, преподаватель немецкого языка

DOI: 10.24411/2520-6990-2019-10124

СЕМАНТИКА СЛОВСОЧЕТАНИЙ С ПРЕДЛОГОМ *NACH*, НАХОДЯЩИХСЯ ПОД
УПРАВЛЕНИЕМ ГЛАГОЛОВ ДВИЖЕНИЯ, НАПРАВЛЕННЫХ НА ОБЪЕКТ, И ОСВЕЩЕНИЕ
ИХ ВЫРАЖЕНИЯ В УЗБЕКСКОМ ЯЗЫКЕ.

Guzal Matkarimova

National University of Uzbekistan
applicant, teacher of GermanSEMANTICS OF PHRASES WITH THE PREPOSITION *NACH*, WHICH ARE CONTROLLED BY
THE VERBS OF MOVEMENT DIRECTED AT THE OBJECT, AND ILLUMINATE THEIR
EXPRESSION IN THE UZBEK LANGUAGE.**Аннотация**

В статье рассмотрено семантическое изучение словосочетаний глаголов движения с предлогом *nach* направленных на объект в немецком языке и их выражение в узбекском языке.

Abstract

The article deals with the semantic study of phrases of verbs of movement with the preposition *nach* directed at an object in the German language and their expression in the Uzbek language.

Key words: *microfield, sema, semem, class, archemet, valence, object.*

Ключевые слова: микрополе, сема, семема, классема, архисема, валентность, объект.

Семантическому полю глаголов движения, направленных на объект, входят три типа глаголов: 1. Глаголы, организующие микрополе, с архисемой «амалга оширмак» (осуществить, реализовать, претворить). 2. Глаголы, организующие микрополе направленности определённой цели. 3. Глаголы, организующие микрополе архисемы психического состояния. Каждый из них образует сочетание посредством предлога *nach*. Отдельно остановимся на валентности образования сочетания, семантике сочетания и вопросах его перевода.

Глаголы, организующие микрополе архисемой «амалга оширмак» (осуществляться, претворяться) по семе «восита» (орудие, средство) вступают в сочетание с существительными или словами, выступающими в предложении в роли существительного. Данная сема остается классемой сочетания. Глагол на основе семы «восита» (орудие, средство), являющейся причиной образования сочетания, имеет валентность средства. Эта валентность средства проявляется в актантах, выбранных из существительных или слов, выступающих в роли существительного. Актанты в грамматическом отношении формируются, принимая предлог *nach*. В то же время они выражают значение, дающее абстрактный смысл. Этот абстрактный смысл выражает или движение (действие), или состояние. Например, *Er...wird seine Guter nach modernen Methoden verwalten.* (L. Feuchtwanger). В данном предложении главным членом сочетания, образованного посредством предлога *nach*, является глагол *verwalten*. Он передаёт значение «бошқаради» (управляет) и имеет архисему «амалга оширмак» (осуществить, реализовать, претворить). Данный глагол посредством предлога *nach* управляет существительным *Methoden*. А существительное

Methoden является актантом глагола *verwalten*, проявленным согласно валентности средства. Существительное *Methoden* имеет абстрактное значение. Это и организует, согласно семе средства абстрактного значения, классему с глаголом *verwalten*.

Существительные, управляемые глаголами с архисемой «амалга оширмак» (осуществить, реализовать, претворить) посредством предлога *nach*, почти всегда имеют абстрактное выражение. Классема подобных сочетаний в основном означают «восита» (средство). Встречаются случаи,

Когда существительные, управляемые подобными глаголами, имеют точное (т.е. не абстрактное) выражение. В этих случаях глагол «амалга оширмак» (осуществить, реализовать, претворить) проявляется не валентностью «восита» (средство), а валентностью «нарса» (вещь), «курол» (орудие). Например, *Ich ... schätze die Kilometer nach der Karte.* (B. Pludra). Здесь *schätze nach der Karte* является управлением с предлогом *nach*, а подчиненным членом сочетания является *die Karte – der Karte*. Он является средством, имеющим точное выражение. Именно поэтому необходимо рассматривать глагол *schätzen* проявившимся по валентности «нарса» (вещь), «курол» (орудие). Во всех случаях сочетания, образованные данными глаголами, рассматриваются как объектные сочетания, только осуществлялось два разных подхода к их валентностям.

Если предлог *nach* является грамматическим средством в управлении абстрактно выраженных существительных глаголами, имеющими архисему «амалга оширмак» (осуществить, реализовать, претворить), он может составить альтернативу не падежу узбекского языка жўналиш, а послелогом «оркали» (по, через, посредством), «бўйича» (по,

согласно, в соответствии), и иногда “билан” (с, со, вместе с). Поэтому выше приведённые предложения переведены как «У ўз борлигини замонавий усуллар билан бошқаради» (он управляет все свое существо современными методами) и «Мен километрларни харита орқали аниқлайман» (я определяю километры на карте (через карту, по карте, с помощью карты)), где первое переведено с помощью послелога «билан» (с, со, вместе с), а второе – «орқали» (по, через, посредством).

Когда глаголы, имеющие архисему “амалга оширмак” (осуществить, реализовать, претворить) управляют существительными посредством предлога *nach*, для возникновения между ними классемы средства, подчиненный член может не иметь семему, обладающей семей средства. Это считается имевшим место через экономию речи в немецком языке. Например, *Die Abstimmung geschah nach Stämmen. (F. Wolf)*. В этом предложении глагольным управлением с предлогом *nach* является *geschah nach Stämmen*. Если подходить к словам в составе данного сочетания с точки зрения словарного значения, то кажется, что отсутствует классема, означающая средство. На самом же деле, считавшийся подчиненным член *Stämmen* считается подчиненным членом атрибутивного сочетания. Его главным членом является слово с семемой «навбат» (очередь, черёд), обладающее архисемой «тизим» (связка, нитка; система). По требованию речи, после попадания данного члена в эллипсис, слово *Stämmen* получил наследство его грамматическую функцию и его семантику. В речи это стала реальной также с семемой. Если смотреть с этой точки зрения, сочетание *geschah nach Stämmen* имеет классему средства.

Предлог *nach* также выполняет функции грамматического средства в направленном в определенную цель управлении глаголов движения. Исходя из семантики подобных глаголов, устанавливается значение и смысл классемы сочетаний, образованных с предлогом *nach*. Глаголы движения, направленные в определенную цель, обладают объектной валентностью и составляют сочетания со словами, означающими объект. Сочетание в немецком языке формируется не падежом *Akkusativ*, а предлогом *nach*, подобающим падежу *Dativ*. Оно не формируется другими предлогами. На немецком языке подобную семантику имеют такие глаголы, как *fassen, tasten, suchen, greifen, irren, graben, stöbern, absuchen, befasten*. В составе семем глаголов движения, направленных в определенную цель, существуют семы, означающие «киши органи» (орган человека), «буом» (вещь), «ўрин» (место). Согласно этой семе своей семеме, оно вступает в сочетания с существительными, имеющими семему с семей «киши органи» (орган человека), «буом» (вещь), «ўрин» (место), вследствие чего и образует классему данного значения.

Семема глагола *tasten* имеет сему «киши органи» (орган человека). Это послужит причиной образования сочетания с каким-нибудь словом и образует классему. Например, *Tastete nach Hand*.

Подчиненный член вышеспроденного сочетания с глагольным управлением сформированный дативом, наблюдается сформированность подчиненного члена данного сочетания падежом *тушум* узбекского языка. Это типологическое грамматическое несоответствие исходит из характера языков. В немецком языке направление движения в падеже *жўналиши* рассматривается полученным этим падежом вещью (предметом). Если вещи, к которой обращено направление, привязано движение, то в узбекском языке движение принимается случившимся. Вследствие чего, это превратится в объектное сочетание.

Также в сочетаниях, образованных посредством предлога *nach* и находящихся под управлением глагола *suchen*, подчиненный член формируется дативом. Однако его классема означает «ўрин» (место), поскольку данный глагол выражает движение на поверхности и потому имеет сему “ўрин” (место). Следовательно, он образует классему с существительными, имеющими семему с семей, выражающей «ўрин» (место). *Claude suchte nach einem Übergang. (H. Mann)*. В данном предложении *suchte nach einem Übergang* является сочетанием с глагольным управлением и предлогом *nach*. Он имеет классему “ўрин” (место). По выше сказанному, данное сочетание переводится на узбекский язык в виде объектного сочетания, сформированного падежом *тушум*. Перевод данного предложения выглядит таким образом: Клауде ўтиш жойини кидирди. (Клауде искала переход).

Среди глаголов немецкого языка, направленных на объект, существуют глаголы, организующие микрополе с архисемой психического состояния. Они по семе «нарса» (вещь) или «шасх» (личность) вступают в сочетание с существительными или словами, выполняющими роль существительных. Данная сема остаётся классемой сочетания. Глагол имеет объектную валентность на основе семы «нарса» (вещь) или “шахс” (личность), которая была причиной сочетания. Эта валентность проявляется в актантах. Выбранных из существительных или слов, выполняющих роль существительных. Актанты в грамматическом отношении формируется принимая предлог *nach*. Вместе с тем они имеют выражение, точно передающее значение. Например, *Sehnte sich Northaus nach dem Park. (E.L. Bock)*. Сказуемое этого предложения *sehnte sich (sich sehnen)* выражает психическое состояние. Словом, управляемым им, является существительное *Park*. Это существительное сформировано предлогом *nach*. Более того, оно встречается с артиклем датива *dem*. Несмотря на то, что действие глагола было направлено на сад. Психическое состояние в нем перенесено на сад. Т. е. сад стал объектом состояния, понимаемым под глаголом. Именно поэтому перевод на узбекский язык данного сочетания с глагольным управлением даётся в виде объектного сочетания: боғни қўмсарди (скупал по саду). Если слово, управляемое глаголом *sehnen* посредством предлога *nach*, является именем собственным, оно обычно не используется артиклем в дативе. Данное

положение также наблюдается в управлении словом, выполняющим роль существительного в предложении. В любом случае, несмотря на использование в немецком языке подчинённого члена в дативе, он рассматривается как глагольное сочетание, ставшее реальным с актантом объекта и переводится на узбекский язык в виде объектного сочетания, сформированного падежом жўналиш, одновременно подчинённый член выражает объект.

Из материалов и примеров, собранных и рассмотренных нами, следовало, что только считанное количество глаголов, означающих психическое состояние, образует сочетание посредством предлога *nach*. Кроме глагола *sehnen* можно назвать также глаголов *seufzen*, *erfreuen* и *verrecken*. Своеобразие этих глаголов в том, что сочетание с предлогом *nach*, образованные посредством их, становятся реальными не актантом объекта, а актантом причины. Более того, слова в его составе выражают не номинативное, а метафорическое значение. Классема сочетания имеет выражение «шахс» (личность) или «нарс» (вещь). Подчинённый член сочетания выбирается из почти абстрактных глаголов, и действие, обозначаемое глаголом, направляется абстрактному значению понятия, следовавшему из сочетания. Например, *Du hast sieben Jahre nach mir geseufzt*. В данном предложении сочетанием, управляемым глаголом *seufzen* посредством предлога *nach*, является *nach mir geseufzt*. *Mir*, являясь подчинённым членом этого сочетания, одновременно является подчинённым членом

сочетания с определением. Его определение со значением «таъсир» (действие) подвергся эллипсису. Он даёт абстрактное понятие. Поэтому классема сочетания с предлогом *nach* и находящегося под управлением глагола состояния, сохранилась как классема, имеющая выражение действия. Состояние, передаваемое глаголом в предложении, направлено абстрактному понятию, передаваемому подчинённым членом. Это следует из значения предлога *nach*. Подчинённый член считается актантом причины глагола *seufzen*. Сочетание имеет метафорическое выражение. При переводе подобных сочетаний на узбекский язык, сначала восстанавливается эллиптический член, передавая его в падеже чикиш, затем формируется альтернатива сочетания на узбекском языке. Здесь *Менинг дастимдан оҳ урдинг (Ты горевал из-за меня)*. Несмотря на то, что объектное сочетание немецкого языка сохранилось также и в узбекском языке и подчинённый член остался в роли состояния причины, здесь оно передаётся в виде объектного сочетания.

Литература

1. A. Busch / Oliver Stenschke. Germanistische Linguistik. Günter Narr Verlag, Tübingen 2007.
2. Съедин В.Н. Предлоги немецкого языка. М.: 1963;
3. Каткова Е.В. и Фромзель Л. Грамматика немецкого языка. Предлоги. Л.: 1971.
4. Sommerfeld K.E., Starke G. Einführung in die Grammatik der deutschen Gegenwartssprache. Max Niemeyer Verlag, Tübingen. 1992.

Atamanchuk Viktoriia

Taras Shevchenko National University of Kyiv

Department of Ukrainian Literature History, Theory of Literature and Literary Art, Institute of Philology

[DOI: 10.24411/2520-6990-2019-10125](https://doi.org/10.24411/2520-6990-2019-10125)

THE PROBLEM OF CONSCIOUSNESS REFLECTION IN I. KOSTETSKII'S DRAMATURGY

Abstract

The paper is aimed to define I. Kostetskii's aesthetical conception realized in dramatic works The Twins Will Meet Again and The Performance About a Great Man. Aesthetical peculiarities of author's plays embodied in artistic experiments are analyzed in the article. Philosophical aspects in coordination with literary implications are determined. Philosophical aspects are shown as necessary components for understanding the plays' aesthetical paradigm, concentrated on the problem of consciousness transformations depicted in literary works. In correlation with the problem of consciousness representation other problems and component parts in dramas are examined. Accordingly, the conflicts, the development of action, the images in I. Kostetskii's plays are analyzed.

Key words: *a play, a drama, conflict, action, hero, consciousness, absurd.*

I. Kostecki's literary works represent the realization of innovative strategies in artistic creation. The researchers of writer's multi-vector creativity have paid attention to its various aspects. Yu. Kovaliv¹,

F. Batsevich² studied the problems of marvelous representation in I. Kostecki's prose and dramas. The prose of a writer have been investigated by Yu. Marinenko³,

¹ Kovaliv, Yuri. Eksperymentalni odyvnenyya I. Kostetskoho [I. Kostetskii's Experimental Studies]. *Literary Studies*, 2010. Issue 29, 191-201.

² Batsevich, Floriy. Pryyomy odyvnenyya dramatychnoho tvoriv (na materialy pyesy Ihorya Kostetskoho «Blyznyyata shche zustrinutsya») [Means of Marvelous Representation in Dramatic Works (based on Igor Kostetskii's play "The Twins Will Meet Again")]. *Studia Ucrainica Varsoviensia*, 2017, no 5, 15-25.

³ Marinenko, Yuri. Prorocho-apostolska tema v ukrayinskiy emihrantskiy prozi 40-kh rokiv XX stolittya [The Prophetic-apostolic Theme in the Ukrainian Emigrant Prose of the 40s of the Twentieth Century]. *Scientific Papers. Peter-Mohyla Black Sea State University, Kyiv-Mohyla Academy Complex. Philology. Literature Studies*, 2013, Vol. 224, Issue. 212, 54-58.

O. Poliukhovych⁴, O. Solovey⁵. Genre and stylistic peculiarities of the writer's literary have been analyzed by O. Brovko⁶, M. Bagry⁷, L. Zaleska Onyshkevych⁸, O. Lyubenko⁹, V. Mukan¹⁰, S. Pavlychko¹¹, I. Yurova¹², M. R. Stech¹³.

I. Kostetskii's drama reveals an original artistic comprehension. The dramatic achievements of the writer were accompanied by his deepening of the theoretical foundations, which gave the greatest clarity and expressiveness to his literary works. In the article *Try masky (The Three Masks)* I. Kostetskii¹⁴ examines various aspects of the mask usage in Ukrainian drama and scenic art. The concept of mask seems to be extremely important writer's plays.

I. Kostetskii defines his drama *Blyznyiata shche zustrinutsya (The Twins Will Meet Again)* (1947) as a play in masks. The artistic representation of a show in masks contributes to the visualization of the absurd aesthetics in the literary work. The phenomenon of masking, and especially in the context of the whole play extrapolation, creates the multidimensional possibilities for expressing rhizomorphic artistic projections.

The prologue in the drama acquires the significance of the unifying principle in the literary work, as it is associated with the person of the ballroom manager, revealing the non-obvious phenomena of the theatrical sphere and their probable perception, which simultaneously reflect the processes occurring at the inferior levels of the personal and collective consciousness, and determine the course of the dramatic action in the play. The prologue emphasizes the recognizable signs of age, which express the widespread world-view saturation and outlook distortions embodied with the aesthetics of the absurd. The head of the ball outlines one of the key problems of the day: the theatre, having exhausted all possible and imaginary changes of forms, faced the fact of lack of meaning. At the same time, in the subtext, the playwright clearly points to the historical reality, recalling the "era of totalitarianism".

From the very beginning, the writer combines different planes paradoxically breaking the boundaries between reality and its artistic reflection I. Kostetskii play

as a literary fact is included in the inner artistic space of the play itself, and the author becomes its hero mediated through the master of the ball's perception. The playwright paradoxically and ironically perceives the role of the author-hero of the literary work, which appears indirectly in the play, in order to self-destruction, thereby creating the conditions for further self-development of dramatic action.

The ironic discourse of the prologue is manifested in the reproduction of complex correlations between the author and his own literary work, including the image of the creator as the hero of his own play, who plays a minor role in it; showing the mutual separation of the artistic creation and the artist, which determines the further self-motion of the literary work and its transformation by other rules, in other contexts and conditions; reproduction of the conditionally real communication of the author with the actors engaged in the dramatization of his play, which is in fact a fragment of the artistic structure of the play; reflection of accentuated criticism of the author and his literary work by conditionally real actors; deliberate demonstration of the inconsistent pieces of the play.

The chosen place and time of the play (ball-masquerade takes place on the eve of the New Year at the time of occupation) implicate threatening meanings, which the playwright ironically emphasizes by pointing the ball manager to the alleged neutrality of the depicted situation. The first scene begins with a brief introduction, which at the same time reproduces both the tension and the carelessness of the atmosphere. I. Kostetskii forms a dramatic unit according to the principles of the absurd aesthetics combining the parts of different actors dialogues, in which the allusions of reality alternate with heterogeneous sentences. Henceforth, the excerpts of the five couples conversations will accompany the further development of the action, reflecting the various reactions (fear, hope, exaltation etc.) of the actors in the course of events.

The writer creates an artistic simulation in which the preconditions are accumulated (play in a play, cos-

⁴ Poliukhovych, Olga. "Plynnia" identychnist u prozi Ihorya Kostetskoho ["Liquid" Identity in Ihor Kostetsky's fiction]. *Scientific Notes of NAUKMA*, 2013, Vol. 150: Philological Sciences, 64-69.

⁵ Solovey, Oleg. Mala proza Ihorya Kostetskoho: etychny aspect [Igor Kostetskii's Prose: Ethical Aspect]. *Actual Problems of Ukrainian Literature and Folklore*. 2015, no. 23, 40-59.

⁶ Brovko, Olena. Zhanrovo-strukturnyy element novely u prozi Pavla Malyara ta Ihorya Kostetskoho [Genre-structural Element of a Novel in the Prose by Pavel Malyar and Igor Kostetskii]. *Scientific notes by Volodymyr Hnatiyk National Pedagogical University. Literary Studies*, 2010, Issue 30, 168-176.

⁷ Bagry, Marianna. *Stylovi osoblyvosti tvorchosti Ihorya Kostetskoho [Stylistic Features of Igor Kostetskii's Creativity]*. (Phd thesis, Volodymyr Hnatiyk National Pedagogical University, 2013).

⁸ Zaleska Onyshkevych, Larysa. *Blyznyiata shche zustrinutsya. Antolohiya dramaturhiyi ukrayinskoyi diaspori [The Twins Will Meet Again. Anthology of Drama of the Ukrainian Diaspora]*. K., Lviv: Time, 1997.

⁹ Lyubenko, Olena. Eksperyment v ukrayinskii dramaturhiyi: fenomen I. Kostetskoho [The Experiment in Ukrainian

Drama: the Phenomenon of I. Kostetskii]. *Word and time*. 2005, No. 6, 32-41.

¹⁰ Mukan, Volodymyr. *Poetyka absurdu v ukrayinskii dramaturhiyi pershoi polovyny XX stolittya (na materialy tvoriv Mykoly Kulisha ta Ihorya Kostetskoho) [Poetics of the Absurd in the Ukrainian Drama of the First Half of the Twentieth Century (based on the literary works of Mykola Kulish and Igor Kostetskii)]*. (Phd diss., Taras Shevchenko National University of Kyiv, 2015).

¹¹ Pavlychko, Solomiya. Nihilistychnyy modernizm I. Kostetskoho [The Nihilistic Modernism of I. Kostetskii]. *Pavlychko, S. Theory of Literature*. Kyiv: Publishing House of Solomiya Pavlychko "Fundamentals", 2002, 336-380.

¹² Yurova, Inna. *Tvorcha osobystist Ihorya Kostetskoho u literaturnomu dyskursi II polovyny XX st. [The creative personality of Igor Kostetskii in the literary discourse of the second half of the twentieth century]*. (Phd thesis, Karazin National University of Kharkiv, 2007).

¹³ Stech, Marko Robert. Misteriya stylu [The Mystery of Style]. *Criticism*. 2001, no 1-2 (39-40), 20-22.

¹⁴ Kostetskii, Igor. *Try masky [The Three Masks]*. *The Theatre*, 1948, no.1, 13-16.

tume ball, etc.), which contribute to the multiple complication of interactions and relationships between the various manifestations of the real and virtual spheres. At the same time, the various virtual representations only appear to be real or are presented as a reality for those actors who are involved in it.

The versatility of artistic reflection lies in the structure of the play, which consists of a prologue, three scenes and two interludes. The playwright intersects the reproduction of dramatic action fragments with interludes, which represent detailed comments of the ball organizer, which simultaneously resides both in the play space and beyond. This manager is endowed with important functions in the I. Kostetskii's literary work, since he has the prerogative of evaluative judgments, mostly ironic, and interventions in a dramatic action.

The prologue and interludes perform the role of an interpretation of the text by text, providing a kind of correction, prediction and definition of the actors' play in the interpreted drama, thus creating the effect of marvelous representation through the mixing the perception of different levels. At the same time, the playwright emphasizes some chaotic explanations of the ball organizer, which also enhances the effect of marvelous representation, as the hero makes comments that he himself refutes, resort to deliberate flaws, expresses provocative statements, asks provocative questions, induces actors to interactions, expresses excessive subjective assessments that add distinct semantic nuances to the perception of the literary work and the performance. The provocative assertion of the manager about one actor, playing both twins, modifies the meaning and perception of the entire play, in a certain way, projecting out of stage realities for a scenic dimension.

The development of the dramatic action in three scenes is realized through the formation and gradual disclosure to the heroes of the literary work of the intrigue based on the twins' existence and their substitution, which the ball manager revealed to the spectators in the prologue. The playwright breaks the weird Colonel's story about his twin sons of different age from different mothers, placing the first part in the first scene before the replacement of the brothers, and the second part – in the third scene, after all the vicissitudes and clarifications, thereby ultimately combining all the intricate and bizarre scene components into a single structure.

The dialogue between Teresa and Colonel demonstrates different levels of ideological and social degradation that took place in the twentieth century on the eve (during, as a result) of World Wars. The absurdity of the depiction is achieved by showing the non-alternative moral features deformation, by the cynicism affirmation, which are shown as common phenomena. The Colonel just opposes the various approaches to the extermination of mankind, caused by various forms of struggle (of empires or states), defining their advantages and disadvantages. He acts as an apologist for non-emotional, adversarial destruction, and he is reluctant to destruction, dictated by emotions or ideas. Moreover, the hero uses the paronomasia as a way to identify the destruction for the sake of an idea with the idea of destruction.

The development of the action in the first scene is based on the principle of a continuous variable flow, the organizing center of which is the image of Svyatoslav

Togobochnyi. The dialogue of Teresa and Colonel ends with a story about Svyatoslav; after the end of the story the hero appears who speaks first with his father, then with Teresa; between these conversations the playwright inserts fragmented dialogues of five pairs, in each of them Svyatoslav is mentioned.

The dialogue between Teresa and Svyatoslav focuses on the discrepancies that have formed the foundation for the dramatic action. The dialogue has an asymmetric construction, since the communication of heroes takes place at different levels of emotional, intellectual and ideological inclusion. The first part of it is based on the expression of Teresa's exalted feelings, caused by the image of Svyatoslav and the ideas that are associated with him, and the Svyatoslav's mechanical iterations; in the second part of the dialogue Svyatoslav proclaims the theses, which testify the arbitrariness of the heroine's interpretations and refute them. The dialogue of heroes leads to the main intrigue of the literary work, as a radical change in the views of Svyatoslav caused Teresa's suspicion of substitution, expressed in the demand to remove the mask. The phenomenon of disguise becomes multidimensional, since the disclosure of certain parameters does not determine the disclosure of the whole phenomenon. Therefore, Svyatoslav's removal of the mask promotes further deepening of discrepancies.

If in the dialogue between Svyatoslav Togobochny and Teresa there are obvious contradictions, but their reasons remain unclear, then in a conversation with Petro Togobochny Svyatoslav Togobochny tells in detail about the substitution and its motives. The writer emphasizes the artificiality and contrition of the substitution under the conditions of occupation, since its main engines are the similarity of the hero with the stranger, whom he uses for the ideological control of his bride, and the consent of the twin to a weird role, which is motivated by his curiosity. Svyatoslav Togobochny totally denies the ideas of his twin opponent, but takes part in manipulation; the hero, crossing the ethical canons, emphasizes his achievements. I. Kostetskii manifests the absurd discourse of the play, reflecting the semantic gaps that are created due to inconsistencies with the historical context and intra-situational inappropriateness.

The playwright strengthens and develops the main intrigue of the literary work through its correlation with a conditionally similar phenomenon, focusing on the image of Svyatoslav. The intrigue of the play, the preconditions of which are fixed in the title of the literary work and are defined in the prologue, is based on the existence of the Svyatoslav's unknown twin brother. At the same time, the Colonel points to a mental split as the biggest problem of his son. The phenomenon of bifurcation in the literary work is motivated by the dependence on ideas, which is critically pointed out by the Colonel, and Teresa indirectly expresses it, admiring the retelling Svyatoslav's main ideological postulates. The concept of duality is noticeably manifested in the new interpretation of hero's ideas, which becomes a denial of previous statements.

The playwright depicts two reflections of one situation in reception of four heroes Svyatoslav Togobochny and Petro Togobochny and Svyatoslav

Tuteshny and Petro Tuteshny, who symmetrically reflect their own opposites, emphasizing various manifestations of the absurd in their dialogues.

The forms of artistic embodiment are conditioned by the conceptual absurdity of a play that covers various aspects of perception, expression and evaluation. The playwright encodes the absurdity of the outer peripetias, since the ruthless underground Svyatoslav Tuteshny agrees to substitute his twin opponent Svyatoslav Togobochny with the aim of testing his bride's ideological strength, but accidentally passes him an explosive device, in searches of which he is engaged at the ball-masquerade. The actors' clumsy throwing of a jacket with the explosive device as a result of the manager's intervention in the course of dramatic action gains an expressive absurd significance.

An absurdity is expressed in the inner conflicts of Teresa under the influence of opposing ideological demands that she associates with the image of Svyatoslav, and her own feelings, which she rationalizes, by notionally examining their intensity with all possible painful trials, the apotheosis of which is the heroine's refusal from herself for the sake of catering the object of his love and the execution of any criminal, unnatural, immoral requirements, designed by her. The absurdity of depiction is compounded by Teresa's attempts to justify the right to renounce her own will, through her efforts to show her strong feelings by demonstration of her readiness for any moral deformation and corresponding actions, through the efforts of the heroine to please the various Svyatoslavs, whom she perceives for one person, although they embody incompatible ideas.

Colonel proclaims the theses, which form the ideological basis for the artistic structure of the play. The hero determines the incompatibility of twins' ideas as a result of the world-view split, affirms their opposition as a guarantee of their future encounter as a way to achieve the state of impersonal destruction represented by the Colonel himself. The playwright discredits the very essence of ideas, since it focuses on hypertrophied ambiguities and contradictions.

The consciousness of the actors becomes an area for ideological experiments, in which the playwright singles out various aspects. The Colonel justifies non-emotional destruction, while one of the twins becomes a supporter of a fanatical struggle for national liberation, the other promotes utopian resistance in the context of national genocide, Teresa generally refuses to ideological self-determination, adapting herself to one or another twin. Both Colonel and Teresa paradoxically combine the opposite ideas of the twins owing to the accents on other planes of the depiction: the Colonel accompanies the emergence of different ideas of twins with the emergence of a single fear of death, for Teresa, the ideas become relative and interchangeable as a result of her focusing on the identity of the ideas bearers.

To the literary work *Diystvo pro velyku lyudynu* (*The Performance About a Great Man*) (1948), I. Kostetskii gives a definition of mystery. The playwright emphasizes the autonomy of an artistic work, which has a certain logic of development, which determines certain intrinsic characteristics of the play. Heroes with certain notifications define the play as a tragedy or point to the conditional, imaginary, tragic features that, as well as the author's definition, emphasize

the corresponding tone in the interpretation of the reproduced mental and emotional structures combined with bizarre and eclectic ideological transformations. It seems to be convincing to define the literary work *The Performance About a Great Man* as a drama, since the reflected vicissitudes cover the various states of consciousness, forming the multiple reflections, multiplied by the dazzling variations of heroes' perception with expressive ironic complications.

I. Kostetskii's literary work *The Performance About a Great Man* continues the experiments of a writer with the absurd aesthetics artistic embodiment. The absurd in the playwright's literary work is a reflection of the global ideological crisis caused by the Second World War.

The absurd in the drama performs not only an artistic but also an important content function, as it reproduces the loss of global meaning throughout the world. Heroes of drama express the negative experience identified by the global disappointment and loss of those significant moral foundations that outline the limits that humanity should not overdo, in order not to lose human appearance.

The playwright constructs dialogues, in which, through the accumulation of chaotic and simple replicas of heroes, which sometimes seem to be quite surrealistic, an important semantic implication is observed, which correlates with the reflection of the crisis phenomena in mass consciousness. The absurd aesthetics used by the writer confirms the deformation and reversal of values through a combination of the opposite in content phenomena and signs: Pork's Ear identifies his affiliation to the criminals who seek the truth. Bednarskii's absolute despondency in the possibilities of further civilization development reflects an existential hopelessness in which mankind appeared after the World War. At the same time, the playwright depicts a false exaltation as another aspect of disbelief.

I. Kostetskii achieves the effect of the ironic depiction, showing the exaltation and self-glorification of Bednarskii and his team, who oppose themselves to faceless masses. Inspirational glorification of the post worker, unsuccessfully performed by heroes, becomes a paradoxical confirmation of human deprivation, because through the clownish form the hero's narrow-mindedness is demonstrated. Bednarskii associates similar constraints in with the absence of any civilization perspective. In Bednarskii's replicas, the playwright emphasizes the hypertrophied generalizations made by the hero. The characteristic that he gives to the post worker has an exaggerated social and historical projection. For Bednarskii and his team, buffoonery is the way of protesting to averageness.

The playwright uses the technique of scene advance and further refinement, which creates preconditions for the dramatic action deployment. Maximus' behavior and his whole life largely confirm Bednarskii's estimates. At the same time, the hero performs weird actions, which hint to some kind of self-affirmation secret plans, leading him to the house of Martin. The writer emphasizes the moral depression in the marriage of Martin and Thaisa, caused by various forms of heroes' psychological impotence. Martin subjugated his life to the creation of utopian projects, and Thaisa – a joyless coexistence with him. An important part in their relationship is based on the memories about the illusion

of their youth, which turned into negative fantasies in the present. Maximus' bizarre appearance in the reincarnated form become a peculiar reverberation heroes' fancies. Reincarnation plays an important role as a way of representing of visible and hidden sense. It is the reincarnation that the playwright shows indirectly – first as Maximus' speculations about changes in appearance in combination with weird reflections on various topics, then – through Taisa's perception.

Among the topics which Maximus contemplates, the theme of madness is specifically outlined, since the hero tries to determine the limits of this state, and carries out ambiguous generalizations that he projects on his wife reaction. The reasoning of the hero is determined by his intention to leave the habitual life and probable interpretations of his actions consequences. I. Kostetskii constructs the image of Maximus through his self-expression and, emphasizing the incompatibility of the apparent (implicit) and hidden meaning. The hero creates his own conception of his existence visibility, in which he treats masking, theatricalization, insanity as certain states, techniques and stages that enable the realization of his own plans, hiding of their real meaning, blurring it for identification.

Maximus changes the existential paradigm: secretly leaves his wife, causing the hero's associations only with the everyday realities on which she is concentrated, and gets into the apartment of Martin and Thaisa, who concentrate on their own illusions aimed at their ideals of social or personal nature, that cause heroes' negative emotions and corresponding destructive states of consciousness due to the impossibility of their embodiment. The internal destruction that Martin and Thaisa perceive as the reverse side of their illusions, becomes the way of the heroes' existence, because in this way they maintain an ephemeral connection with their ruined illusions.

The writer introduces certain time spans in the play as attributes of the certain semantic categories implementation: his heroes proclaim the twelfth hour as the sign of the tragedy, and the first hour the sign of a comedy, thereby emphasizing the asymmetry of their correlations. Disproportionality is also manifested in the definition of phenomena, since Bednarskii specifies the time of the play of the tragedy, but the concept itself is considered in the context of the buffoonery. Maximus' journey comprised in the boundaries from the first to twelfth hour testifies the relativity and variability of the hero's states of mind.

The playwright reflects the dramatic changes that occur with heroes as facts, but repeatedly changes their essence through a variety of semantic layers, which give grounds for different interpretations and their inexplicable combinations, which enhances the effect of unexpected transformations. Maximus' image coincides with Taisa's image of a prince, the writer emphasizes coincidences that are symbolic in the context of further development of action. In the future, Maximus turns into a charismatic editor who becomes a new social ideologue.

The playwright blurs the boundaries and shows the relativity of influences in the formation of certain social phenomena and personal transformations. Maximus becomes a paradoxical embodiment of those qualities in the absence of which he was accused by Bednarskii. In the final episode of a play Bednarskii emphasizes his

exclusive role in the Maximus transformations into a great person; he shoots at him, perceiving him as a rival in the manifestations of majesty.

Maximus becomes Thaisa's successful implementation of ideological plans, but the idea of creating a president, to whom Maximus transmutes, belongs to Valentina, who demonstrates the intentions of formation current reality for the heroes. Taisa performs ambiguous functions in the drama: on the one hand, she changes the unsuccessful Martin to Maximus, whom she gives his projects, directs and leads him to fame, on the other – she has never existed at all.

I. Kostetskii uses original forms of masks, which gives relativity and abstraction to the depiction, which expresses the people's reactions, which resonate in different ways with Maximus' speech. The speech of the hero and its perception by masks from the people has a controversial character, as he stands against the war and simultaneously calls for war. During the development of dramatic action, the playwright introduces expressions of masks from the people three times, representing variations of the initial statements and evaluations. The masking phenomenon is used by the playwright as essential structural components of the play (in the case when masks and the phenomenon of masking play the role of distinguishing the visible and hidden content that determines the plot design of the literary work) and as important attributes of artistic embodiment (the heroes themselves point out to the affectedness of events, situations, in performance of which they are involved, considered masking as a means of expressing distinct qualities etc.).

The playwright mixes events from different planes – reflected, fancied, non-existent and their various combinations. Taisa repeats the replies to Martin, overestimates her relationships with her husband and the ineffectiveness of his activities already in the role of Maximus' wife, although she is not, and in general, Taisa does not exist.

The writer uses the first sideshow in which the girl and the moon act, to understand the theme of war and peace on another level – through the intensification of abstract generalizations.

The action of the second day focuses around the Maximus' clandestine. The hero's speech, in which he expresses his own beliefs, discredits his supposed majesty and reduces it to quirky materiality. The purpose of his seclusion is mental work, which, as the hero believes, is aimed at the formation of rescue ideological supports that create counterbalances to global destruction. At the same time, Maximus appeals to personal selfishness, which the hero considers to be the driving force for the preservation of the world.

The action of the play unfolds due to the simultaneous elevation and devaluation of the idea of human majesty. In the context of revealing Maximus' self-delusions about his own grandeur, the author shows the artificiality of his transformations and the substitution with the appropriation of Martin's achievements; Maximus hasn't performed these actions according to his own will, but under the influence of other heroes of uncertain reality (Thaisa, who does not exist, Bednarskii, who proclaimed the end of his the existence of other heroes), the dependence of Maximus-President (Valentyna reveals her bizzare ambitions regarding the creation of the president, while Maximus appears as her

creation, as a part of a weird story about her own life, the salvation of Maximus for the sake of the humanity and the subsequent return of the hero to his existential beginnings that acquire an emphasized ironic significance.

The hero as a hermit creates one of the important facets in the image of a great man, which uniquely consolidates all heroes through the expression of their own attitude to the notion of grandeur and conditioned and mediated actions. Valentyna's deeds, which are aimed at returning Maximus' political status and protecting the hero from the conspirators, give her a central position in this action.

The conspiracy and its assessments are ambiguous, as the heroes declare mutually contestable statements in different contexts. The playwright shows the struggle and confrontation of the rebels. Valentyna identifies Tormokro as a representative of the conspirators, who causes her serious anxiety. Valentyna herself also represents the conspirators.

Maximus supports the idea of universal justice, but stands against state-building. Valentyna proclaims a plan for conspirators, reminiscent of communist slogans to Maximus: to establish universal justice and freedom, to gain control over all spheres, "to replace a state" ("zaminuty soboyu derzhavu")¹⁵. The only argument to Maximus' returning to politics is the substitution of a hero and his ideas exploitation by his opponents.

The heroes use the time and the state of their own lives for the certain theatrical effects, which are the result of the construction of quirky realities, in which they move in order to form abstract embodiments and relationships. Valentyna defines specific signs of time that express the relativity and rhizomorphism of any reproduced phenomena and vary depending on the actions of heroes and situations created.

I. Kostetskii uses complex plot vicissitudes, the illogicalness, the relativity, the distinction of which forms a peculiar sense combinations. Mimi, renamed Arivan, confesses to Maximus in love and she is the only link that unites him with the world; Taisa dies; Valentyna proclaims the intention to return Maximus to the public life for the effective realization of his majesty. At the same time, the playwright uses some detective elements to complicate the dramatic action, so that the heterogeneous development of the action takes place in different directions, which, however, are regulated by the deployment of the action about the great man.

In the accumulation of absurd dialogues the writer places the statements of the heroes that are adequate to the social and historical realities. In this way, the playwright demonstrates the semantic exhaustion and at the same time emphasizes the diverse possibilities for finding ideological alternatives, the confirmation of which the author encodes in the development of dramatic action, as behind the determined and visible peripetias and meanings lie other ones.

Valentyna changes places of Maximus and heroes who call themselves criminals, driving them to the rock, that contributes to their further transformation

into virtuous citizens in others' perception. The playwright shows the reverse side of the human consciousness control, showing the whole mechanism of manipulation to participants of psychological experiments. Valentyna makes an object for their worship of herself, manipulates by ideological slogans, forcing the heroes to remain on the rock and perish with a sense of false dignity. At the same time, Valentyna offers to the heroes a theatrical way to save from the theatrical reality. Maximus continues his abandoned function of an ideologue leader already in the new conditions, in a different state of consciousness and another status.

The second sideshow, the action of which takes place in the court, is formed by absurd situations with a special emphasis on trifles, pseudo professionalism, a surprisingly motivated verdict. The masks of the heroes symbolically point to the concealment of real content. The playwright emphasizes the programmed absurdity of a dramatic situation. Of the two heroes in the sideshow a writer defines as a liar. Instead, the first phrase of a judge, who performs the role of another participant, sets the tone of the entire sideshow, by placing its course within falsehood.

The third day of the play is associated with the disclosure of hidden meanings and senses in the direct projection on the action of a great man.

Maximus in the spirit of great achievements affirms the idea of the final destructive tendencies overcoming. In a conversation with Valentyna, he states: "The officers overcame after the end of the war. We with you again removed it. Forever" ("Ofitsernya bula nazverkh vyyshla pislya zakinchennya viyny. My z toboyu znov yiyi usunuly. Nazavzhdy")¹⁶. The hero expresses reasoning about the destruction of the ruinous phenomena, which, in his opinion, led to their total non-existence because of the total absence of struggle. In this way, Maximus decrypts the phrase "We are criminals" ("My zlochyntsi")¹⁷ repeated by different heroes. In Maximus' rhetoric, I. Kostetskii emphasizes allusions to Soviet reality, as evidenced by the hero's absurd appeals to the non-conflict conception and supposedly created by him "all-human society" ("vselyudske suspilstvo")¹⁸. A significant feature of the literary work is the emphasis on abstract forms, which outline the Soviet totalitarianism, the fascist totalitarianism remains outside the artistic expression.

The playwright perceives the constant ambivalence of Maximus' estimates, the lack of a definite hero's position. The hero either condemns and continues to carry out his actions, or submits contradictory and mutually exclusive interpretations of certain phenomena and situations. Such a split manifests itself in Martin's imprisonment and Maximus' own social transformation activity.

Maximus affirms the loss of meaning because of the conflict absence after the war instigators. elimination. Valentyna, who acts as a moderator of the action, confirms Maximus' idea of non-conflict as a lack of movement. I. Kostetskii unexpectedly changes the semantic emphasis when Maximus identifies Valentyna as a great person. Instead, Valentyna considers only an integral image of Maximus himself, in which cretinism is

¹⁵ Kostetskii, Igor. *Teatr pered tvoyim porohom*. [The Theatre in Front of Your Threshold]. Munich: On the Mount, 1963, 214.

¹⁶ Kostetskii, Igor. *Teatr pered tvoyim porohom*, 221.

¹⁷ Kostetskii, Igor. *Teatr pered tvoyim porohom*, 217.

¹⁸ Kostetskii, Igor. *Teatr pered tvoyim porohom*, 223.

emphasized as the reverse side of his majesty. In this way, she also points to the Maximus' inner split, revealing the mutually exclusive opposites in the personality characteristics of the hero, coexisting due to the alternation denial.

Maximus explains the reasons for his actions by a sense of social expediency: he took Martin's achievements, threw him into jail, took his wife away, took advantage of the opportunities for a social revolution, since the circumstances were favorable to such acts. Self-determination of Maximus, according to which he appears as a puppet, whose actions are determined by various influences, is repeatedly confirmed in the process of action development. I. Kostetskii ironically depicts the independence of Maximus, which allowed him to transcend the moral canons, as his great achievement. Maximus' pseudo majesty, proclaimed by Valentyna, is based on fantasies about his special role: "You did not perform your deeds on your own accord. You were called" ("Na tvoji dila ty pishov ne z vlasnoyi voli. Ty buv poklykany")¹⁹.

Maximus separates the various images of the generated reality creators. Maximus and Valentyna are different projections of each other and two creators with different functions, different social ratings, which testifies the existence of the conflict, and, accordingly, the movement. In this way, the playwright paradoxically refutes and refines previous arguments and statements of heroes.

At the same time, it emphasizes the relativity of depiction, which is traced through accents on theatricality, affectedness, heroes' acting and the whole reflected situation.

The action near the monument has a symbolic meaning: masks are displayed again and evaluations of Maximus' acts are presented, which are the variations of previous statements of masks. The masks conceal the abstract content, or even its absence, disguised in external expressions, and in particular the masking phenomenon is clarified with Valentyna's statements about lambs and pigs.

Maximus rises above the action, trying to find the source of danger in masks, but the bearer of which appears to be Bednarskii. Finding out the motives of Bednarskii is to ironically determine the conditional roles of the heroes in correlation with the action of a great man. Bednarskii, who, like his supporters, called himself the last great man, shot at the Maximus' chin, who accidentally found himself in the status of a great man, and Bednarskii gave the first impetus to his reincarnation. At the same time, the playwright, through the accumulation of absurd explanations, reveals certain logically motivated reasons, which also look bizarre among solid absurdity. Valentyna reveals the reasons for Bednarskii's disappearance and, consequently, his shot at Maximus, by the collusion with the officers whom Maximus has overcome.

If during the action development in the play the abstract depiction of the place, time of action, significant uncertainty of ideological and social realities is preserved, then the concretization takes place in the final episodes of the literary work. The war took place

after the transformation of Maximus from a post worker to a great man; during the war, a great man, apparently, was hiding on a rock; after the war, a great man became a president owing to certain criminal acts.

Maximus' retrospections, specified by Bednarskii's indications to certain details, revealed to the president the missing fragments of a coherent picture, resembled delusions, in which he united all the landmarks passed by the hero together. His main desire, which determined the deployment of all events associated with the activities of a great person, was defined by an effort to move beyond the primitive routine. Instead, he finds himself in complete exterior dependence, receiving false grandeur in exchange for himself. The buffoonery scenes used by the playwright, evidently, testifies the hero's feeling of helplessness.

The writer makes Maximus' ideas sound absurd and reflects their utopian alternative. Valentyna proclaims this idea: "He thinks that the world can be forbidden to be scandalous" ("Vin hadaye, shcho svitovi mozna zaboronyty buty paskudnym")²⁰. Zvenybudlo offers a different way of universal improvement: "To overcome the beastliness it is necessary to start with oneself" ("Podoluvaty paskudstvo vart pochynaty iz sebe")²¹. At the same time, attention is focused on the important feature of the alternative approach, which is a kind of broadcast of the idea to the masses through the example of the president himself.

The continuation of the discussion between Valentyna and Zvenybudlo reduces to reasoning about happiness, which they try to identify through the desire or its realization. In the end, Zvenybudlo proclaims the truth ("happiness is only pure conscience" ("shchastya to vsoho tilky chyste sumlinnya")²², which leads to the activation of Maximus and the implementation of his appropriate actions. In this way, the basis for the Maximus' return to his original state is formed and accordingly the rehabilitation and exaltation of Martin is performed.

In the final episode, the playwright uses the technique of changing the plot and mixes the reality of the play with the scenic reality, when heroes simultaneously perform the functions of their roles performers. The heroes show the mechanism of constructing a positive solution, so the destruction of Taisa is canceled, and her existence is questioned. Performed scenes, according to Valentyna, have become a demonstration of the principle of "cleansing passions with the help of fear and compassion" ("ochyshchennya prystrastey za dopomohoyu strakhu y spochuttya")²³. Valentyna suggests to define the reflected action as a tragedy, but without the death of the heroes. During the course of action, heroes consistently pointed to tragic times, reflecting some critical moments.

Mixing of time and space planes happens in different ways for different heroes. For the woman to whom Maximus returns, nothing has changed at all except for some details. She lived on the usual day of her family life, while Maximus endured all the vicissitudes and transformations during the prewar, military, postwar time. A peculiar relationship between the reality of

¹⁹ Kostetskii, Igor. *Teatr pered tvoyim porohom*, 226.

²⁰ Kostetskii, Igor. *Teatr pered tvoyim porohom*, 223.

²¹ Kostetskii, Igor. *Teatr pered tvoyim porohom*, 243.

²² Kostetskii, Igor. *Teatr pered tvoyim porohom*, 246.

²³ Kostetskii, Igor. *Teatr pered tvoyim porohom*, 248.

woman and the reality of Maximus indicates the announcement of the president abdication, references to newly built buildings and information about the four hermits.

The epilogue, which Zvenybudlo proclaims, concentrates ideas that become ambiguous summarizing of certain reflections and considerations, covering various planes of depiction. Zvenybudlo declares polemical assertions: it is better to live in memories than to repeat everything from the very beginning; conflict is a sign of happiness; it's better not to listen to someone's tales etc. At the same time, he explains the importance of iterations in the play, which comply the role of structural elements in the construction of transverse values by means of semantic interference.

I. Kostetskii uses an absurd as a way of displaying distinctions that are quaintly connected together. The writer artificially creates causal coherences between unconnected or conditionally related phenomena, which ensures the formation of a specific artistic integrity with heterogeneous features that are not subject to linear interpretation, but require the determination of semantic variety and artistic correlations.

The drama *The Performance About A Great Man* represents the artistic construction of the compulsive states of consciousness of the actors that determined the formation of specific artistic realities of the work, their interactions, interconversions, inter-objections, which formed various content parameters and their respective artistic reflections.

In the I. Kostetskii's dramas, various processes that occur in the minds of heroes and reflect external and internal transformations are displayed. The playwright performed mixing of different planes and spheres in dramatic reflection, creating multi-valued semantic combinations.

Bibliography

Bagry, Marianna. *Stylovi osoblyvosti tvorchosti Ihorya Kostetskoho* [*Stylistic Features of Igor Kostetskii's Creativity*]. (Phd thesis, Volodymyr Hnatiyk National Pedagogical University, 2013).

Batsevich, Floriy. *Pryyomy odyvnenyia dramatychnoho tvorcu (na materialy pyesy Ihorya Kostetskoho «Blyznyiata shche zustrinutsya»)* [Means of Marvelous Representation in Dramatic Works (based on Igor Kostetskii's play "The Twins Will Meet Again")]. *Studia Ucrainica Varsoviensia*, 2017, no 5, 15-25.

Brovko, Olena. *Zhanrovo-strukturnyy element novely u prozi Pavla Malyarv ta Ihorya Kostetskoho* [Genre-structural Element of a Novel in the Prose by Pavlo Malyar and Igor Kostetskii]. *Scientific notes by Volodymyr Hnatiyk National Pedagogical University. Literary Studies*, 2010, Issue 30, 168-176.

Kovaliv, Yuri. *Eksperymentalni odyvnenyia I. Kostetskoho* [I. Kostetskii's Experimental Studies]. *Literary Studies*, 2010. Issue 29, 191-201.

Kostetskii, Igor. *Teatr pered tvoyim porohomennyya I. Kostetskoho* [*The Theatre in Front of Your Threshold*]. Munich: On the Mount, 1963.

Kostetskii, Igor. *Try masky* [The Three masks]. *The Theatre*, 1948, no.1, 13-16.

Zaleska Onyshkevych, Larysa. *Blyznyiata shche zustrinutsya. Antolohiya dramaturhiyi ukrayinskoyi diaspyry* [*The Twins Will Meet Again. Anthology of Drama of the Ukrainian Diaspora*]. K., Lviv: Time, 1997.

Lyubenko, Olena. *Eksperyment v ukrayinskii dramaturhiyi: fenomen I. Kostetskoho* [The Experiment in Ukrainian Drama: the Phenomenon of I. Kostetskii]. *Word and time*. 2005, No. 6, 32-41.

Marinenko, Yuri. *Prorocho-apostolska tema v ukrayinskiiy emigrantskiiy prozi 40-kh rokiv XX stolit-tya* [The Prophetic-apostolic Theme in the Ukrainian Emigrant Prose of the 40s of the Twentieth Century]. *Scientific Papers. Peter-Mohyla Black Sea State University, Kyiv-Mohyla Academy Complex. Philology. Literature Studies*, 2013, Vol. 224, Issue. 212, 54-58.

Mukan, Volodymyr. *Poetyka absurdu v ukrayinskiiy dramaturhiyi pershoi polovyny XX stolit-tya (na materialy tvoriv Mykoly Kulisha ta Ihorya Kostetskoho)* [*Poetics of the Absurd in the Ukrainian Drama of the First Half of the Twentieth Century (based on the literary works of Mykola Kulish and Igor Kostetskii)*]. (Phd diss., Taras Shevchenko National University of Kyiv, 2015).

Pavlychko, Solomiya. *Nihilistychnyy modernizm I. Kostetskoho* [The Nihilistic Modernism of I. Kostetskii]. Pavlychko, S. *Theory of Literature*. Kyiv: Publishing House of Solomiya Pavlychko "Fundamentals", 2002, 336-380.

Poliukhovych, Olga. "Plynnna" identychnist u prozi Ihorya Kostetskoho ["Liquid" Identity in Ihor Kostetsky's fiction]. *Scientific Notes of NaUKMA*, 2013, Vol. 150: Philological Sciences, 64-69.

Solovey, Oleg. *Mala proza Ihorya Kostetskoho: etychnyy aspekt* [Igor Kostetsky's Prose: Ethical Aspect]. *Actual Problems of Ukrainian Literature and Folklore*. 2015, no. 23, 40-59.

Stech, Marko Robert. *Misteriya stylu* [Mystery of style]. *Criticism*. 2001, no 1-2 (39-40), 20-22.

Yurova, Inna. *Tvorcha osobystist Ihorya Kostetskoho u literaturnomu dyskursi II polovyny XX st.* [*The creative personality of Igor Kostetskii in the literary discourse of the second half of the twentieth century*]. (Phd thesis, Karazin National University of Kharkiv, 2007).

Елубай Анаргұл.

Академик Е.А. Бөкетов атындағы

Қарағанды мемлекеттік университетінің аға оқытушысы

Құсайын Әлия Әлімжанқызы

Академик Е.А. Бөкетов атындағы

Қарағанды мемлекеттік университетінің 4-курс студентті.

ҚЫТАЙ ТІЛІ ИЕРОГЛИФТЕРІНІҢ ҚҰРЫЛУ КАТЕГОРИЯЛАРЫ

Eleubay Anargul.

Academician EA Named after EA Buketov

Senior Lecturer, Karaganda State University

Kusain Aliya Alimzhanovna

Academician EA Named after EA Buketov

She is a 4th year student of Karaganda State University.

CHINESE CATEGORIZATION CATEGORIES

Аннотация

В данной работе рассмотрены вопросы Китайской письменности. Рассказывается о истории и развитии Китайской иероглифической письменности, также прокатегории образования иероглифов появившихся во время развития письменности. Приведены виды категорий образования иероглифов, описание и примеры.

Abstract

In this work we can see questions of the Chinese writing are considered. It tells about the history and development of Chinese hieroglyphic writing, as well as the category of the formation of hieroglyphs that appeared during the development of writing. The types of categories of education of hieroglyphs, description and examples are given.

Ключевые слова: *письменный китайский язык, иероглифы, методы создания иероглифов, фонетическая категория, категория, чтение.*

Key words: *Chinese writing language, hieroglyphics, formation of hieroglyphs, category of phonetics, category of description. Reading.*

Әр мемлекеттің ұлттық байлығы бұл – ана тілі. Тіл арқылы халықтың даму тарихын тануға болады. Қытай – көптеген мемлекеттерді, халықтарды және мәдениеттерді қосқан ең көне өркениеттің бірі. Басқа да мәдениеттер сияқты Қытай мәдениеті, өзінің көпжасырлық тарихынан мемлекеттің дамуы барысында мемлекет болып қалыптасуына қажетті мәдени байлықтарды мұраға қалдырды. Осындай мәдени мұрасының бірі – Қытайдың жазба тілі. 3,5 мың жылдық тарихы бар Қытайдың иероглификалық жазба тілі өзіндік бірегейлігімен ерекшелінеді. Мәдени құбылыс ретіндегі жазба тілінің ерекшелігі, адамның айтқан сөзін көру бейнелеріне айналдыратындығынан құралады [1]. Ежелгі уақыттан бері адамдар айналадағы көргеннің барлығын бейнелеуге тырысатын. Өзінің бүкіл қалыптасу тарихы бойынша иероглифтер үнемі өзгерістерге ұшыраған. Бұл зерттеудің мақсаты Қытай жазба тіліндегі иероглифтер құрылуының әдістерін бөліп қарап, ажыратып, Қытай иероглифтері туралы білімімізді нығайту. Иероглифтердің құрылуының төрт категориясы негіз алады. Бірақ тағы бір дерекке сүйенсек, ата – бабаларымызбен Қытай жазба тілінің құрылымдық анализі жолымен табылған Қытай жазба тілінің «Алты категориясы», яғни иероглифтердің құрылуының алты ережесі бар. Иероглифтердің алты кластық теориясы Батыс Хань династиясының соңғы жылдарында осы категориялардың сипаттамалары толық қалыптасқан [2]. Дәлел ретінде осы категорияларды зерттеген Сюй Шэнь [3], Чжоу Лилер [4] еңбектеріндегі деректерді

келтіруге болады. Атап айтқанда, Бао Ши мұрагерін оқыту барысында жазба тілінің алты категориясын сегіз жасқа толғанда ғана оқытуды бастаған:

I. Бейнелейтін категория – бұл иероглиф заттың сыртқы формасы негізге алыну арқылы құрылады. Осы әдіс арқылы құрылған иероглифтер бейнелейтін иероглифтер деп аталынады. Бейнелеудің бірнеше түрін ажыратуға болады:

Адам денесі: 人 адам, 手 қол, 口 ауыз, 目 көз, 足 аяқ, 耳 құлақ;

Табиғат: 日 күн, 月 ай, 山 тау, 雨 жаңбыр, 水 су, 川 өзен;

Жануарлар: 羊 қой, 牛 сиыр, 马 жылқы, 鱼 балық, 鸟 құс, 虎 арыстан;

Өсімдік: 果 жеміс, 禾 дәнді дақылдар, 木 ағаш, 竹 бамбук;

Құрал – саймандар: 门 есік, 弓 садақ, 舟 қайық, 刀 пышақ.

Бейнелейтін иероглифтер арқылы барлық затты көрсету мүмкін емес болғандықтан, иероглифтерді құрудың басқа әдістері пайда болды.

II. Көрсеткіш категория – бұл жаңа мәнді білдіру үшін бейнелейтін иероглифке қосымша белгі қосу арқылы жаңа иероглифтің пайда болуы. Мысалы, 本 «ағаш тамыры» 木 иероглифтына қосымша сызықшаны қосу жолымен алынған; 刃 «пышақ жүзі» 力 иероглифтына қосымша сызықшаны қосу жолымен алынған; Көрсеткіш

иероглифтердің басқа да мысалдары: 上 жоғары, — бір, 二 екі, 下 төмен, 中 ортасы, 末 соңы және т.б.

III. Идеографиялық категория — бұл-мағыналық байланысқа сәйкес екі немесе одан да көп қарапайым иероглифтер көмегімен жаңа мәнді білдіру үшін бір иероглифтің пайда болуы. Бұндай әдіспен алынған иероглифтер идеографиялық деп аталынады. Иероглифтердің формасы бойынша идеографиялық иероглифтердің бірнеше түрін ажыратуға болады:

(1) 同形重复组成的会意字 Бірдей

иероглифтерден тұратын идеографиялық иероглифтер:

а) 二字重复 Екі бірдей иероглиф: 比 салыстыру,

朋дос, 林 орман, 丝 жібек, 炎 қабыну

б) 三字重复 Үш бірдей иероглиф: 森 тоғай, 焱

жалын, 屮 ұшқын, 众 көптеген, жиын, тобыр, 晶 кристалл, 晶 түр, зат.

(2) 非同形重复组成的会意字 Формасы әртүрлі иероглифтерден тұратын идеографиялық иероглифтер: 休 демалу, тынығу, 明 ашық, анық, 尖 өткір, үшкір, 采 жинау, жию, 尘 шаң — тозаң, 看 карау.

IV. Фонетикалық категория — затты белгілі бір сөзбен атап және оның оқылуымен үйлесімді болуы. Фонетикалық иероглифтер екі бөліктен тұрады: бір бөлігі иероглиф мағынасы, ал екінші бөлігі фонетика деп аталады, ол дыбысталу үшін жауап береді.

Кейбір иероглифтердің оқылымы дыбысталумен сәйкес келеді, бірақ ырғақтың әртүрлілігімен ажыратылады. Мысалы, 成 иероглифтен 城, 诚; 直 иероглифтен 植, 值. а) ырғағы сәйкес келмейтін иероглифтер мен дыбыстар: 介 — 阶, 向 — 响, 安 — 按 — 案; б) ырғағы, оқылымы, ұйқасы толық сәйкес келуі мүмкін, кейде тек ырғағы өзгешеленеді: Мысалы, 正 (zhèng) және 证 (zhèng), 政 (zhèng), 整 (zhěng), 征 (zhēng);

Келесі фонетикалық иероглифтерде дыбыстың оқылымы иероглиф оқылымымен толық сәйкес келмейді. Оларды екі топқа бөлуге болады:

1. Дауысты дыбыстар әртүрлі (финали) бірдей, дауыссыз дыбыстар әртүрлі (инициали). Дауыссыз дыбыстар әртүрлі болғанымен, дыбысталуында ұқсастығы естіледі [5]. Мысалы,

b-p: 并 — 瓶, 比 — 批, 旁 — 傍

c-z: 聪 — 总, 曾 — 增

zh-ch: 专 — 传

zh-sh: 至 — 室

2. Дауыссыз дыбыстары бірдей, дауысты дыбыстары әртүрлі. Мысалы:

母 (mǔ) — 每 (měi) 列 (liè) — 例 (lì) 良 (liáng) — 浪 (làng)

V. Түрі өзгертілген категория — (видоизменная) бұл категориядағы иероглифтер, бір мағынаны беретін ұқсас иероглифтерді жарыққа шығару арқылы құрылады. Осы категориядағы иероглифтер кілті бірдей графикалық класқа жатады. Мысалы, 老 (lǎo) кәрі, қарт 考 (kǎo) ата — баба, 耆 (qí) егде жастағы адам. Қытай жазба тілінің алты категориясының ішіндегі

осы түр, і өзгертілген категория, ең даулы болып табылады.

VI. Кірме иероглифтер категориясы — (заимствованная) бұл сөзге иероглиф жетіспеген кезде, сөз дыбысталуы арқылы беріледі. Мысалы, 长 (cháng) ұзын, 令 (lìng) бұйрық, 难 (nán) қиын, 自 (zì) өзім.

Көптеген иероглифтерде оқылым санының бірден көп түрі болады, оларды *бірнеше оқылымы бар иероглифтер* деп атайды. Ең жиі қолданылатын 2500 иероглифтердің ішінен бірнеше оқылымы бар иероглифтер шамамен 10% - ын құрайды. Бұндай иероглифтердің құрылуы иероглифтер даму тарихымен тығыз байланысты.

Иероглифтің оқылымы сөздің беретін мағынасына және морфологиясына әсер етеді, осының нәтижесінде саны көп емес иероглифтер көмегімен көптеген мағына мен дыбыстарды білдіруге болады. Бірнеше оқылымы бар иероглифтер қиындық тудыруы мүмкін болғанымен, бір иероглифтің түрлі оқылым түрі арасында кейде өзара байланысқа түседі. Мысалы:

1. Дыбысталуы бірдей, екпіні әртүрлі:

好 — hǎo, hào 只 — zhǐ, zhī 要 — yào, yāo

相 — xiāng, xiàng 假 — jiǎ, jià;

2. Дауысты дыбыстары бірдей, дауыссыз дыбыстары әртүрлі:

zh-ch: 长 — zhǎng, cháng 重 — zhòng, chóng

p-b: 便 — pián, biàn t-d: 调 — tiáo, diào

3. Дауыссыз дыбыстары бірдей, дауысты дыбыстары әртүрлі:

着 — zháo, zhe 得 — dé, děi 觉 — jiào, jué

还 — huán, hái 都 — dōu, dū 差 — chà, chāi

Қорыта келсек, Қытай жазба тілінің дамуы мынжылдықтар бойы дамып, бүгінгі таңға дейін жалғасып жатқан өте күрделі үдеріс. Негізгі мақсаты — иероглифтердің дамуы жолында жазба тілін тез игеру үшін иероглифтерді оңайлату және стильдерін жүйелеу, адамдардың сауаттылығын жетілдіру мен қарым — қатынасын нығайту. Жоғарыда жазылған мәліметтер Қытай жазба тілінде нақты жүйе бар екенін, көне жазуға қарағанда қазіргі жазба тілінің түсінікті, әрі оқуға жеңіл екенін дәлелдейді. Қытай жазба тілінің, яғни иероглифтер мен арнайы дыбысталу ережелері нәтижесінде Қытай халқына ғана емес, басқа да шет ел өкілдеріне қол жетімді болғаны, халықаралық қатынасты күшейте түсетіні рас.

Пайдаланылған әдебиет:

1. М. В. Софронов Китайский язык и китайская письменность. Курс лекций — М.: АСТ: Восток-Запад, 2007. — 638 с.

2. В. А. Звегинцев Новое в зарубежной лингвистике. Языкознание в Китае — М.: АСТ: Прогресс, 1989, 472 с.

3. Сюй Шэнь Шовэнь цзэцзы, Бейцзин, 1985, с. 314

4. «Чжоу Ли» (Чжоуские установления). Раздел «Дигуань» (Правление землей), параграф «Баоши», с. 85, комментарий.

5. Дэн Сю Джун., Тиен Йен Биен. Постижение китайских иероглифов. Повышенный уровень. — М.: Пекин: Высшее образование, 2010. — 258с. ISBN 978-7-04-030039-0

*Имин Сунь**Российский университет дружбы народов***МОНОНАЦИОНАЛЬНАЯ ГРУППА КАК ФАКТОР ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ ОБУЧЕНИЯ РКИ КИТАЙСКИХ СТАЖЕРОВ-ФИЛОЛОГОВ***Iming Sun**Peoples' Friendship University of Russia,
Russia, Moscow***MULTINATIONAL AS A FACTOR IN IMPROVING THE QUALITY AND EFFICIENCY FOR TEACHING RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE FOR CHINESE TRAINEES-PHILOLOGISTS****Аннотация**

Статья посвящена исследованию особенностей организации мононациональной учебной группы для обучения РКИ²⁴ китайских стажеров филологического профиля. Автор статьи рассматривает мононациональную группу как фактор повышения качества и эффективности обучения РКИ китайских стажеров-филологов. В статье также проанализирован собирательный портрет учащихся данного типа. Практическая значимость работы состоит в том, что она может быть использована российскими преподавателями при организации учебного процесса РКИ китайских учащихся.

Abstract

The article is devoted to the study of the features of the organization of a mono-national study group for teaching Chinese students of philological profile Russian as a foreign language. The author considers a mono-ethnic group as a factor in improving the quality and efficiency for training Russian as a foreign language for Chinese trainees-philologists. The article also analyzes the collective portrait of students of this type. The practical significance of the is that it can be used by Russian teachers in organizing the educational process for Chinese students.

Ключевые слова: РКИ; китайские учащиеся; мононациональные и полинациональные группы; этноориентированная методика.

Keywords: RAF; Chinese students; mononational and multinational groups; ethnic-oriented method.

Если «золотым веком» русского языка в Китае считаются годы «медового месяца» советско-китайской дружбы, то XXI век можно без преувеличения назвать «платиновым веком» русского языка в Китае. Русский язык снова входит в список самых престижных иностранных языков в современном Китае. Правительство оказывает особую поддержку для подготовки будущих специалистов русского языка. В частности, в рамках тесного российско-китайского гуманитарного сотрудничества ежегодно около 600 китайских студентов филологического профиля приезжают в Россию на языковую стажировку на бюджетной основе. Вышеупомянутые студенты и являются объектом исследования данной статьи. Именно они станут высококвалифицированными специалистами по русскому языку.

По Щукина этот вид обучения называется «включенное обучение» [4, с.86]. Под «включенное обучение» понимается краткосрочное обучение студентов-филологов из зарубежных стран в российских вузах. Основная задача включенного обучения - развивать и совершенствовать у учащихся коммуникативные компетенции в условиях речевой среды. В связи с краткосрочностью данное обучение носит интенсивный характер. С одной стороны, учащиеся должны стараться быстро погрузиться в языковую среду и максимально его использовать. С другой стороны, преподаватели

обязаны создавать адекватные для них условия обучения.

В отличие от большинства иностранных учащихся в РФ, китайцам характерен некоммуникативный стиль при межкультурной коммуникации. Практика обучения РКИ в полинациональных группах показала, что студенты из восточной Азии, в том числе и Китай, не проявляют особую активность на занятиях, и как следствие, у них наименьшие возможности и вероятности выступить. Российские преподаватели часто попадают в такую неловкую ситуацию, когда молчаливые китайские студенты как будто не хотят с ними общаться. Если традиционно считают, что в мононациональных группах отсутствует потребность использования русского языка и возможность развивать навыки межкультурной коммуникации, то я бы предполагала, что китайцам, как представителям своей страны в полиэтнических группах, намного труднее извлекать личную инициативу нежели чем в мононациональных группах. Тщательно разработанная этноориентированная методика «спасет молчание китайских студентов». Как показала практика обучения РКИ и исследования специфики китайского менталитета, принятая в российских вузах коммуникативная методика обучения РКИ не отвечает особенностям китайских учащихся. [3.2015]

В организации учебного процесса РКИ особое внимание обращается на педагогические и психо-

²⁴ Здесь и далее имеется в виду русский язык как иностранный

логические факторы, от которых зависит успешность обучения РКИ [1, с.27]. Невозможно рассматривать эти факторы в отрыве от национально-ориентированного обучения, без учета ментальных и психологических особенностей учащихся. Однако, это будет возможно сделать в группах с единым национальным составом.

Теперь рассмотрим собирательный портрет китайских стажеров-филологов в виде таблицы.

(+)	(-)
1. Наличие базы русского языка	1. Готовность подчиниться авторитарности педагога
2. Дисциплинированность	2. Дефицит творческого мышления
3. Активный образ жизни	3. Узкий кругозор
4. Трудолюбивые	4. Дефицит критического мышления
6. Улыбчивость	6. Замкнутость
7. Неконфликтность	7. Скромность

Как показывалось в таблице(+), большинство из них умные, способные, трудолюбивые и ответственные студенты. По какой то причине, у российских преподавателей бытует стереотип о том, что в Россию приезжают не самые сильные китайские студенты, однако, с этим трудно согласится. Нужно учитывать тот факт, что китайские стажеры-филологи прошли строгий государственный отбор еще будучи в Китае, и их смело можно назвать лучшими из лучших. Среди них нередко встречаются победители и участники Всекитайского конкурса русского языка. К сожалению, в мультинациональных учебных группах не редки случаи когда преподаватели в этом не сильно ориентируются. Обычно, используемое универсальное учебное пособие не совсем подходит для китайцев. В этой связи, традиционные тренерочные задания не дают особого эффекта и даже выливаются в чрезмерную потерю времени у китайских стажеров-филологов.

Китайский языка и русский язык по типологическим характеристикам сильно различаются. На данном этапе главная задача преподавателей заключается в развитии “языковой эмпатии”. Для развития всесторонней лингвистической компетентии будущих филологов-русистов имеет большое значение метод словообразовательного моделирования [5, с.391].

Безуловное уважительные отношения у китайских студентов оказывают негативные влияние (-1,2,4 в таблице) на изучение русского языка. В мононациональных группах преподаватели могут концентрировать свое внимание на развитие у студентов креативности и критического мышления. Поощрительная среда для развития творческого мышления создает хорошие условия для активного использования языка, что имеет большое значение для китайских стажеров.

Образ мышления является практическим. Учебный материал должен иметь практическую направленность. Как исследования показали, в Гос. ИРЯ им. А. С. Пушкина одним из учебных материалов для китайских - стажеров служит видеоролик русскоязычного блогера Гасё Касанов, в частности

Максимально использовать сильные стороны психики и минимизировать её слабые стороны в значительной мере повышает эффективность обучения РКИ. Мы разделим их ментальные характеристики на два вида: положительные (+) для изучения русского языка и негативные (-). Как ни странно, к последнему могут отнести такие достоинства, как скромность, безуловное уважение к преподавателям.

“10 стереотипов россиян о Китае”. Российский телевизионный шоу “Давай поженимся” тоже вызывает немало интереса у китайских студентов, в чьей культуре ценность “семья”, “брак” составляет важную часть. Это служит хорошим примером при отборе аутентичного учебного материала.

Китайскому народу в какой-то степени свойственна закомплексованность. Под влиянием чужих взглядов китайские учащиеся проявляют тенденцию к замкнутости. Как итог, китайцам, как представителям своей страны в полиэтнических группах, намного труднее изъяслять личную инициативу нежели чем в мононациональных группах. Стараясь “сохранить свое лицо”, китайские учащиеся не позволяют себе делать ошибки публично.

Приняв во внимание вышеуказанные факторы можно было бы повысить эффективность обучения РКИ китайских учащихся. Однако, это будет успешнее реализовать, несомненно, в группах с единым национальным составом.

Список литературы:

1. Шантурова Г.А. Этноориентированный комплекс упражнений как фактор успешности обучения РКИ китайских стажеров. Русистика в Китае. Русский язык за рубежом. - Москва, 2017. - с.27
2. Лихачева М.Е. Особенности организации обучения РКИ в мононациональных и полинациональных группах. Скиф. Вопросы студенческой науки. - Санкт-Петербург, 2017. - с
3. Большакова Н.Г. Низкошапкина О.В. Этноориентированная методика обучения китайских учащихся самостоятельному чтению. Полилингвильность и транскультурные практики. - Москва, 2015. - с
4. Щукин А.Н. Методика преподавания русского языка как иностранного. - Москва, 2003. - с.86
5. Карпенко И. Е. Развитие языковой эмпатии как ключевой фактор повышения лингвистической компетентии иностранных студентов-филологов. Психолого-педагогические исследования в современном образовании. - Москва, 2018. - с.391

*Аутлева Ф.А.,
кандидат филологических наук, доцент
Симбулетова Р.К.
кандидат педагогических наук, доцент*

ФОРМИРОВАНИЕ ПОЛИЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ В ПОЛИЛИНГВАЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

*Autleva F.A.,
Candidate of Philological Sciences, Associate Professor
Simbuletova R.K.
Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor*

FORMATION OF MULTILINGUAL PERSONALITY IN POLYLINGUAL SPACE

Аннотация.

Статья посвящена роли языка в формировании национального духовного сознания. Определяется важность культуроведческого и этнокультурного аспектов в обучении. Доказано, что изучение языков, в частности, иностранных, содействует повышению культуры родной речи и развитию полиязыковой личности.

Abstract

The article is devoted to the role of language in the formation of national and spiritual consciousness. The importance of cultural and ethnocultural aspects in teaching is determined. It is proved that the study of languages in particular foreign, contributes to raising the culture of the native language and the development of a multilingual personality.

Ключевые слова: полиязыковая личность, полилингвальное пространство, иностранный язык, родной язык, языковая компетентность.

Key words: multilingual personality, polylingual space, foreign language, native language, linguistic competence.

Сегодня ни одна страна мира на международной арене не может более оставаться в языковой изоляции, вынуждена использовать иностранные языки. По мнению специалистов ЮНЕСКО, минимальное количество языков, которыми должен владеть человек в третьем тысячелетии, будет не менее трех.

В Европе признана самоценность инновационной деятельности любых языков как неотъемлемой части цивилизации, общего культурного наследия народов. Чем шире и крепче фундамент образования, чем богаче познание об окружающем мире, тем люди более терпимы. Значит, многоязычное образование востребовано.

Целями обучения языкам является формирование духовно богатой, высоко нравственной, образованной личности, ориентированной на приоритеты национальных ценностей при уважении к ценностям других цивилизаций, сознающей свою ответственность перед обществом в целом, перед каждым ее членом, перед окружающей его живой природой, адаптирующей к изменяющимся условиям жизни, активно готовой влиять на них для достижения общественного прогресса. При обучении языку необходимо формировать личность как носитель языка с ее этно-, социо-, психологическим особенностями, способную ощущать язык как национальную и общечеловеческую ценность.

Актуализацией культурно-гуманистической сути образования, ролью языка в формировании национального духовного сознания определяется важность культуроведческого и этнокультурного аспектов в обучении. Поэтому необходимо включение

в обучение национально-культурного компонента, изучения языка в контексте национальной культуры.

Изучаемые языки обогащают студентов не только новыми знаниями культуры разных народов, но и новым творческим опытом.

Полилингвальное образовательное пространство, в нашем понимании, - это сложная, открытая, динамичная реальность, наполненная разнообразными и полифоничными смыслами, помогающими участникам образовательного процесса приблизиться к культурному наследию и культурному процессу в целом для последующей самоидентификации и самореализации в жизни, познании, труде и общении, с одной стороны, с другой стороны - позволяющая обрести ценностные личностные смыслы,

развить способность к личностной включенности в процесс познания и самопознания. При формулировании целей языкового образования в контексте поликультурности, полиязычия, возникла необходимость рассмотрения понятий «полилингвальное образовательное пространство», «полиязыковая личность», «ценностное самоопределение в полилингвальном образовательном пространстве», «полилингвальная культура». Выдвижение и обоснование идеи о существовании полилингвального образовательного пространства определило обращение к трудам ученых о пространстве (И. Кант, К. Левин, М. Хайдеггер), об образовательном, воспитательном пространстве (С.К. Бондырева, Л.В. Вершинина, А.С. Гаязов, Б.С. Гершунский, И.М. Реморенко, Н.Л. Селиванова, В.М. Степанов, В.Е. Шукшунув), о социальном пространстве (Э. Богардус,

П. Бурдые, Э. Дюркгейм, Г. Зиммель, П. Сорокин), об образовательной среде (А.М. Анохин, Г.Б. Корнетов, В.А. Козырев, А.П. Лиферов, Ю.С. Мануйлов, Т.В. Менг, В.А. Ясвин), о полиязыковом образовательном пространстве (Н.Е. Буланкина, Е.А. Соколов, Б.А. Жетписбаева). Обращение к данным трудам позволило определить, что системообразующим компонентом пространства являются взаимоотношения субъектов. Н.Е. Буланкина, выдвигая идею о существовании полиязыкового образовательного пространства, понимает под этой абстракцией культурно-образовательную среду как систему, обеспечивающую посредством освоения языков культуры гуманизацию общественных отношений, гармонизацию отношений в системе человек - социум - образование. Расширение и обогащение полиязыкового образовательного пространства способствуют культурному самоопределению как проявлению национального самосознания, социальной идентичности и социально значимого выбора человеком, освоению личностью национальной и мировой культуры, повышению творческого профессионализма и мастерства в любой сфере деятельности, совершенствованию общей и языковой культуры как основы для эффективной межкультурной коммуникации. Определяя понятие «полиязыковая личность», мы опирались на разработанные в науке концепты языковой (Ф.И. Буслаев, Ю.Н. Караулов) и вторичной языковой личности (И.И. Халеева, Н.Д. Гальскова). Языковая личность - носитель языкового сознания, существующий в языковом пространстве - в общении, в стереотипах поведения, зафиксированных в языке, в значениях языковых единиц и смыслах текстов. В трактовке Ю.Н. Караулова языковая личность - это «совокупность способностей и характеристик человека, обуславливающих создание им речевых произведений (текстов)», различающихся степенью структурно-языковой сложности, глубиной и точностью отражения действительности, определенной языковой направленностью [3, с. 3]. В полилингвальном образовательном пространстве полиязыковая личность выступает активным носителем нескольких языков. Она представляет собой личность, во-первых, речевую (комплекс психофизиологических свойств, позволяющих индивиду осуществлять речевую деятельность одновременно на нескольких языках), во-вторых, коммуникативную (совокупность способностей к вербальному

поведению и использованию нескольких языков как средства общения с представителями разных лингвосоциумов), в-третьих, личность словарную, или этносемантическую (симбиоз мировоззренческих установок, ценностных направленностей, поведенческого опыта, интегрировано отраженных в лексической системе нескольких языков) [1, с. 90]. Результатом процесса формирования полиязыковой личности становится обретение качеств, «необходимых для решения разнообразных жизненных, познавательных, профессиональных задач для «образования через всю жизнь». Благодаря многообразию и разнообразию языков, составляющих полиязыковое пространство, человек в процессе жизнедеятельности воспринимает и продуцирует культурные концепты» [2, с. 7]. Следовательно, полиязыковая личность

способна осваивать знания о языках как знаковой системе и общественном явлении, их устройстве, развитии и функционировании, основных нормах родного и неродных языков, обогащать словарный запас и грамматический строй речи, формировать способность к анализу, оценке, сопоставлению языковых явлений и фактов, пользоваться различными лингвистическими словарями, воспринимать языки как форму выражения национальной культуры, взаимосвязи языка и истории народа, национально-культурной специфики языка, владеть нормами речевого этикета, культурой межнационального общения, в равной степени оперировать несколькими языками в интегрированных образовательных ситуациях. В будущей профессиональной деятельности полиязыковая личность способна эффективно осуществлять иноязычную деятельность: участвовать в инновационных проектах, работать со специализированной иностранной литературой, общаться с коллегами на конференциях, в дискуссиях и на семинарах различного уровня, читать и слушать лекции разной тематики, составлять научные доклады, деловые письма зарубежным партнерам, выполнять письменные и устные переводы рефератов и аннотаций научных статей, представленных на иностранном языке. Показателем сформированности полиязыковой личности является полилингвальная культура, под которой понимают особую интегративную сферу социокультурной реальности, основу которой составляет полиязычие, совокупность взаимодействующих составляющих: способ сохранения национальных и общечеловеческих ценностей, базовые функции, способы воспроизводства языков культуры в процессе индивидуального культурного самоопределения человека в пространстве социальных практик [2].

Полилингвальная культура - это сложное интегральное личностное образование, включающее когнитивный, ценностный и деятельностный компоненты, характеризующиеся определенным уровнем языковых, лингвострановедческих, культуроведческих знаний, ценностным отношением к языкам и культурам народов-носителей изучаемых языков и к своему родному языку и культуре, активной креативной, коммуникативной деятельностью.

Обновление содержания, методов, технологий образования в современных условиях поликультурности, полиязычия происходит на основе

понимания мира как целостной и нелинейной системы, значимости формирования нового мышления, связанного с состоянием открытости человека для постоянного развития, готовности к пересмотру своих взглядов, со способностью к целостному восприятию и творческому осмыслению явлений окружающего мира [2, с. 8]. Интегрированные образовательные ситуации, с одной стороны, формируют целостное полилингвальное пространство, выступающее в виде цели, условия, и результата образования. С другой, полиязыковая личность в наибольшей степени проявляется в интегрированных образовательных ситуациях. В полилингвальном пространстве происходит накопление и осмысление позитивного опыта взаимодействия с другими, с собой, самореализация, присвоение ценностей, что определяет ценностное самоопределение личности студента. Эти процессы

предполагают формирование «умения расширять собственный тезаурус и встраиваться в чужой, умения использовать экстралингвистические средства, умения прочитывать мотивы другого в процессе полифонического взаимодействия» [2, с. 99]. Конкретизировать цели, выявить ценности полиязыкового образования, уровень понимания рассматриваемых в исследовании понятий позволила разработанная нами анкета, включающая 18 вопросов разного типа. В анкетировании приняли участие 254 студента Адыгейского государственного университета. Анкетирование адыгских и русских студентов показало, что все опрошенные студенты изучают два иностранных языка с разного возраста, хотели бы изучать иностранные языки, даже если бы это было не обязательно. 67% заявили о готовности изучать три и больше языков, среди которых арабский, китайский, японский, татарский, испанский, итальянский. Опрошенные отмечают, что иностранный язык для них - одна из интересных дисциплин, на которую они хотели бы отводить больше времени, чем это предусмотрено программой. Большинство (83%) опрошенных осознают значимость изучения иностранного языка для будущей профессиональной деятельности. Для 23% студентов иностранный язык - это хобби, которое способствует расширению круга общения. Осваивая иностранные языки, студенты ставят перед собой следующие цели (представлены в ранжированном порядке): использовать полученные знания в будущей работе, получить диплом о высшем образовании, воспользоваться полученными знаниями в определенных ситуациях, общаться на свободные темы с иностранцами, общаться в поездках за границу, сдать международный экзамен, работать в иностранной компании. Знание иностранных языков, по мнению анкетированных, является необходимым условием участия в полиязычных образовательных проектах, в которых они изъявляют желание участвовать. Мотивируют студентов в изучении иностранного языка (в ранжированном порядке): эмоциональность, увлеченность преподавателя, использование интересного дидактического материала, интерактивных, игровых технологий, новых информационных технологий, творческих заданий, культуроведческих материалов, соревновательные техники, работа в группах. Важно отметить, что студенты занимаются иностранными языками и в свободное от учебы время: прежде всего, это просмотры фильмов, чтение книг на иностранных языках, посещение кружков, курсов иностранных языков, однако лишь 7% отметили, что участвовали в мероприятиях, проектах с привлечением иностранных языков. Данные анкетирования свидетельствуют о том, что студенты в полной мере осознают не только важность предмета «Иностранный язык», но и необходимость изучения нескольких иностранных языков, а также продолжения изучения более углубленного родного языка для их профессиональной деятельности. Изучение иностранных языков рассматривается не только как средство удовлетворения личных потребностей, но и для получения профессиональных знаний через язык. Таким образом, осознание студентами роли полиязыкового образования, подразумевающего

обогащение знаний о достижениях родной и национальных культур, понимание собственной национальной принадлежности, расширение знаний в области родного и иностранных языков, овладение стратегиями межкультурного взаимодействия, диктует необходимость пересмотра целей языкового образования.

К сожалению, практика показывает, что при обучении иностранному языку учителя в основном опираются на русский язык, игнорируя родной, базовый компонент билингвизма (гюлилингвизма).

При определении стратегии полилингвального обучения необходимо на основе сопоставительного анализа фонетико-фонологических и лексико-грамматических систем родного, русского и иностранного языков выявить те лингвистические факты, которые могут вызвать у индивида интерферентные ошибки в процессе использования в речи разных систем средств и способов общения.

Характеризуя современное состояние преподавания предметов филологического цикла, приходится с сожалением констатировать, что родной, русский и иностранный языки в национальной школе изучаются автономно, без должной координации содержания и методов презентации учебного материала, что тормозит процесс формирования как билингвизма, так

Для успешного осуществления диалога культур обучение предметам филологического цикла следует проводить в контексте с этнокультурными традициями народов. Накопление учащимися знаний о культуре, традициях и обычаях людей различных этнических групп будет способствовать воспитанию у них толерантного сознания при изучении языковых дисциплин.

Основная же задача параллельного изучения родного, русского и иностранного языков - это научить школьников свободно пользоваться всеми видами речевой деятельности (аудированием, говорением, чтением и письмом) как естественным средством коммуникации. Коммуникация же может осуществляться лишь при наличии у участников речевого акта экстралингвистической информации, в частности, знаний национально-культурных денотатов и их отношений друг к другу.

Соглашаясь с мнением многих ученых-специалистов, в заключении хотелось бы отметить, что наиболее эффективный способ овладения родным языком - способ изучения другого языка. В этой связи логична тема полилингвального образования, в центре которого - формирование личности, обладающей многоязычной и поликультурной компетенцией.

Результаты множества научных исследований в области интерлингвистики показывают, что изучение языков, в частности иностранных, содействуют повышению культуры родной речи, обеспечивая более тонкое восприятие оттенков мысли на родном языке.

Стремление к формированию полилингвальной, поликультурной личности предполагает усвоение колоссальной внеязыковой информации, необходимой для адекватного общения и взаимопонимания, поскольку последнее недостижимо без принципиального тождества основных сведений коммуникантов об окружающей действительности.

Наличие общих знаний является основной предпосылкой для адекватного общения, когда участники общения принадлежат к различным лингвокультурным общностям. В настоящее время тезис о неотделимости изучения иностранного языка от ознакомления с культурой страны изучаемого языка, ее историей, религией, социокультурными традициями, особенностями национального видения мира народом - носителем языка является общепризнанным.

Список литературы:

1. Бейсханова, С.А. Полиязычное образование как инструмент становления компетентного специалиста / С.А. Бейсханова, Г.М. Магауина // Вестник ТГПУ - 2013. - 9 (137) - С. 90-92.
2. Буланкина, Н.Е. Культурное самоопределение личности в полиязыковом образовательном пространстве: дис. ...д-ра пед. наук: 13.00.01. - Москва, 2003. - 421 с.
3. Караулов, Ю.Н. Русский язык и языковая личность / Ю.Н. Караулов. - М.: УРСС Эдиториал, 2010. - 264 с.

Цховребова Мира

«ПОСТ-ЛЕЙБЕЛЬНЫЙ» МЕТОД ДЖУЛИАНА БАРНСА В КОНТЕКСТЕ ЛИТЕРАТУРЫ АНГЛИЙСКОГО ПОСТМОДЕРНИЗМА

Tskhovrebova Mira

"POST-LEYBEL" JULIAN BARNES METHOD IN THE CONTEXT OF THE ENGLISH POSTMODERNISM LITERATURE

Аннотация

Настоящая статья содержит очерк мировоззренческих и эстетических принципов Джулиана Барнса, представленных в интервью, художественных произведениях и в автобиографической книге «Нечего бояться» и определивших своеобразие творческого метода выдающегося британского писателя-постмодерниста и филолога.

Abstract

The article represents an essay on Julian Barnes' ideological and aesthetic principles put forward in his interviews, fiction and an autobiographical essay "Nothing to be Frightened of" that define the artistic method of an outstanding English postmodernist writer and philologist.

Ключевые слова: Джулиан Барнс, современная литература Великобритании, английский постмодернизм, философское эссе, экзистенциализм, теория эволюции.

Key words: Julian Barnes, contemporary British Literature, English postmodernism, philosophical essay, existentialism, theory of evolution.

Творчество Барнса является объектом пристального и обстоятельного изучения последние тридцать лет и более, «в присутствии и на виду» у писателя. Аналитическая литература о Барнсе хорошо обеспечена авторскими комментариями, рассыпанными на страницах его прозы и в интервью, размышлениями писателя-филолога над процессом собственного творчества, высказываниями о литературе и искусстве, о романе и писательстве – «На эту тему я могу рассуждать бесконечно...» [«Попугай Флобера», 136]²⁵

Определяя место Джулиана Барнса в современном литературном процессе, его называют самым «постмодернистским» из всех современных английских писателей. Подобное утверждение стало общим местом в исследованиях творчества писателя и у него на родине, и за рубежом.

А.Зверев в известной статье «Постмодернизм в английской литературе» называет роман Барнса «История мира в 10 ½ главах» - «высшей точкой в истории этого направления в Великобритании», полагая, что в этом романе Барнса «идеи и эстетические установки постмодернизма реализованы

наиболее последовательно». Обозревая литературу английского постмодернизма, А. Зверев обращает внимание на то, что «продолжает появляться большое число произведений, близких постмодернизму, развивающих найденные им модели. Главная среди них - манипуляция с классическими текстами, всякого рода адаптации, переписки и продолжения ... Всё это лишний раз подтверждает повышенный интерес английского постмодернизма к национальному материалу, будь то история или литература». [24] Именно обращение к национальному материалу и манипуляция с классическими текстами определяют своеобразие английского постмодернизма.

Когда самого Барнса спросили о его принадлежности к литературе постмодернизма, он ответил: «Ярлыки на литературу навешивают критики, а не писатели. На мне было много таких «лейблов» за многие годы. Один американский критик назвал меня «предпостмодернистом» — до сих пор пытаюсь понять, что это значит. В любом случае мы, кажется, уже не вписываемся в эти яр-

²⁵Во введении к ряду диссертаций, посвященных творчеству Джулиана Барнса - М.А. Бахтина «Интерпретация исторического в творчестве Джулиана Барнса», Д.А. Радченко «Проза Джулиана Барнса: жанровая природа, проблема героя и нравственная философия ав-

тора» (2008), А.А. Нелюбин «Джулиан Барнс под маской Дэна Каваны» (2013) – приводится подробный обзор обширной научно-исследовательской литературы о различных аспектах творчества Барнса, издающейся в России и за рубежом.

льки. Модернисты творили сто лет назад, постмодернисты (скажем, поколение Борхеса) уже давно мертвы. Кто мы сейчас, постпостмодернисты? Надеюсь, что нет. Мои романы, как вы правильно заметили, всегда отличаются друг от друга: одни формально новаторские, другие более традиционны. Я верен не абстрактному литературному течению, а конкретной книге, которую пишу. Давайте назовем это Пост-Лейбелной литературой». [33]

«Пост-Лейбелный» художественный метод Барнса, вопреки его высказываниям, обнаруживает все типичные черты постмодернистского художественного мышления. И в этом смысле, не только «История мира в 10 ½ главах», но и «Англия, Англия», и «Глядя на солнце» - ярко выраженные постмодернистские романы: ироничные, пародийные, игровые, «историографические» и т.д.

Недоверие «самого постмодернистского английского писателя» к этикеточным определениям связано, по-видимому, с тем, что в Британии осмысление современности как эпохи пост- или постпостмодернизма не было актуальным. «Ситуация постмодернизма» как особого мировосприятия или как особого духовного состояния современности, с ее уже классическим набором признаков, не возбудила философскую и эстетическую мысль Великобритании. Достаточно сказать, что англичане не создали собственной теории постмодернизма по примеру Франции, блиставшей в конце века именами Ж. Лиотара, Ж. Деррида, М. Фуко, Ж.-Ф. Делеза, Ж. Бодрийяра. Аналогичная история имела место и в первой половине XX века, когда самым влиятельным и широко обсуждаемым философским направлением в Европе был экзистенциализм, породивший, подобно романтизму, экзистенциальную модель общественного сознания и поведения. В Великобритании, как известно, лишь Айрис Мердок (профессор философии и ученица Сартра) и Колин Уилсон последовательно представляли экзистенциализм в литературе. Сегодня к этим именам можно добавить Иена Макьюэна, Джулиана Барнса, чье творчество интерпретируется и в контексте того широкого экзистенциализма, который, после смерти его основателей, растворился в общественном сознании, напоминая о себе темами абсурда, отчаяния, одиночества, озабоченностью конечностью существования и т.д.

Философия и литература Великобритании всегда двигались своими «славными» путями, редко следуя моде, если, конечно, не задавали ее сами. Кризис метанарративов и низвержение идола Доксы не стали откровением для британца - он был подготовлен к этому кризису с XVII века мудрой теорией «идолов» Фрэнсиса Бэкона. Нетрудно предположить, что и революционная весть Заратустры не была набатной для британца, пережившего в середине XIX века шок «Происхождения видов». В этом смысле, специфична и природа британского атеизма, взращенная на ниве отечественной философии с ее братским доверием к эмпирике, опыту непосредственного чувствования и здравому смыслу.

Понятно, что Ла-Манш не был Китайской стеной - идеи времени проникали в Великобританию, но они лишь восполняли воды Флосса и сдували

пыль с памятника Лоренса Стерна, верифицируя и освежая краски оригинальных домашних заготовок, признанных истоками постмодернизма.

Джулиан Барнс, по его собственному выражению - чистокровный англичанин, гражданин страны академической эмпирической и позитивистской культуры, получивший, к тому же, филологическое образование (диплом с отличием) в стенах Оксфорда - оплота неопозитивизма и аналитической философии. «Ум жаждет уверенности» - кредо британской философии. Однако в случае с Барнсом все далеко не однозначно - Флобер, его ежедневный собеседник и «некровный родственник», приучил его «спать на подушке сомнения». Выпускник Оксфорда и гражданин страны «неловкости и завтрака» (по его собственному выражению), Джулиан Барнс - «сомневающийся нарратор».

«Ум жаждет уверенности, которая оглушает его, как удар дубинкой», - размышляет героиня «Глядя на Солнце» Джин Сарджент. В размышлениях Джин Сарджент уподобление «уверенности» «дубинке» перерастает в живую метафору «эпистемологической неуверенности»: «То, что ум способен понять, то, что он способен тяжело-весно доказать и одобрить, может оказаться именно тем, что он презирает больше всего. Он томится желанием, чтобы на него напали сзади в темной улице и прижали к горлу уверенность, как нож». [2,156] В «Нечего бояться» Барнс перефразирует: «Если я называл себя атеистом в двадцать и агностиком - в пятьдесят и шестьдесят, то не потому, что за прошедшее время приобрел новые знания, а просто лучше стал сознавать свое невежество. Откуда нам знать, что мы знаем достаточно? Мы, неодавинисты и материалисты XXI века, убежденные, что смысл и механика человеческой жизни обрели ясные очертания только в 1859-м». [1,37]

Профессиональные интересы и приверженность французской и общеевропейской культуре увлекают Барнса «через Ла-Манш», к иным берегам - туда, где традиционно культивировалась поэзия неочевидного, перспектива сомнения и разумность иррационального. В «Нечего бояться», Барнс приводит весьма символический эпизод из детства - он рассказывает об их с братом «Филателистическом Расколе»: «Джонатан решил специализироваться на Британской Империи. Я же, дабы коллекционировать свое отличие, объявил, что буду коллекционировать категорию, которую я назвал.... *Весь Остальной Мир*». [1, 8]

«Весь Остальной Мир», который «достался» Джулиану Барнсу в результате «Филателистического Раскола», обнаружился на просторах западноевропейского скептицизма от Монтеня до Деррида и включает Шопенгауэра, Ницше, Хайдеггера, Сартра и Камю, Делеза, Бодрийяра, Фуко - страницы его книг пестрят именами и идеями выдающихся мыслителей: «*Эти творцы - эти почившие творцы - мои ежедневные собеседники*». [1, 61]

Вслед за Шопенгауэром Барнс убежден в том, что «жизнь, в ее бесконечном становлении, разрушающая уже ставшее - единственная человеческая ценность». Вслед за Ницше он признает, что

«не существует ни одного основания, на котором бы покоились те или иные воззрения». «При этом, - подсказывает Фрэнсис Бэкон со страниц «Афоризмов об истолковании природы и царства человека», - мы разумеем здесь не только общие философские учения, но и многочисленные начала и аксиомы наук, которые получили силу вследствие предания, веры и беззаботности». [19]

«Вы появляетесь на свет, - пишет Барнс в «Нечего бояться», - осматриваетесь, производите некоторые умозаключения, избавляетесь от старого вздора, учитесь, размышляете, наблюдаете, принимаете решения. Вы верите в свои возможности и свою независимость в суждениях; - и резюмируете в духе Сартра, - вы сами создали себя». [1, 97]²⁶

Симбиоз традиционной отечественной философии и идей новейшего времени определяет мировоззренческие принципы Барнса, как, вероятно, и каждого британского интеллектуала постмодернистского поколения. При этом Барнс не относит себя к концептуалистам или к адептам определенной школы. Ему импонируют интересные теории, и, в этом смысле, он немного виталист, немного эволюционист, возможно, всего больше – экзистенциалист. В своих книгах Барнс часто ссылается на эволюционистов, много цитирует Ричарда Докинза. Однако какими бы привлекательными и убедительными не представлялись теории эволюционистов, здравый смысл перетягивает Барнса на свою сторону: *«мы, как замечательно сформулировал Докинз, «машины» для выживания — роботы, слепо запрограммированные на сохранение эгоистичных молекул, известных как гены»*, [1, 144] но *«все же я пока не готов воспринимать себя — или вас, или героя своего романа — как процесс распределения нейронов»*. [1, 285]

Барнс позиционирует себя как атеиста. В отличие от другого атеиста английской литературы Иэна Макьюэна, устремленного в направлении «окончательной теории» - *«начальной точки, к которой можно свести все объяснения»* загадочной противоречивости человеческой природы, он не стремится к обретению универсальной и единственной истины. В подобной окончательности он усматривает реальную угрозу тоталитаризма.

Свою мировоззренческую позицию, со ссылкой на Флобера, Барнс определяет, как *«религию отчаяния»*. В ее основе своеобразная апория – неверие в возможность обретения духовной опоры в лишившемся опоры постдарвинистском и постницшеанском мире и, одновременно, осознание необходимости ее обретения. Она же, сопряженная с экзистенциальной чувствительностью, и составляет главную тему писателя.

Если не решение, то, по крайней мере, возможность живого воплощения проклятой проблемы Барнс видит в жанре романа: *«Роман делает то, чего не может никакая другая форма искусства: через него он говорит с душой. Если мир будет менее серьезным, может быть, тогда умрут и романы, если люди перестанут задавать себе серьезные вопросы о том, что такое жизнь, как ее жить, как мы ее приобретаем, как мы ее теряем,*

как справляемся с потерей других. Пока эти вопросы есть, роман необходим» [31].

«Серьезно относиться к жизни — прекрасно это или глупо?» - вопрошал Флобер. Когда Джулиан Барнс задает свои серьезные вопросы, он выбирает два подхода для их решения. Один – постмодернистски игровой - уподобляет жизнь человека, историю и религию нарративу, другой – серьезный – связан с главной темой писателя: проблемой жизни и смерти человека после смерти Бога: *«Бог, может, и умер, зато смерть еще как жива»* («Нечего бояться»). В художественной философии Барнса оба подхода существуют не автономно, но тесно переплетены, представляя, в конечном итоге, единую иронико-драматическую интерпретацию жизни.

В первой, эпатажно-субъективистской и полушутливой интерпретации жизни и истории Барнс оперирует профессиональными терминами – «литературный жанр», «роман», «рассказчик», «нарратив» и «нарратор» и т.д. В романе «Предчувствие конца» он говорит о первобытном инстинкте рассказчика, упорядочивающем хаос бытия: *«Мир пребывает в состоянии непреходящего хаоса и только первобытный инстинкт рассказчика, сам по себе являющийся отрывочной религией, задним числом придает хоть какой-то смысл всему, что могло произойти, а могло и не произойти»* [8,17]. В «Попугае Флобера» он называет историю *«литературным жанром»*: *«Мы можем десятилетиями изучать архивы, но время от времени хочется поднять руки вверх и признать, что история – всего лишь еще один литературный жанр: прошлое не более чем художественная автобиография, которая притворяется парламентским отчетом»*. [6, 125] Барнс и Библию именует литературным производением, основанным на волшебном вымысле. Не оставляя ни единого шанса для контраргументов другой стороны, он утверждает: *«...христианская религия продержалась так долго не только потому, что все в нее верили; потому что она насаждалась властями и священнослужителями... Она продержалась так долго, потому что это была прекрасная ложь, потому что действующие лица, сюжет, разнообразные coups de theatre, всеохватная борьба Добра и Зла превратились в отличный роман»*. [1, 83] Продолжая свою игру, Барнс заявляет: *«...религии были первыми великими изобретениями писателей. Убедительное изображение и правдоподобное объяснение мира для понятным образом сбитых с толку. Красивая складная история с начинкой из жесткой лжи»*. [1, 121] Эту же мысль с большой долей серьезности Барнс озвучивает в интервью: *«Я вообще не исключаю, что Бог - изобретение романиста (я готов отказаться от этой точки зрения, если кто-то докажет обратное)»*. [30]

В подобных высказываниях Барнса опознается тезис о художественно-литературном по своей сути характере человеческого мышления, впервые высказанный Хайдеггером («поэтическое мышле-

²⁶«Я являюсь тем, кем я выбираю быть» - Жан-Поль Сартр.

ние») и развитый в дальнейшем Лиотаром и Джеймисоном до теории нарратива. Известное утверждение Лиотара и Джеймисона о том, что мир может быть познан только в форме литературного дискурса, разделяет, как известно, и историк Хейден Уайт, заявляя, что история как форма словесного дискурса обычно имеет тенденцию оформляться в виде специфического сюжетного модуса. «Таковыми модусами для Уайта являются, - пишет Ильин, - "романс" "трагедия", "комедия" и "сатира", т. е. историография для него способна существовать лишь в жанровых формах». [21] Мы не найдем у Барнса ссылок на теоретиков нарратологии, поэтому, в контексте темы интертекстуальности, можно предположить автоматическое включение в тексты писателя хорошо известных в западноевропейском интеллектуальном мире идей времени. Очевидным представляется другой известный источник – «Упадок искусства лжи» Оскара Уайльда, к которому знаменитому эстетическому манифесту и идее Жизни как подражанию Искусству недвусмысленно отсылает Барнс: «Жизнь действительно подражает искусству куда больше, чем Искусство – жизни» или: «Единственная совершенно безупречная форма лжи - ложь, как самоцель, и высшей ее формой является... Ложь в Искусстве». [9]

В интервью 2003 года на вопрос о том, что для него литература, Барнс ответил: «Это лучший способ говорить правду; это процесс создания огромной, прекрасной, хорошо упорядоченной лжи, которая расскажет больше правды, чем любая совокупность фактов». И далее та же: «...художественный вымысел — это не полнейший обман, а окончательная истина. Красивое и величественное неправдоподобие вымысла может рассказать о жизни больше, чем любая совокупность достоверных фактов». [30]

В «Нечего бояться» Барнс разворачивает эту же мысль поверх и между строк оригинального претекста, «играя» в палимпсест: «Когда спрашивают, В Чем Назначение Романа, я люблю отвечать: «В красивой складной лжи, внутри которой жесткие истины». Мы говорим о приостановке неверия как об интеллектуальном условии, помогающем получать удовольствие от литературы, кино, изобразительного искусства. Это ведь просто слова на странице, актеры на сцене или экране, краски на холсте: эти люди не существуют, их никогда не было, а если они и были, то здесь всего лишь их копии, ненадолго правдоподобные симулякры. (Уайльд: «Единственные настоящие люди - это те, кого никогда не было») И все же пока мы читаем, пока глаза смотрят, мы верим, что Эмма живет и умирает, что Гамлет убивает Лаэрта, что этот угрюмый, отороченный мехом муж и его жена в парче могли бы сойти с картины Лотто и заговорить с нами на ломбардском диалекте XVI века. Этого не было, это никогда не могло произойти, но мы верим, что было и могло» (Уайльд: «...и Синяя Птица будет летать у нас над головами и петь о прекрасном и невозможном, о том чудесном, чего не бывает, о том, чего нет и что должно быть. Но чтобы это случилось, мы должны возродить утраченное искусство Лжи». [1, 121]

Заметим, что в первой главе «Истории мира...» умудренно-скептический жук-древоточец, рассказывая об истреблении Ноем некоторых животных, многозначительно воспроизводит известный фантастический bestiарий Оскара Уайльда из «Упадку искусства лжи»: «Василиски, например, отправались за борт очень рано.... Вы их, конечно, никогда не видели. Но если я опишу их как четвероногих пестухов со змеиным хвостом, скажу, что они обладали очень неприятным взглядом и откладывали уродливые яйца, которые потом высасывали жабы, вы согласитесь, что это были не самые привлекательные существа на Ковчеге. ...После василисков наступила очередь грифонов; после грифонов - сфинксов; после сфинксов - гиппогрифов. Вы то, наверное, считали, что все это плоды чьей-то буйной фантазии? Ничуть». [4, 20]

Барнс решительно меняет интонацию, когда обращается к своим большим темам – вере в Бога и Смерти. «I don't believe in God, but I miss Him» - «Я не верю в Бога, но мне Его не хватает» - возможно, самое глубокое и многозначительное из высказываний Барнса. С этого признания он начинает свою книгу «Нечего бояться» - автобиографическое сочинение и эссе о Человеке как «бытии-устремленном-к-смерти».

Своей оригинальностью книга обязана тесному вплетению личной биографии писателя в контекст древнейшей традиции общечеловеческого сомнения в безусловной конечности бытия, экзистенциального страха смерти и религиозной надежды на продолжение жизни. Вечная актуальность предмета размышлений Барнса гарантирована его неопостижимостью, невозможностью получить последние ответы. Хорошо понимая это, Барнс предлагает услышать Монтеня: «раз нам не победить смерть, лучший способ контрнаступления – это ни на секунду не забывать о ней.... Научив человека умирать, вы учитесь его жить». [1, 66] В точности следуя совету Монтеня, Барнс превращает в привычное занятие размышления о смерти – он «ни на секунду о ней не забывает» в каждой книге, неотступно, болезненно и «чрезмерно, как кажется отдельным друзьям». Исключение составляет последний роман «Одна история», где тема смерти упоминается вскользь и, кажется, всего раз.

Уже в «Метроленде», первом романе Барнса, его герой Кристофер Ллойд пытается осмыслить свой страх смерти, связывает его возникновение с утратой веры. Подобное же признание атеиста звучит в автобиографической главе «Истории мира...»: «Меня часто сбрасывает с постели страх времени и смерти, панический ужас перед надвигающейся пустотой». [4, 246] В «Нечего бояться» Барнс описывает судьбоносные последствия своего отпадения от Бога: обостренный, граничащий с одержимостью интерес к теме смерти и страх, который проник в его жизнь, захватив «обезбоженную» территорию его души. Автобиографическое эссе Барнса, по его собственному признанию, и стало попыткой преодоления этого страха.

Барнс, как и герой его первого романа, называет себя бодро-счастливым атеистом, который, однако, ступает осторожно – не падает в крайности,

не превращает свой атеизм в персональную религию: *«что касается Бога, то меня больше провоцирует абсолютный атеизм, чем, скажем, зачастую мягкие осторожные надежды англиканской церкви»*. [1, 74] Добровольный, *«по пустяковому поводу»* отказ от веры и пришедший ей на смену страх смерти - *«теперь смерть, пусть и отдаленная, смотрелась уже совсем в другой перспективе»* [1, 31] – порождают экзистенциальную тоску и заботу, подробно описанную в «Нечего бояться». Тоску и сожаление без покаяния - мыслимо ли каяться перед пустотой? *«Мы не верим, мы настойчиво не верим уже многие десятилетия, в некоторых случаях - более полувека, но нам не нравится то, что впереди»*. [1, 125]

Невозможность веры в современном мире Барнс осознает, как личную трагедию: *«Сказано (Флобером – М.Ц.), что одна из страшнейших трагедий духа — родиться с религиозной потребностью в мире, где вера более уже невозможна. Равно ли это трагедии родиться без религиозной потребности в мире, где вера возможна?»* [1, 157] *«Кошмарный образ небытия»*, который преследует Барнса, это «Angst» Кьеркегора и Хайдеггера - глубокий онтологический страх, описанный основателями экзистенциализма и связанный с утратой человеком трансцендентальной опоры: *«Не это ли подспудно гложет нас оттого, что Его Не Хватает? Бог умер, а без Него человеческие существа могут наконец-то подняться с колен и выпрямиться во весь рост; и этот рост оказывается совершенно карликовым»*[1, 91]. Карликовым, перед лицом «НИЧТО» - *«взвешен на весах и найден очень лёгким»*. Барнс описывает страх и трепет человека постдарвиновской и постнищанской эпохи, заглянувшего в пучину Ничто с высоты своего «карликового роста». Страх и заботу, по Хайдеггеру, *«перед требовательностью к безусловному»*, перед обнаружением правды о том, что мы никогда уже не обретем идеалов. Онтологическую тоску перед невозможностью найти свое предназначение в жизни или пожертвовать ею во имя чего-то большего, чем собственная жизнь, что и делает, как утверждал Хайдеггер, существование человека ничтожным, превращает его в карлика-нигилиста.

Через тридцать лет после «Метроленда», Барнс в «Нечего бояться» находит себя все там же, перед разверстой бездной небытия: *«большую часть своей сознательной жизни я испытывал живой ужас»*. Но *«ум жаждет уверенности»* и упорно продолжает поиски выхода *«из тупика смерти»*. Альтернативу бессмертию предлагает эволюционная теория, обещающая человеку его законное место меж лопастей устремленного к вечности естественного отбора: *«Эволюция поведет нас, куда ей хочется - точнее, «нас» она не поведет, поскольку мы скоро окажемся слишком плохо подготовленными для тех мест, куда она направляется; она отбросит нас как грубый, недостаточно приспособляемый прототип и слепо продолжит свой путь к новым формам жизни, туда, где мы — вместе с Бахом, Шекспиром и Эйнштейном — покажемся далекими, как бактерии или амебы»*. [1, 311] Безрадостный, но вполне реалистичный исход с большим генетическим запасом бессмертия. По мнению

Барнса, эволюционистские теории, создавшие новые теоретические основания атеизма, при всей их реалистичности и научной логике, только усугубляют страх смерти: *«Тяжело вглядываться не только в бездну, но и в саму жизнь. Нам сложно пристально созерцать не то что факт, даже возможность того, что жизнь - случайный выигранный в космической лотерее, что ее основная цель - самовоспроизводство и только, что утекает она в пустоту»*. [1, 267]

Между тем, ищущий *«выхода из тупика смертности»* ум знает, что *«где-то между этой тактикой прицельного отвода глаз и приводящим в ужас пристальным вглядыванием в бездну должна находиться рациональная, зрелая, научная, либеральная, центристская позиция»*. [1, 274] Подобную позицию озвучил Шервин Нуланд, профессор клинической хирургии Медицинской школы Йельского университета и автор бестселлера 1994 года *«Как мы умираем»*. Перед лицом неизбежной смерти Нуланд предлагает *«единственно разумное решение»* – смирение, точнее, особый вид горделивого, «триумфального» смирения - *«как раз наилучший результат подобного образа мысли»*, - иронически замечает Барнс. Живи полной жизнью здесь и сейчас, говорит Нуланд, *«старайся изо всех сил, но если спросить - зачем, я не смогу ответить»*. [1, 283]

В пустом пространстве мироздания неприкажнно зависит вопрос о смысле жизни, и Барнс вопрошает: *«в чем смысл моих действий в пустой Вселенной, где еще больше достоверных фактов лишились своей достоверности?»*. Пусть здравый смысл способен до известной степени снизить градус страха смерти, но способен ли он ответить на вопрос *«зачем?»*, способен ли он утолить тоску Барнса по тому *«движению души»*, как выразился Флобер, которое *«породило Бога?»* Тому *«самому естественному и самому поэтичному из всех человеческих чувств»*, как говорил Флобер, и которое, как понимает Барнс, *«вдохновило итальянскую живопись и французские витражи, немецкую музыку и английские капитулы, и эти развалившиеся груды камней на кельтских мысах, которые когда-то были символическими маяками в бурю и тьму?»* [1, 110]

Неудовлетворительность разнообразных, с опорой на разум и здравый смысл версий преодоления страха смерти, ведет Барнса к пониманию того, что *«понадобится нечто большее, чем логика и рациональная аргументация, чтобы победить смерть и ее страхи»*. [1, 319] Он задается вопросом о возможности выхода из тупика смертности посредством творчества, искусства. Создаем ли мы искусство, вопрошает Барнс, чтобы победить или, по крайней мере, иметь возможность отрицать смерть? Ответ отрицательный. Конечность бытия отменяет старую максиму - *ars longa, vita brevis: «Даже примеры величайшего триумфа искусства над смертью смехотворно непродолжительны. Писатель может рассчитывать на еще одно поколение читателей - два-три, если повезет, - и ему кажется, что он презрел смерть; тогда как это не более чем царапина на стене камеры смертников. Мы делаем это, чтобы сказать: я тоже был здесь»*. [1, 314]

Пародийно обыгранная Барнсом метафора Альбера Камю - «жизнь как игра в футбол /гольф» (впервые в «Глядя на солнце» и усиленная в «Истории мира...»), в «Нечего бояться» уступает место новому образу, исполненному безысходности: жизнь – «царапина на стене камеры смертников», безликое «я тоже был здесь».

«Людам, подобным нам», - говорит Флобер, - нужна религия отчаянья. Должно соответствовать своей судьбе, то есть быть столь же равнодушным. Только приговаривая «Так и есть! Так и есть!» и, заглядывая в разверзнувшуюся у ног черную бездну, можно сохранять спокойствие». [1, 39]

«Что касается отчаяния, - писал Сартр, по-видимому, не без оглядки на Флобера, - то этот термин имеет чрезвычайно простой смысл. Он означает, что мы будем принимать во внимание лишь то, что зависит от нашей воли, или ту сумму вероятностей, которые делают возможным наше действие» [25]. Флобер рекомендовал стоическое отношение к проблеме - Так и есть! Нечего бояться! Мантра аутотренинга, вынесенная в заглавие книги: «О смерти говорят: «Нечего бояться». Говорят это быстро, небрежно. А теперь давайте произнесем еще раз, медленно, сместив ударение. «НЕЧЕГО бояться». [1,153]

В далеком 1986 году, в «Глядя на солнце» Барнс создал прекрасную поэтическую метафору - устами Джин Сарджент он уподобил Бога спасительной руке: «Бог - это рука, которую мы подносим к лицу, потому что не можем выдержать прямого взгляда на солнце, хаос бытия и его равнодушия к нам». В 1996 году в романе «Англия, Англия» он приведет свою героиню Маргу Кокрейн в заброшенную сельскую церквушку, расположенную в «пост- джек-питменской» Англии - «wasted land» опустевших церквей и кошмар английской поэзии от Мэтью Арнольда и Томаса Элиота до Филипа Ларкина. В этом мире его Марта («умная девочка») обретает понимание того, что «жизнь серьезна, когда у нее есть стержневая ось, когда над тобой есть что-то, что больше тебя», «жизнь серьезнее, а потому лучше, а потому выносимее, если она помещена в более широкий контекст». [3, 326] Позднее, в 2012 году, в «Нечего бояться» Барнс вновь возвращается к мысли о необходимости «широкого контекста»: «...Раньше религия даровала утешение от мирских забот и награждала верных в конце жизненного пути. Но помимо этих приятных вещей она еще и задавала человеческой жизни контекст и, следовательно, удовлетворяла жажду посвящения». [1, 91]

Какой «контекст» имеет в виду Джулиан Барнс и вправе ли читатель развернуть ключевую фразу Барнса, чтобы привнести в нее конкретику: «Я не верю в Бога, но мне не хватает контекста» или «не хватает стержневой оси, когда над тобой есть что-то больше тебя»? И что подразумевает его «что-то больше тебя»?

В «Интермеди», той самой ½ главы «Истории мира...», Барнс размышлял о любви: «Мы должны верить в нее, иначе мы пропали. Мы можем не найти ее, а если найдем, она может сделать нас

несчастливыми; но все-таки мы должны в нее верить. Без этой веры мы превратимся в рабов истории мира и чьей-нибудь чужой правды». [4, 267] «Любовь антимеханистична, антиматериалистична; вот почему, - утверждает Барнс, - плохая любовь все равно хороша. Она может сделать нас несчастными, но она кричит, что нельзя ставить материю и механику во главу угла» - это к его размышлениям о том, что необходимо нечто большее, чем логика и рациональная аргументация современной науки, чтобы победить смерть и ее страхи. И продолжает: «Религия выродилась либо в будничное нытье, либо в законченное сумасшествие, либо в некое подобие бизнеса, где духовность путается с благотворительными пожертвованиями. Искусство, обретая уверенность благодаря упадку религии, на свой лад возвещает о трансцендентности мира..., но его открытия доступны не всем, а если и доступны, то не всегда воодушевляющи или приятны». И резюмирует: «Поэтому религия и искусство должны отступить перед любовью. Именно ей обязаны мы своей человечностью и своим мистицизмом. Благодаря ей мы - это нечто большее, чем просто мы». [4, 272]

Пусть жизнь всего лишь просто «царапина на стене в камере смертника» - «я тоже был здесь», но эта царапина обретает величие романа или истории, благодаря любви. Любовь, похоже, и есть тот широкий «антимеханистичный и антиматериалистичный» контекст, благодаря которому «мы нечто большее, чем просто мы». Сквозь лабиринты литературных аллюзий, цитаций, размышлений и воспоминаний, страхов и отчаяния Барнс, кажется, приходит к искомой определенности: «самое время написать слово... КОНЕЦ» «маленькими прописными буквами». [1,382]

Но так ли все определено? В одном из последних интервью *New Statesman* на вопрос о том, какую бы профессию он выбрал для себя в другой жизни, Джулиан Барнс непринужденно ответил: «I might have made a useful priest – perhaps in rural France in the 19th century. Looking, listening and seeking to understand, like a novelist. But I might have been tempted to take notes in the confessional» («Я мог бы стать священником, в какой-нибудь деревушке во Франции 19 века. Внимательно наблюдать, слушать, стараться понимать, как делают романисты. И, по-видимому, я не устоял бы перед искушением делать заметки в исповедальне») (перевод мой – М.Ц.).

Список использованной литературы

1. Барнс Дж. Нечего бояться / пер. с англ. Д. Симановского, С. Полотовского. - М.; СПб., 2011. - 383 с.
2. Барнс Дж. Глядя на солнце: роман: пер. с англ. И. Гуровой / Дж. Барнс // Глядя на солнце. - М.: АСТ: ЛЮКС, 2005. - 180 с.
3. Барнс Дж. Англия, Англия: роман: пер. с англ. С. Силаковой / Дж. Барнс // Англия, Англия. - М.: АСТ, 2002. - 256 с.
4. Барнс Дж. История мира в 10½ главах: роман: пер. с англ. В. Бабкова / Дж. Барнс // История мира в 10 ½ главах. - М.: АСТ: ЛЮКС, 2005. - 348с.
5. Барнс Дж. Попугай Флобера: роман: пер. с англ. Т. Шинкарь / Дж. Барнс // Попугай Флобера. -

- М.: АСТ: АСТ МОСКВА: Транзиткнига, 2002. - 264 с.
6. Барнс Дж. Метроленд. М.: АСТ: АСТ МОСКВА: Транзиткнига, 2004. - 665 с.
7. Барнс Дж. Предчувствие конца: роман: пер. с англ. Е. Петровой / Дж. Барнс // Предчувствие конца. - М.: ЭКСМО, 2012. - 200 с.
8. Barnes J. Nothing to be Frightened Of. Random House Canada, 2008.
9. Barnes J. England, England / J. Barnes // England, England - London: Jonathan Cape, 1998. 412 с.
10. Barnes J. Lemon Table / J. Barnes // Lemon Table - London: Jonathan Cape, 2004. - 157 с.
11. Barnes J. Metroland / J. Barnes // Metroland - London: Picador, 1990. - 190 с.
12. Barnes J. Staring at the Sun / J. Barnes // Staring at the Sun - London: Picador, London Limited Editions, 1986. - 119 с.
13. Barnes J. Flaubert's Parrot / J. Barnes // Flaubert's Parrot - London: Bloomsbury Classics, 1992. 314 с.
14. Уайльд О. Упадок искусства лжи Замыслы // Оскар Уайльд; Пер. А. Минцловой. - Москва: Гриф, 1906
15. Флобер Г. Воспитание чувств. Собрание сочинений: в 4 т. / Гюстав Флобер. Т. 3: Воспитание чувств. - М.: Терра-Кн. клуб, 2004
16. Флобер Г. Мадам Бовари // Gustave Flaubert. Madame Bovary. Пер. с фр. - Н. Любимов. - М.: Художественная литература, 1981.
17. Флобер Г. Простая душа // Собрание сочинений: в 4 т. / Гюстав Флобер. - (Библиотека зарубежной классики). Т. 4: [Легенда о св. Юлиане Милостивом; Простая душа; Иродиада; Бувар и Пекюше; Лексикон прописных истин] - М.: Огонек: Правда, 1971
18. Бэкон, Френсис. Афоризмы об истолковании природы и царстве человека. соч. в 2-х томах. Т. 2. - М.: Мысль, 1978. 592 с.
19. Докинз Р. Эгоистичный ген. - М., 1993. 224 с.
20. Зверев А. XX век как литературная эпоха / А. Зверев // Художественные ориентиры зарубежной литературы XX века. - М.: ИМЛИ РАН, 2002.
21. Ильин И. П. Постструктурализм. Деконструктивизм. Постмодернизм / И. П. Ильин // Постструктурализм. Деконструктивизм. Постмодернизм. - М.: Интерада, 1996. - 274 с.
22. Камю А. Миф о Сизифе. Эссе об абсурде / Камю А. // Бунтующий человек. Философия. Политика. Искусство. - М., 1990. - с. 282-340.
23. Сартр Ж.-П. Экзистенциализм – это гуманизм // Сумерки богов. – М.: Политиздат, 1989. 396 с. С. 319-144.
24. Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук / М. Фуко // Слова и вещи. Археология гуманитарных наук - М., 1977. - 180 с.
25. Barber L. Julian Barnes dances around death // The Telegraph. 2008. 05 March.
26. Eder R. Darkness visible // The Boston Globe. 2008. 31 August.
27. Groes S., Childs P. Julian Barnes and the Wisdom of Uncertainty: Introduction // Julian Barnes: Contemporary Critical Perspectives / ed. by S. Groes and P. Childs. - L.; N.Y.: Continuum, 2011. P. 1-10.
- Интервью с Джулианом Барнсом**
28. Барнс Дж. «Роман это живая материя»: интервью (беседовал Ю. Сапожков) / Дж. Барнс // Лит. газ. - М., 2003, № 47.
29. Baron S. Nothing To Be Frightened Of: An Interview with Julian Barnes. The Oxonian Review of Books. 2008. Volume 7. Issue 3. [Электронный ресурс] – режим доступа: URL: <http://www.oxonianreview.org/issues/7-3/baron.shtml> (2.12.11)
30. Феномен Джулиана Барнса. [Электронный ресурс] – режим доступа: <http://magazines.russ.ru/inostran/2002/7/>
31. Интервью с Джулианом Барнсом. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://godliterary.ru/public-post/s-dzhulianom-barnsom-beseduet-basinskiy>
32. Интервью с Джулианом Барнсом. [Электронный ресурс] – режим доступа <https://ria.ru/culture/20161205/1482861969.html> РИА Новости
33. Интервью с Джулианом Барнсом. [Электронный ресурс] – режим доступа: <http://www.timeout.ru/spb/feature/23269>
34. «Нужно, чтобы писатель мог сказать что-то оригинальное». [Электронный ресурс] – режим доступа: <http://chitaem-vmeste.ru/interviews/dzhulian-barns-nuzhno-chtoby-pisatel-mog-skazat-cto-to-originalnoe>

УДК 81'36

Шигуров В.В.,
*Заведующий кафедрой русского языка, доктор филологических наук, профессор,
 Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации
 Национальный исследовательский Мордовский государственный университет имени Н.П. Огарева*

Шигурова Т.А.
*Профессор кафедры культурологии и библиотечно-информационных ресурсов, доктор культурологии
 Национальный исследовательский Мордовский государственный университет имени Н.П. Огарева*

МОДАЛЯТЫ ОТГЛАГОЛЬНОГО ТИПА В ЗОНЕ ПЕРИФЕРИИ ВВОДНО-МОДАЛЬНЫХ ЕДИНИЦ

**Shigurov V.V.,
 Shigurova T.A.**
*Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education
 «N.P.Ogarev Mordovia State National Research University»*

MODELS OF THE OBTAINING TYPE IN THE PERIPHERAL ZONE OF INTRODUCTIVE MODAL UNITS

Аннотация.

В статье намечены этапы функциональной транспозиции русских глаголов в форме 1-го лица множественного числа в межчастеречный семантико-синтаксический разряд вводно-модальных слов и выражений. В центре внимания – словоформы, представляющие зону периферии вводно-модальных единиц на шкале модалитации. Выявляются комбинаторика и пропорция дифференциальных признаков глаголов и вводно-модальных единиц, взаимодействующих в структуре глагольных словоформ в вводно-модальном употреблении.

Abstract

The article outlines the stages of the functional transposition of Russian verbs in the form of the 1st person plural into the inter-rival semantic-syntactic category of introductory modal words and expressions. The focus is on word forms representing the periphery of input modal units on the modulation scale. Combinatorics and the proportion of differential signs of verbs and input-modal units interacting in the structure of verbal forms in input-modal use are revealed.

Ключевые слова: русский язык, грамматика, транспозиция, модалитация, глагол, вводно-модальное слово, шкала переходности, ступень.

Key words: Russian language, grammar, transposition, modulation, verb, input-modal word, transitivity scale, step.

В кругу транспозиционных процессов, охватывающих разные части речи, особое место принадлежит модалитации, представляющей собой переход языковых единиц разной категориальной принадлежности в вводно-модальные компоненты высказывания. Тем самым расширяется спектр языковых средств, используемых в высказывании для обозначения позиции субъекта речи (модуса). Несомненный интерес в этом плане представляет исследование транспозиции языковых единиц из глагольного класса в межчастеречный семантико-синтаксический разряд вводно-модальных единиц.

Наблюдения показывают, что данный процесс имеет ступенчатую природу, т.е. движение глаголов в сторону вводно-модальных слов и выражений осуществляется через ряд ступеней, которые можно графически изобразить на шкале переходности: Ступень А / Г(лаг) (ядерный глагол-предикат с модально осложненной семантикой) (1) --> Ступень Аб / Г(лаг) м(од) (периферийный глагол-предикат, представляющий модусную рамку в главной части сложноподчиненного предложения) (2) --> Ступень аб / г(лаг) м(од) 1 (гибридная глагольно-модальная структура в функции предиката, представляющая модусную рамку в первой предикативной части бессоюзного сложного предложения с пояснительными отношениями) (3) --> Ступень аб

/ г(лаг) м(од) 2 (гибридная глагольно-модальная структура в синкретичной функции предиката и вводного слова, представляющая модусную рамку в конструкции переходного типа, где совмещаются признаки бессоюзного сложного предложения и простого предложения с осложняющим вводным компонентом) (4) --> Ступень аБ / г(лаг) М(од) (периферийный отглагольный модалит в функции предиката и вводного слова, представляющего модусную рамку в простом предложении с осложняющим вводным компонентом) (5) --> Ступень Б / М(од) (ядерный отглагольный модалит в функции вводного компонента высказывания) (6) (о разных стадиях, признаках и пределе транспозиции языковых единиц в области частей речи и межчастеречных разрядов см., напр.: [2–19]).

Приведем типовые контексты, фиксирующие этапы модалитации финитных глаголов 1-го лица множ. числа:

(1) *Теперь допустим такую фантастическую ситуацию: это немедленное вмешательство состоитось – во всем бассейне Невы полностью очищается канализация всех городов, заводы и фабрики выпускают после отработки кристально чистую воду, а поля ничем таким вредным не поливают и не опыляют* (С. Цветков. Дамба, разделившая ученых) (Многие использованные здесь и

далее примеры взяты из Национального корпуса русского языка; режим доступа: URL: <http://www.ruscorpora.ru/>;

(2) **Допустим**, что Девяткин уже все вычислил, обо всем догадался (А. Троицкий. Удар из прошлого);

(3) **Допустим**: Алексеев, стыковщик. Кульгунтин, подрывник (К. Метелица, К. Немоляев. Самая новенькая история СССР);

(4) **Допустим**, это школьный учитель, и он – хороший человек (П. Волошина, Е. Кульков. Маруся);

(5) Какой-нибудь московский автор, **допустим**, пишет... (С. Довлатов. Переводные картинки);

(6) Я выступал. **Кажись**, не подкачал. Нюра говорит, хорошо (В. Шукшин. Печки-лавочки).

В настоящей статье речь пойдет о ступени периферии на шкале модалитации языковых единиц [аБ / г(лаг) М(од)], которую отражают контексты употребления финитных глаголов в функции вводно-модалных компонентов высказывания, т.е. в обособленной вводной позиции. В данном случае мы имеем дело с периферийными модалитами, употребляющимися в пределах глагольных лексем. Как известно, именно на периферии глагольных лексем наблюдается ослабление их категориальных признаков, что вызвано процессами десемантизации и грамматикализации отдельных словоформ, что, кстати говоря, мы и наблюдаем при их модалитации, т.е. употреблении в вводно-модалной позиции, а иногда и при параллельном сближении со служебными словами (союзами и т.д.), выполняющими структурные (связующие) функции; По наблюдениям Ю.Д. Апресяна, «при переходе от прямых значений слов к переносным, а от них – к фразеологическим, морфологическим и синтаксическим связанным» грамматические парадигмы знаменательных частей речи обнаруживают тенденцию к сокращению и утрате, что приводит нередко к превращению знаменательных слов в служебные и междометия [1, с. 15]. Ср. сближение словоформ *скажем* с вводно-модалными словами и союзами при вводном употреблении со значением ‘к примеру, например’.

(7) **Давайте договоримся встретиться, скажем, завтра.**

Чисто формальным показателем периферийных отглагольных модалитов типа *допустим, скажем* является их употребление в простом осложненном предложении (или простой осложненной предикативной части сложного предложения), причем обязательно в интер- и постпозиции по отношению к той его части, которая содержит оцениваемое субъектом модуса положение дел (диктум). См. типовые контексты их употребления.

(8) **Вот вы пришли, «ДиКСи» вас встретил и тотчас по глазам вашим понял, что вас интересуют, предположим, грибы** (А. Иванов. Комьюнити); **И это, добавим, в полной мере соответствует деятельности этической установке...** (А. Кузиков. «Экономический человек» на русской почве); **И именно поэтому русская, советская (уточним, появившаяся на свет после семнадцатого года) литература, безусловно, интереснейшая в мире** (В. Некрасов. Саперлипопет); **Весьма**

опасный соперник на всего лишь второй турнирной стадии попался, заметим, отнюдь не только Сафину (Р. Средиземский. Мертвее всех мертвых); **Здесь, подчеркнем, на вес золота каждое отдельное свидетельство** (А. Смирнов. Наступление ради наступления); **Ранее, напомним, Касьянов имел смелость заявить, что арест граждан по подозрению в экономических преступлениях – чрезмерная мера** (Д. Чернов. Прокуратура определилась с убийцами); **Ну саму машину, положим, не я избрал** (В. Михальский. Прощеное воскресенье); **И если с зайцами или, допустим, с косяками все ясно – кто больной, слабый, того и съедят, то как, допустим, с волками, если их есть некому?** (А. Слаповский. Синдром Феникса); **Флегон Афонович вас примет в пятницу, в одиннадцать, подчеркиваем, утра** (В. Аксенов. Негатив положительного героя); **А Роберт – напоминаем – в непростых диалогах частенько начинал заикаться** (В. Аксенов. Таинственная страсть); **Вы, полагаем, не забыли о нас? – Ну, что вы, орлята!** (В. Попов. Будни гарема); **Ну, думаем, должно быть, исколотил, – надо вступить за женское существо** (Е. Замятин. Слово предоставляется товарищу Чурьгину); **Деньги у меня, скажем, быстро кончаются, одиночество – никогда** (С. Довлатов. Переводные картинки).

Характерно то, что, как и на предыдущих ступенях модалитации, формы 1-го лица множ. числа в вводно-модалном употреблении сохраняют, хотя и в несколько ослабленном виде, категориальные признаки глагола: общеграмматическую семантику действия, предикативную (личную) форму репрезентации глагольной лексемы, грамматические категории, формы и значения вида (НСВ или СВ с возможной видовой соотносительностью; ср.: *уточним / уточняем*), залога (форма действ. залога в фиксированном употреблении), наклонения (форма индикатива в фиксированном употреблении), времени (формы настоящего или будущего времени в фиксированном употреблении; ср.: *напоминаем, предположим*); лица (форма 1-е лица в фиксированном употреблении); числа (форма множ. числа в фиксированном употреблении, используемая для связи (координация) с подлежащим в двусоставном вводном предложении; ср.: *Завтра, мы считаем, может быть поздно*); отнесенность к лексико-грамматическим и формальным разрядам [способы действия (в основном с результирующей семантикой); переходность / непереходность (переходные), личность / безличность (личные)]; словоизменительный тип, морфологический класс]; синтаксическую функцию сказуемого двусоставного вводного предложения или главного члена односоставного определенно-личного вводного предложения, глагольную сочетаемость (ср. употребление формы 1-го лица в одиночной позиции и в сочетании с подлежащим и / или зависимыми словами: *Вы, мы полагаем, не забыли о своем обещании*).

В зоне периферии вводно-модалных единиц формы 1-го лица множ. числа глаголов приобрели такие признаки вводно-модалных единиц, как синтаксическая обособленность, функция вводности, сопровождаемая особым интонационным рисунком фразы и др. В простых предложениях, осложненных вводно-модалным компонентом, типа *Нас ин-*

тересует, предположим, только этот вопрос – модусная рамка и пропозиция синтаксически разделены: оценка субъектом модуса сообщаемого в аспекте предположения и т.п. выражается периферийным отглагольным модалитом в обособленном вводно-модальном употреблении (*предположим* – модус), а само оцениваемое положение дел – в остальной части высказывания (*Нас интересует... только этот вопрос* – диктум). В таких случаях очевидно стремление отглагольного периферийного модалита *предположим* маркировать рематический компонент высказывания (*этот вопрос*).

В функциональном плане отглагольные модалиты вроде *заметим, допустим, скажем* схожи с другими модальными единицами: они передают разные субъективно-модальные значения, определяющие позицию говорящего в высказывании, которые оценивает сообщаемое с точки зрения предположения, допущения, уточнения, дополнения и проч.; употребляется в функции вводного компонента высказывания, приобретая особый интонационный рисунок (усиление, понижение тона голоса, убыстренный темп речи); синтаксически не связаны с членами предложения (за пределами вводно-модального оборота).

Зона периферии вводно-модальных единиц является пределом для форм 1-го лица множ. числа глаголов типа *предположим*. У них нет ряда дифференциальных признаков прототипических вводно-модальных единиц, как *кажись, пооди, пожалуй*, представляющих зону ядра на шкале модалитации глаголов [Б / М(од)], куда входят: отсутствие лексической семантики и грамматических категорий, форм и значений исходных глаголов, неизменяемость и полная обособленность от парадигмы глагола (ср., например, соотносительность отглагольных модалитов по числам в вводно-модальной позиции: *подчеркнем / подчеркни*).

Транспозиция форм 1-го лица множ. числа глаголов в межчастеречный семантико-синтаксический разряд вводно-модальных слов и выражений имеет чисто грамматический (функциональный) характер, не будучи связана с нарушением смыслового тождества исходных глагольных лексем. Фактически это означает, что в результате модалитации глагольных словоформ вроде *допустим, подчеркнем* в русском языке формируются не лексико-грамматические, а грамматические омонимы, функционирующих в рамках соответствующих глагольных лексем. Одна и та же глагольная лексема, например *допустим*, может иметь два типа употребления: (9) собственно глагольный тип употребления и (10) вводно-модальный тип употребления; ср. контексты употребления грамматических омонимов:

(9) **Допустим** возможность такого развития событий;

(10) События, **допустим**, будут развиваться именно по такому сценарию.

Модусная рамка и пропозиция вербализуются в разных частях простого предложения, осложненного вводной конструкцией: субъективно-модальная семантика оценки автором речи сообщаемого как предположения – в периферийном отглагольном модалите, структурирующем главный член (предикат) односоставной вводной конструкции

(*предположим... – модус*), а пропозиция (оцениваемое субъектом модуса сообщаемое) – в другой части простого предложения (... *эту публикацию прочтут мэтр... – диктум*).

Зона периферии вводно-модальных единиц является пределом модалитации для форм 1-го лица множ. числа глаголов типа *подчеркнем, предположим, допустим*, которые, как уже отмечалось, не нарушают семантического тождества исходных глагольных лексем при вводно-модальном использовании. На основании вышесказанного можно заключить, что словоформы типа *подчеркнем, предположим, положим, допустим* в контекстах модалитации не допускают категорических грамматических оценок по принципу «или глагол, или вводно-модальное слово».

На самом деле, перед нами может оказаться очень сложный и грамматически противоречивый материал, демонстрирующий разные степени проявления признаков глаголов и вводно-модальных единиц. При этом степень проявления глагольности и субъективной модальности в словоформе может изменяться в разных условиях ее функционирования, давая основание выделять разные стадии модалитации. И даже на последнем этапе модалитации глагольные формы *предположим, заметим, скажем* продолжают сохранять с разной степенью отчетливости глагольные свойства, своеобразно совмещая их в своей структуре с признаками вводно-модальных слов и выражений. Все зависит от того, какую стадию модалитации они представляют в том или ином контексте. Применение оппозиционной методики и приемов математической обработки информации, в частности метода индексации, позволит более точно и объективно оценить комбинаторику и пропорцию признаков разных классов слов в структуре рассматриваемых модалитов, особенно если они параллельно вовлечены в смежные транспозиционные процессы, например конъюнкционализацию (о ступенях модалитации языковых единиц см. также: [20–24]).

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-012-00013.

Список литературы

1. Апресян Ю.Д. Взаимодействие лексики и грамматики: лексикографический аспект // Русский язык в научном освещении. № 1 (3). 2002. С. 10–29.
2. Бабайцева В.В. Явления переходности в грамматике русского языка: монография. М.: Дрофа, 2000. 640 с.
3. Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка. – М.: Изд-во иностранной литературы, 1955. – 416 с.
4. Баудер А.Я. Части речи – структурно-семантические классы слов в современном русском языке. Таллин: Валгус, 1982. 184 с.
5. Виноградов В. В. Русский язык: Грамматическое учение о слове. – М.: Высш. шк., 1986. – 640 с.
6. Воротников Ю.Л. Безотносительные степени качества в русском языке // Известия РАН. Сер. лит. и яз. М., 2000, Т.59. № 1. С. 36–43.

7. Высоцкая И.В. Синкретизм в системе частей речи современного русского языка. М.: МПГУ, 2006. 304 с.
8. Зернов Б.Е. Взаимодействие частей речи в английском языке (статико-динамический аспект). Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1986. 126 с.
9. Калечиц Е.П. Взаимодействие слов в системе частей речи: (межкатегориальные связи). Свердловск: Изд-во Урал ун-та, 1990. 160 с.
10. Ким О.М. Транспозиция на уровне частей речи и явление омонимии в современном русском языке. Ташкент: Изд-во «Фан», 1978. 228 с.
11. Лукин М.Ф. Трансформация частей речи в современном русском языке. Донецк: Изд-во Донецк. ун-та, 1973. 100 с.
12. Мигирин В.Н. Очерки по теории процессов переходности. Бельцы, 1971. 199 с.
13. Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении. М.: Учпедгиз, 1938. 452 с.
14. Теньер Л. Основы структурного синтаксиса. М.: Прогресс, 1988. 656 с.
15. Чикина Л.К., Шигуров В.В. Присловные и предложенческие связи в русском синтаксисе: учеб. пособие. М.: Флинта: Наука, 2009. 192 с.
16. Шахматов А.А. Синтаксис русского языка. 2-е изд. Л.: Учпедгиз. Ленингр. отд-ние, 1941. 620с.
17. Шигуров В.В. Механизм предикативации языковых единиц в русском языке: грамматика и семантика // Известия Национальной Академии наук Кыргызской Республики. 2011. № 4. С. 143–146.
18. Шигуров В.В. Функционально-семантический тип транспозиции причастий в предикативы: степени, признаки, предел // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2011. Т. 70. № 5. С. 38–48.
19. Шигуров В.В. Индексация зоны гибридных структур на шкале предикативации страдательных причастий // Московское научное обозрение. 2012. № 4 (20). Ч. 2. С. 15–19.
20. Шигуров В.В., Шигурова Т.А. О модалации глагольных инфинитивов в русском языке // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. 2014. № 8-3. С. 161–165.
21. Шигуров В.В., Шигурова Т.А. О грамматической квалификации оборота *судя по...* в аспекте модалации и препозиционализации // Международный журнал экспериментального образования. 2015. № 8-1. С. 71–74.
22. Шигуров В.В., Шигурова Т.А., Ершова Н.И., Денисова Л.Н. О модалации существительных в русском языке // Актуальные научные исследования в современном мире. 2017. № 9-3 (29). С. 153–167.
23. Shigurov V.V., Shigurova T.A. Modalation of verbal adverbs in the Russian language // European journal of natural history. 2015. № 4. Pp. 57–59.
24. Shigurov V.V., Shigurova T.A. Theoretical Basics of the Transpositional Grammar of Russian Language // International Journal of Applied Linguistics and English Literature. 2016. Т. 5. № 5. Pp. 237–245.

УДК 81-26

Яркина С.В.

Российского государственного социального университета

СПОСОБЫ ПЕРЕВОДА АББРЕВИАТУР В МЕДИЦИНСКОМ ТЕКСТЕ (НА МАТЕРИАЛЕ РАБОТ ПО НЕЙРОПСИХОЛОГИИ)

Yarkina S.V.

Russian State Social University

PECULIARITIES OF TRANSLATING ABBREVIATIONS IN MEDICAL TEXTS (BASED ON WORKS DEDICATED TO NEUROPSYCHOLOGY)

Аннотация

В данной статье рассматриваются стратегии и приемы перевода с английского языка на русский аббревиатур, характерных для медицинского текста.

Abstract

This article discusses strategies and methods of translating abbreviations that medical text comprises; the article mainly focuses on the translation from Russian into English.

Ключевые слова: *медицинский текст, медицинский перевод, медицинский термин, медицинская лексика, лексические единицы, аббревиатуры, сокращения, нейропсихология*

Key words: *medical text, medical translation, medical term, medical words, lexical units, abbreviations, neuropsychology*

Одной из проблем, которая представляет особую трудность при переводе медицинских текстов, является передача сокращений и аббревиатур с одного языка на другой. Существует несколько видов аббревиатур:

1. лексические аббревиатуры – сокращение слов или выражений, которые могут функционировать как отдельные лексические единицы;

2. слоговые аббревиатуры, которые состоят из начальных частей слов;

3. аббревиатуры смешанного типа, которые могут состоять из первых букв слов или из нескольких начальных букв слов;

4. аббревиатуры, в состав которых входит начальная часть слова и целое слово [1].

Данные виды аббревиатур являются основными, каждая из которых делится на определённые подгруппы. Так, например, лексические аббревиатуры подразделяются на аббревиатуры инициального типа, образующиеся из первых букв каждого слова.

Перевод аббревиатур на русский язык заслуживает особого внимания. Существует три основные тенденции перевода акронимов:

1. транслитерация;

BOLD blood oxygenation level dependent	BOLD (blood oxygenation level dependent) — зависящий от уровня кислорода в крови
CAT computerized axial tomography	АКТ — аксиальная компьютерная томография
EEG electroencephalogram	ЭЭГ — электроэнцефалограмма
FFA fusiform face area	-----
fMRI functional magnetic resonance imaging	ФМРТ — функциональная магнитно-резонансная томография
MRI magnetic resonance imaging	МРТ — магнитно-резонансная томография
PET positron emission tomography	ПЭТ — позитронно-эмиссионная томография
PPA parahippocampal place area	-----
REM rapid eye movement	-----
TD temporal difference	-----

Как показано выше, не все аббревиатуры присутствовали в русскоязычном издании, так как не все английские аббревиатуры имеют в русском языке аналоги. Аббревиатура TD (temporal difference) была передана на русский как «временное различие», что можно назвать дословным переводом, а аббревиатура PPA (parahippocampal place area) была также переведена пословно «область парагиппокампальной извилины». Термин «REM (rapid eye movement)» был передан как «быстрый сон», несмотря на то, что в русском языке существует аналог данного понятия – БДГ-фаза, которая может быть не совсем удачной (фаза быстрого движения глаз). FFA (fusiform face area) была переведена как «область веретеновидной извилины, связанной с восприятием лиц». Данный перевод можно назвать описательным, так как понятие выражается не одним термином или сочетанием, а в переводе раскрывается смысл данной аббревиатуры. Что касается остальных акронимов, приведенных в таблице, то они переведены при помощи создания адекватной аббревиатуры из заимствованных терминов, но которые уже применяются в русском языке на протяжении некоторого времени.

Таким образом, можно сказать, что аббревиатуры передаются с русского на английский язык следующими способами: пословный перевод, из которого получается аббревиатура в русском языке,

2. заимствование акронима в исходном виде;
3. создание адекватной аббревиатуры из русских терминов [1].

Перевод аббревиатур требует специальных знаний, и специальные словари пока еще недостаточно проработаны, чтобы переводчик мог полностью на них полагаться.

Например, в книге Крис Фрит «Мозг и душа» используется ряд аббревиатур:

пословный перевод без последующего образования аббревиатуры, описательный перевод.

Список литературы

1. Барбашева С.С., Авраменко А.А. Особенности перевода аббревиатур в англоязычном медицинском тексте (на материале терминологии кардиологии) // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2011. С. 911-916
2. Елисеева Е.П., Прихна Л.С. К вопросу о функциональной дифференциации лексики медицинского подязыка // Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования. 2013. №1. С. 73-75
3. Солнцев Е.М. Общие и частные проблемы перевода медицинских текстов // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2010. №9. С. 131-141.
4. Уварова И. В., Борисенко И. А. Медицинский английский текст как объект исследования перевода // Культурная жизнь Юга России. 2015. №2(57). С. 68-70.
5. Фрит К. Мозг и душа М: Астрель : CORPUS, 2010, 335 с.
6. Дойдж Н. Пластичность мозга: Эксмо; Москва; 2010, 544с.
7. Frith C. Making Up the Mind: BLACKWELL PUBLISHING: 2007, 234p.
8. Doidge N. the brain that changes itself: Viking Press, 2007.

Осипова Ольга Владимировна,

старший преподаватель кафедры английского языка №2

Московский государственный институт (университет) международных отношений МИД России

МГИМО (У) МИД России

[DOI: 10.24411/2520-6990-2019-10126](https://doi.org/10.24411/2520-6990-2019-10126)

ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕДАЧИ НОВЫХ ЯЗЫКОВЫХ ЯВЛЕНИЙ, НОВЫХ СЛОВООБРАЗОВАНИЙ В ПЕРЕВОДЕ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ С АНГЛИЙСКОГО НА РУССКИЙ ЯЗЫК

Osipova Ol'ga Vladimirovna,

senior lecturer of the Department of English language №2

Moscow state Institute (University) of international relations MGIMO University

TRANSMISSION PROBLEMS NEW LINGUISTIC PHENOMENA AND NEW WORD FORMATION IN THE TRANSLATION OF ECONOMIC TEXTS FROM ENGLISH INTO RUSSIAN LANGUAGE

Аннотация

Данное исследование направлено на исследование базовых характеристик новейшей экономической терминологии, систематизацию и обработку данных об эквивалентности и безэквивалентности данного рода лексики в контексте английского и русского языков.

Abstract

This study aims to study the basic characteristics of the latest economic terminology, systematization and processing of data on the equivalence and non-equivalence of this kind of vocabulary in the context of English and Russian languages.

Ключевые слова: *термин, экономическая терминология, эквивалентность, безэквивалентность, полисемантическая, английский язык.*

Key words: *term, economic terminology, equivalence, non-equivalence, polysemantics, English.*

На сегодняшний день, в эпоху глобализации и стремительного научно-технического, информационного и, прежде всего, экономического прогресса английский язык представляет собой универсальное средство, с помощью которого представители совершенно различных культур и народов могут вступать в свободный и ничем не ограниченный контакт. В связи с этим нельзя недооценивать экстралингвистическую составляющую в процессе распространения английского языка [5, с. 122].

Однако прежде чем переходить к рассмотрению непосредственно основных трудностей перевода экономических лингвистических новообразований с английского языка на русский, необходимо констатировать тот факт, что под термином принято понимать эмоционально-нейтральное слово либо словосочетание, которое передает название какого-либо конкретного понятия, относящегося к определенной области техники или же науки. Терминологическая лексика дает возможность наиболее точно, четко и экономно излагать содержание данного предмета и обеспечивает правильное понимание существа трактуемого вопроса [2, с. 150].

Теперь, когда нами рассмотрены основные характеристики английского языка в экономическом дискурсе в условиях современности, является целесообразным перейти к рассмотрению непосредственно проблематичного аспекта перевода новообразований лексического характера в данном векторе на русский язык. Изначально стоит отметить, что одной из основных проблем перевода лексики экономического дискурса является энантиосемия. Говоря о проблеме статуса энантиосемии в лексико-семантической системе экономической терминологии, следует отметить, что И.А. Якунченкова в своем научном исследовании раскрывает понятие энантиосемии со ссылкой на «Словарь

лингвистических терминов» О.С. Ахмановой и рассматривает его как «способность слова выражать антонимические значения» [7, с. 249; 1, с. 526].

С учетом вышесказанного, важно обратить внимание на то, что М.И. Максимец определяет практический аспект рассмотрения энантиосемии на примере такого англоязычного термина как «trade»: дело в том, что его первостепенное значение «ремесло, профессия» (shoemaker be trade – сапожник по профессии), и уже после оно обозначает «торговлю, сделку, куплю-продажу» (free trade – свободная торговля) [3, с. 68-69]. Аналогичную ситуацию можно наблюдать на примере других таких экономических терминов, а именно:

- «competition» (конкуренция): 1) соревнование, конкурс, конкурсное испытание (The place will be filled by open competition. - Это место будет занято по результатам открытого конкурсного экзамена); 2) конкуренция (At least, it discouraged the competition. - По крайней мере, это испугало конкурентов);

- «abandonment» (абандон): 1) оставление, покидание (I regard the abandonment of the brig as inevitable. - Я полагаю, что не остаётся ничего иного, как покинуть бриг); 2) абандон (abandonment of a project - прекращение [закрытие] проекта);

- «capital» (капитал): 1) столица (world capitals - мировые столицы); 2) капитал (industrial capital — промышленный капитал) и др.

Принимая во внимание выше описанные примеры, можно указать на то, что проблема энантиосемии, в частности, полисемантической экономической термина, освещается в работе двух ученых И.А. Меметова и Р.И. Ряпова, в ходе осуществления исследования которыми был установлен основополагающий фактор, который пред-

определяет многозначность того или иного экономического термина – это контекст. «Многозначность, действительно, проявляется у термина лишь тогда, когда он изменяет контекст употребления» [4].

Следующая проблема, которая также напрямую связана с проблематикой перевода лексических новообразований в рамках экономического дискурса, это безэквивалентность экономических

терминов. Примечательным выступает тот факт, что у так называемого новейшего экономического англоязычного термина либо полностью отсутствует обозначаемый им субъект в другом языке, либо значения эквивалентных единиц принимают семантически видоизмененную форму, что неизбежно приводит к возникновению множества трудностей, связанных с их переводом [6, с. 69]. Рассмотрим их детально в приведенной ниже таблице:

1. Advance (англ.) – аванс (рус.)	2. Valorization (англ.) – валоризация (рус.)
3. Averaging (англ.) – авераж (рус.)	4. Exchange broker (англ.) – биржевый брокер (рус.)
5. Excise (англ.) – акциз (рус.)	6. Hypothes (англ.) – ипотека (рус.)
7. Buy-back (англ.) – бай-бэк (рус.)	8. Stock conjunction (англ.) – конъюнктура рынка (рус.)
9. Trading (англ.) – трейдинг (рус.)	10. Validity (англ.) – валидность (рус.)
11. Balance of payments (англ.) – платежный баланс (рус.)	12. Online transaction (англ.) – онлайн транзакция (рус.)
13. Internet-banking (англ.) – интернет-банкинг (рус.)	14. Dividends (англ.) – дивиденды (рус.)
15. Crypto-bank-note (англ.) – крипто-банкнота (рус.)	16. Damping (англ.) – демпинг (рус.)
17. Margin (англ.) – маржа (рус.)	18. Distributor (англ.) – дистрибьютор (рус.)
19. Briefing (англ.) – брифинг (рус.)	20. Start-up (англ.) – стартап (рус.)
21. Discount (англ.) – дисконт (рус.)	22. Clearing (англ.) – клиринг (рус.)
23. Cash-back (англ.) – кэшбэк (рус.)	24. Devaluation (англ.) – девальвация (рус.)
25. Online branding (англ.) – онлайн брэндинг (рус.)	26. Cash flow (англ.) – кэш-флоу (рус.)
27. Mining (англ.) – майнинг (рус.)	28. Lay-away (англ.) – лэй-эвэй (рус.)
29. Budget (англ.) – бюджет (рус.)	30. Matching (англ.) – мэтчинг (рус.)

Исходя из представленных выше данных, можно сделать вывод о том, что нововведения лингвистического характера в экономический дискурс, равно как и подобного рода лексические новообразования представляют значительную трудность в процессе перевода. Это обусловливается тем фактом, что за неимением аналогов или близких по значению слов в языке перевода, в данном случае – русском языке, данные термины, подпадая под категорию безэквивалентной лексики, в языке перевода отражаются полным калькированием.

Подводя итоги данного научного исследования, следует отметить, что экономические термины, выступающие в качестве новейших, обозначающих последние возникающие в экономическом дискурсе, реалий, представляют достаточно большую проблему не только практического, но и методологического характеров. В данной работе нам удалось проанализировать две наиболее значимые трудности, возникающие при переводе новейшей терминологической лексики с английского языка на русский.

Литература

1. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов / О.С. Ахманова. М.: Советская энциклопедия, 1969. 607 с.

2. Зарипова А.Н., Акимова О.В. Специфика экономической терминологии (на материале немецкого, русского, татарского и английского языков) // Вестник Чувашского университета. - 2013. - №1. - С. 148-152.

3. Максимец М.И. Английский язык для студентов экономических специальностей. - Норильск: ГОУВПО "Норильский индустриальный институт", 2005. - 139 с.

4. Меметов И.А., Ряпов Р.И. Многозначность юридических терминов турецкого языка // Научный вестник Крыма. – Режим доступа: <http://nvk-journal.ru/index.php/NVK/article/view/276/460> (дата обращения: 23.03.2019).

5. Островская Т.А. Стандартный английский язык в эпоху глобализации: преимущества и проблемы // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. - 2014. - С. 120-123.

6. Семина М.Ю., Трофимова М.А. Способы перевода безэквивалентной лексики с английского языка на русский в текстах экономической тематики // Rhema. Рема. - 2013. - С. 67-71.

7. Якунченкова И.А. К проблеме статуса энантосемии в лексико-семантической системе юридической терминологии с точки зрения диахронии // Вестник Чувашского университета. - 2008. - №1. - С. 249-251.

*Осипова Ольга Владимировна**старший преподаватель кафедры английского языка №2**МГИМО (У) МИД России*[DOI: 10.24411/2520-6990-2019-10127](https://doi.org/10.24411/2520-6990-2019-10127)**БИЗНЕС-КЕЙСЫ В ОБУЧЕНИИ СТУДЕНТОВ ВУЗА ЯЗЫКУ ДЕЛОВОГО ОБЩЕНИЯ (НА ПРИМЕРЕ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА)***Osipova Ol'ga Vladimirovna**senior lecturer of the Department of English language №2**Moscow state Institute (University) of international relations MGIMO University***BUSINESS CASES IN TEACHING STUDENTS THE LANGUAGE OF BUSINESS (ENGLISH)****Аннотация**

Данное исследование ставит целью изучить основные принципы функционирования, проблемные аспекты и преимущества применения такой методологической образовательной технологии как бизнес-кейс в рамках обучения деловому стилю речи на материале английского языка.

Abstract

This study aims to study the basic principles of functioning, problem aspects and advantages of the use of such methodological educational technology as a business case in the framework of teaching business style of speech on the material of the English language.

Ключевые слова: *бизнес-кейс, деловое общение, английский язык, моделирование, коммуникация.*

Keywords: *business case, business communication, English, modeling, communication.*

На сегодняшний день деловое общение является неотъемлемым элементом построения взаимоотношений между людьми в среде их профессиональной самореализации. Постоянным и фундаментальным регулятором отношений такого типа является комплекс этических норм и поведенческих коммуникативных установок, а деловое общение так или иначе, стихийно или сознательно базируется на таких представлениях. Говоря о языке делового общения, стоит отметить, что глобализационный процесс выдвинул именно английский язык на новый уровень, присвоив ему статус международного. Тот факт, что английский язык в условиях современности по праву занимает положение лингва франка, универсального языка, известного практически по всему миру, не вызывает сомнения или же удивления. Важно подчеркнуть, что деловое общение и его корректное осуществление на практике завершается успехом лишь в том случае, если в правильной форме выполняются определенные правила и принципы, учитывая, конечно же, основополагающие его функции.

Отметим также, что деловое общение, как и любое другое социолингвистическое явление, постоянно образом видоизменяется, причем делает это довольно динамично. Вследствие этого возникают новые, ранее не известные научному миру факты и особенности рассматриваемого нами явления. Что касается его интерпретации, важно обозначить тот факт, что существует достаточно большое количество вариаций толкований этого термина, но нами был выбран предложенный в научном исследовании профессора Московского педагогического государственного университета Л. Туминой. По мнению исследователя, деловое общение являет собой общение межличностного характера, направленное на оптимизацию и организа-

цию какого-либо конкретного вида предметной деятельности: управленческой, производственной, коммерческой, научной т. д. [6, с. 50]. Однако такой исследователь, как Т.А. Петрова, отмечает, что такой вид коммуникации, как деловой, отличается «регламентированностью», то есть оно подвластно «определенным ограничениям, которые устанавливают те или иные культурные и национальные традиции, а также профессионально-этические принципы» [5, с. 48]. Как и любой другой вид общения, деловая коммуникация проявляется в различных формах и на разных уровнях социальной системы. Одной из отличительных черт такого рода коммуникации представляется тот факт, что она не обладает самодовлеющим значением, не выступает в роли самоцели, а является инструментом, служащим для достижения определенных, иных целей [4, с. 193]. Что касается составляющих процесс делового общения участников, то это преимущественно лица официального должностного статуса, которые исполняют присущие им служебные обязанности.

Следует начать с того, что составление, а также дальнейшая реализация бизнес-кейса, направленного конкретно на изучение навыков делового общения на иностранном (английском) языке, имеет свою четко очерченную специфическую структуру, которая подразумевает наличие двух основных этапов [1, с. 17]:

Этап 1: подготовка исходного материала бизнес-кейса. Во время данного этапа, учитывая лингвистический вектор осуществления кейс-технологии, прежде всего, делается акцент на специфической лексике (вокабуляре), включая и словосочетания и выражения. Также стоит обратить внимание на то, что этот список может дополняться различными клише официально-делового стиля в виде фраз и даже целых предложений. Исключительную важность представляет то, что данный материал

предоставляется с параллельным переводом на нативный язык учащихся [3, с. 134]. В качестве примера рассмотрим ситуацию из экономической сферы:

Вокабуляр: *stock company* (акционерное общество), *equity capital* (акционерный капитал), *bill (of exchange)* (вексель), *currency fund* (валютный фонд), *long-term plans* (долгосрочные планы),

dividends (дивиденды), *capital investment* (капиталовложение), *insolvency* (неплатежеспособность), *bond* (облигация), *in charge of economic policy* (ответственный за экономическую политику (предприятия)), *profitability* (прибыльность), *interest rate* (процентная ставка), *factory assets / funds* (фонды предприятия) и т.д.

Клише

Английский язык	Русский язык
I'd like to make a suggestion	Я бы хотел(а) отметить.
I think we should leave this point and come back to it later.	Давайте на время отложим этот вопрос и вернёмся к нему позже.
I want to ask a question.	Я бы хотел(а) задать вопрос.
How are we going to pay for this?	Какова форма оплаты?
We are interested in... and we would like to know...	Мы заинтересованы в ... и хотели бы узнать...
We are able to confirm to you...	Мы можем подтвердить ...
We would also like to inform you ...	Мы так же хотели бы сообщить вам о...
I would be grateful if you could ...	Я был бы признателен вам, если бы вы ...

В качестве дополнительного подготовительного элемента к бизнес-кейсу может выступать ознакомление учащихся с медиаматериалами, к примеру, англоязычным видеороликом, объясняющим основы и принципы функционирования инвестиций и видов капиталовложений [7]. Это способствует более детальному ознакомлению не только с тематикой заданного бизнес-кейса, но и с лингвистической спецификой таковой.

Этап 2: на этой стадии уже непосредственно реализуется практическая составляющая применения бизнес-кейса в образовательных целях, а именно в целях обучения деловому английскому языку. Поскольку, как нами было обозначено выше, бизнес-кейс подразумевает под собой моделирование и решение какой-либо проблемы, то в качестве примера можно имитировать такую коммуникативную ситуацию: речь идет о преуспевающей на сегодняшний день в экономическом и производственном плане компании «Tesla». Данное условие объясняет вполне очевидный рост акций данной компании в ближайшее время, чем привлекает внимание многочисленных инвесторов. Однако каждый из них готов предоставить свои финансовые средства на каких-либо определенных условиях. В связи с этим, общее количество учащихся разделяется на 2 группы: одни будут представлять экономический отдел компании, вторые же будут выступать в качестве инвесторов из различных отраслей производства. Итогом переговоров должен выступить конечный результат в виде договоренности с каждым инвестором на конкретную сумму, процентную ставку и инвестиционный срок осуществляющихся вложений. В результате осуществления выше описанной ситуации обучающиеся, используя уже имеющиеся необходимые госарные данные, смогут осуществить коммуникацию в необходимой, заданной данным бизнес-кейсом директиве, что, в конечном итоге, положительно отразится на их навыках ведения деловой коммуникации на английском языке [2, с. 64].

Подводя итоги, следует отметить, что рассмотренная нами в данном исследовании интерактивная технология обучения на основе реальных или вымышленных ситуаций имеет огромные перспективы в профессиональной подготовке будущих специалистов. В обучении иностранному языку в вузе кейс-метод служит для создания языковой среды и условий формирования потребности в использовании иностранного языка как средства межкультурного взаимодействия, интеграции знаний студентов из разных областей вокруг решения одной проблемы, а также развития иноязычной коммуникативной компетенции в рамках активной совместной исследовательской и творческой деятельности.

Литература

1. Батаева П.С. Как написать бизнес-кейс // Международный журнал прикладных наук и технологий «Интеграл». - 2018. - №1. - С. 15-19.
2. Демченко Е.Н., Панкова В.Ю. Оценка эффективности применения метода кейс-стади в обучении профессиональному английскому студентам с разноуровневой лингвистической компетенцией // Общество: социология, психология, педагогика. - 2017. - С. 62-66.
3. Золотова М.В., Демина О.А. О некоторых моментах использования метода кейсов в обучении иностранному языку // Теория и практика общественного развития. - 2015. - №4. - С. 133-136.
4. Копылова С.С. Языковой барьер в общении и бизнесе // Социально-экономические явления и процессы. - 2013. - С. 191-196.
5. Петрова Т.А. Проблемы соблюдения этических норм делового общения // Вестник Югорского государственного университета. - 2013. - №1 (28). - С. 46-52.
6. Тумина Л. Риторика делового общения // Высшее образование в России. - 2004. - №7. - С. 50-57.
7. Черьюк О.Р., Ангелова О.Ю. Сборник кейсов по предпринимательству. - Нижний Новгород: Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, 2015. - 77 с.

PHILOSOPHICAL SCIENCES

УДК 160.1

Попов Виталий Владимирович,

доктор философских, профессор

Музыка Оксана Анатольевна

доктор философских, профессор

ФГБОУ ВО «Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)»

Таганрогский институт им. А. П. Чехова (филиал)

DOI: 10.24411/2520-6990-2019-10128

**КОНСТРУКТИВИЗМ ЛОГИКИ НЕПРЕРЫВНОСТИ ИЗМЕНЕНИЯ В ФОРМИРОВАНИИ
КОНЦЕПТУАЛЬНОГО АППАРАТА «ВКЛЮЧАЮЩЕГО» ОБЩЕСТВА****Popov Vitaly Vladimirovich.,**

doctor of philosophical Sciences, Professor

Musika Oksana Anatolievna

doctor of philosophical Sciences, Professor

**THE CONSTRUCTIVIST LOGIC OF CONTINUITY CHANGES IN THE FORMATION OF THE
CONCEPTUAL APPARATUS OF "INCLUSIVE" SOCIETY****Аннотация.**

В статье исследуются формальные семантики для отображения непрерывности и интенсивности процесса изменения. Показываются особенности этих семантик. Выявлено, что оценка высказываний об изменении происходит на интервалах времени. Доказано, что интервальные семантики образуют методологический базис конструктивной философии, позволяющий конструировать исследования концептуальной области «включающего» общества.

Abstract.

The article investigates formal semantics to display the continuity and intensity of the process of change. The features of these semantics are shown. It is revealed that the evaluation of statements about the change occurs at intervals of time. It is proved that the interval semantics form the methodological basis of constructive philosophy, which allows to design the study of the conceptual field of "including" society.

Ключевые слова: формальные семантики, логика изменения, теория моделей, «включающее» общество, интенсивность, модельная структура.

Key words. Formal semantics, logic of change, model theory, "including" society, intensity, model structure.

Оригинальные идеи относительно моделирования процесса изменения содержатся в работах Ч.Хемблина. Они связаны не только с предположением возможности определения как непрерывного, так и частичного изменения на интервале времени, но и с возможностью указания на их взаимозависимость. Построим модель, которая, на наш взгляд, точно передает интуиции Ч.Хемблина по вопросу о логике изменения. Пусть " \rightarrow " и " \rightarrow " - символы для непрерывного и частичного изменения.

Определение 1. Под временной структурой будем понимать упорядоченную пару $\langle T, \leq \rangle$, где T - множество интервалов времени t_1, t_2, \dots . \leq - мереологическое отношение "быть частью" на множестве интервалов.

Определение 2. Н-моделью называется система $\langle T, \leq, \varphi \rangle$, где $\langle T, \leq \rangle$ временная структура; φ - функция, приписывающая истинностные значения из множества $\{1, 0\}$ для любой формулы α относительно t .

Условия интерпретации:

0I. Определим истинность суждений в интервале времени:

$pt\varphi = 1 \leftrightarrow \forall t^* t^* \leq t \wedge pt\varphi^* = 1$: истинно, если p изменяется во всем интервале. $pt\varphi = 0 \leftrightarrow \exists t^* t^* \leq t \wedge pt\varphi^* = 0$: истинно сказать, что p изменяется где-нибудь в интервале (частичное изменение).

02. Тогда в Н-модели выполняются следующие постулаты:

P1. $t^* \leq t \rightarrow (pt\varphi = 1 \rightarrow pt^*\varphi = 1)$

P2. $t^* \leq t \rightarrow (pt\varphi = 0 \rightarrow pt^*\varphi = 0)$

P3. $pt\varphi = 1 \rightarrow pt^*\varphi = 1$

P4. $\forall t^* (t^* \leq t \rightarrow pt\varphi = 1) \rightarrow pt^*\varphi = 1$

P5. $\forall t^* (t^* \leq t \rightarrow pt\varphi = 0) \rightarrow pt^*\varphi = 0$

03.

У1. $\neg \alpha t\varphi = 1 \leftrightarrow \neg \alpha t\varphi = 0$

У2. $\neg \alpha t\varphi = 0 \leftrightarrow \neg \alpha t\varphi = 1$

У3. $\alpha \wedge \beta t\varphi = 1 \leftrightarrow \alpha t\varphi = 1 \wedge \beta t\varphi = 1$

У4. $\alpha \wedge \beta t\varphi = 0 \leftrightarrow \exists t^* (t^* \leq t \rightarrow \alpha t\varphi = 0 \wedge \beta t\varphi^* = 0)$

У5. $\alpha \wedge \beta t\varphi = 1 \leftrightarrow \forall t^* (t^* \leq t \rightarrow \alpha t\varphi = 1 \wedge \beta t\varphi^* = 1)$

У6. $\alpha \wedge \beta t\varphi = 0 \leftrightarrow \neg \alpha t\varphi = 1 \wedge \beta t\varphi = 1$

У7. $\alpha \rightarrow \beta t\varphi = 1 \leftrightarrow \forall t^* (t^* \leq t \rightarrow \alpha t\varphi = 1 \wedge \beta t\varphi^* = 1)$

У8. $\alpha \rightarrow \beta t\varphi = 0 \leftrightarrow \alpha t\varphi = 0 \wedge \beta t\varphi = 1$

04. В любой Н-модели справедливо:

1. $\alpha t\varphi = 1 \rightarrow \alpha t\varphi = 1$; 2. $t^* \leq t \rightarrow (\alpha t\varphi = 1 \rightarrow \alpha t\varphi^* = 1)$; 3. $t^* \leq t \rightarrow (\alpha t\varphi = 0 \rightarrow \alpha t\varphi^* = 0)$; 4. $\alpha t\varphi = 1 \leftrightarrow \neg \neg \alpha t\varphi = 1$; 5. $\alpha t\varphi = 0 \leftrightarrow \neg \neg \alpha t\varphi = 0$; 6. $\neg \alpha \wedge \neg \alpha t\varphi = 1$; 7. $\neg \alpha \wedge \neg \alpha t\varphi = 0$

Формула α называется истинной в Н-модели, если $\alpha t\varphi = 1$ для всех t из T . Формула α называется общезначимой, если она истинна во всех Н-моделях.

Логика изменения может рассматриваться как специфическая логика процессов, предполагающая переход от одного процесса к другому. Немного-

численные обращения к анализу проблем непрерывности изменения в современной литературе в основном связаны с использованием математического аппарата. Предложенный подход не только дает новое направление в исследовании понятия непрерывности, но и поднимает ряд вопросов, которые являются по существу неразработанными. К ним относятся и вопросы об интенсивности непрерывности изменения. Объектный формальный язык L, J теории изменения является расширением языка исчисления высказываний путем введения темпоральных операторов, содержательное значение которых будет объяснено по мере использования.

Определение 3. Модельная структура S, J представляет упорядоченную пятерку элементов: $S, J = \langle M, I, m_0, \langle, \supset \rangle$, где: 1) M - непустое множество темпоральных пунктов референции; 2) I - множество состояний интенсивности изменения; 3) m_0 - исходный темпоральный пункт референции от которого начинается изменение; 4) $\leftarrow M \times M$ - строго линейное и плотное упорядочивание M , являющиеся отношением предшествования и таким, что для любых элементов из M выполняются свойства иррефлексивности, транзитивности, связности, плотности, бесконечности в прошлое и будущее; 5) \supset - отношение слабого предпочтения на множество $M, mI \supset m'$ означает, что во время m состояние интенсивности изменения по крайней мере не меньше чем в m' .

Для любых состояний $i \in I$ и любых $m, m_i, m_j, m_j \in M$ для отношения $I \supset$ предполагается:

1. $mI \supset m$ (рефлекторность)
2. если $mI \supset m_i \wedge m_iI \supset m_j$ ($m_i < m_j$), то $mI \supset m_j$ (транзитивность)
3. если $mI \supset m_i$, либо $m_iI \supset m$ (строгая связность)
4. если $mI \supset m_i$, то $m_iI \supset m$ (измеримость)
- 4(a). если $mI \supset m_i$ и $m_i \in I$, то $m \in I$ (соизмеримость)
- 4(б). если $m \in I$ и $m_i \notin I$ то $m_iI \supset m$ (соизмеримость)

Определение 4. M, J - это модель для структуры S, J и задается φ . Приписывающей значения для $\{I, 0\}$ для каждого выражения L, J -языка.

Определение 5. Если M, J является моделью, определенной для любого состояния $i \in I$, то для любых $m_i \wedge m_j \in M$ выполняются следующие отношения:

- a) $mI \supset m_j \leftrightarrow m_jI \supset m_i$ в) $m_iI \subseteq m_j \leftrightarrow m_jI \supset m_i$
- б) $m_iI \subseteq m_j \leftrightarrow m_iI \supset m_j$ г) $m_iI \subseteq m_j \leftrightarrow m_iI \supset m_j \wedge m_jI \supset m_i$

Содержательно а-г) означает:

- а) более интенсивное изменение в m_i чем m_j .
- б) менее интенсивное изменение в m_i чем m_j .
- в) интенсивность изменения в m_i по крайней мере, не меньшая, чем в m_j .
- г) одинаковая интенсивность изменения в m_i и m_j .

Определение существования интенсивности изменения на временной шкале удобно проводить, используя семантический подход и темпоральные операторы прошлого (P) и будущего (F). Введем операторы: P, PL, Fa, FL , которые означают следующее: P - всегда имела место возможность установления истинности состояния интенсивности; PL - по крайней мере однажды, имела место возможность установления истинности состояния

интенсивности; Fa - всегда будет существовать возможность установления истинности состояния интенсивности; $-FL$ - по крайней мере, однажды, будет существовать возможность установления истинности состояния интенсивности.

Определение 6. Пусть \blacktriangle является формулой L, J - языка. $\varphi(A, m)$ определяется рекурсивно следующими условиями истинности:

- (1) $|P|M, J, m \Rightarrow \leftrightarrow \varphi|P|t \Rightarrow$ для каждой пропорциональной переменной.
- (2) $\neg |A|M, J, m \Rightarrow \leftrightarrow |A|M, J, m = 0$
- (3) $|A \wedge B|M, J, m \Rightarrow \leftrightarrow |A|M, J, m \Rightarrow \wedge |B|M, J, m \Rightarrow$
- (4) $|P \alpha A|M, J, m \Rightarrow \leftrightarrow |A|M, J, m_i \Rightarrow$ для каждого $m_i \in M$ и такого, что $m_i < m$.
- (5) $|P \leftarrow A|M, J, m \Rightarrow \leftrightarrow |A|M, J, m_i \Rightarrow$ для некоторого $m_i \in M$ и такого, что $m_i < m$.
- (6) $|F \alpha A|M, J, m \Rightarrow \leftrightarrow |A|M, J, m_i \Rightarrow$ для каждого $m_i \in M$ и такого, что $m < m_i$.
- (7) $|F \leftarrow A|M, J, m \Rightarrow \leftrightarrow |A|M, J, m_i \Rightarrow$ для некоторого $m_i \in M$ и такого, что $m < m_i$.

Операторы P и F указывают на существование интенсивности изменения, однако они не являются эффективными при рассмотрении механизма интенсивности, ее степени, соизмеримости, например, пары фиксированных состояний интенсивности. Введем следующие динамические операторы: B - оператор перехода от исходного момента к моменту, в котором можно зафиксировать определенное состояние интенсивности изменения (B^* -

оператор обратного перехода); D - оператор перехода от первоначально зафиксированного момента коррелирующего с определенным состоянием интенсивности, к некоторому другому моменту, устанавливающему пару моментов, по отношению к которым рассматривается соизмеримость состояний интенсивности (D^* - оператор обратного перехода)» $K(1)-(7)$ добавим:

- 8) $|B \alpha A|M, J, m \Rightarrow \leftrightarrow |A|M, J, m_i \Rightarrow \wedge m < m_i$.
- (8.1) $|B^* \alpha A|M, J, m \Rightarrow \leftrightarrow |A|M, J, m_i \Rightarrow \wedge m < m_i$.
- 9) $|D \alpha A|M, J, m \Rightarrow \leftrightarrow |A|M, J, m_i \Rightarrow \wedge m < m_i < m_j$ и выполняется условие (8).
- (9.1) $|D^* \alpha A|M, J, m \Rightarrow \leftrightarrow |A|M, J, m_i \Rightarrow \wedge m < m_i < m_j$ выполняется условие (8.1).

Динамические операторы дают возможность рассматривать различные состояния интенсивности. По определению эти состояния упорядочены отношением предшествования. Переход от одного состояния к другому осуществляется в интервале времени. Образуется цепь интервалов изменения по отношению к которой фиксируется интенсивность. Введем операторы S и S^* означающие: S - в любом подинтервале данного интервала изменения определяется его интенсивность; S^* - в некотором подинтервале данного интервала изменения возможно определение его интенсивности.

10) $|S \alpha A|M, J, m \Rightarrow \leftrightarrow |A|M, J, m \Rightarrow$ для каждого $m^* = \langle m_i, m_k \rangle$, где $\langle m_i, m_k \rangle$ интервал обозначенный исходным m_i и конечным m_k моментами определяется так: (1) $\{m^* \in M: m_i \leq m^* \leq m_i\}$, если $m_i < m_k$; (2) $\{m^* \in M: m_i \leq m^* \leq m_i\}$, если $m_k < m_i$; (3) $\{m_k\}$ - в противном случае при $m_i = m_k$. Пусть операторы $m, L, \alpha m, \alpha L, \epsilon \alpha$ означают: m - увеличение интенсивности; L - уменьшение интенсивности; αm - увели-

чение интенсивности в большинстве подинтервалов; αL – уменьшение интенсивности в большинстве подинтервалов; $\varepsilon\alpha$ – одинаковая интенсивность в любом подинтервале. Вновь используя двойную темпоральную индексацию представим следующие условия истинности:

$$11 \quad |mA|MJ\langle mi, mk \rangle \Rightarrow \Leftrightarrow |A|MJmi \Rightarrow \wedge |A|MJmk \Rightarrow \wedge mi\langle mk \wedge mkI \supseteq mi$$

$$12 \quad |LA|MJ\langle mi, mk \rangle \Rightarrow \Leftrightarrow |A|MJmi \Rightarrow \wedge |A|MJmk \Rightarrow \wedge mi\langle mk \wedge mkI \subseteq mi$$

Пусть $t^* \in M$ – фиксированный интервал изменения; $Ut+$ – сумма подинтервалов t^* , в которых увеличивается интенсивность изменения; $Ut-$ – сумма подинтервалов интервала t^* , в которых уменьшается интенсивность изменения. При $Ut+ > Ut-$ имеем:

$$13 \quad |\alpha mA|MJt^* \Rightarrow \Leftrightarrow |A|MJti \Rightarrow \text{относительно любого подинтервала из } Ut+.$$

При $Ut+ > Ut+$ имеем:

$$14 \quad |\alpha LA|MJt^* \Rightarrow \Leftrightarrow |A|MJti \Rightarrow \text{относительно любого подинтервала из } Ut-.$$

При неизменной степени интенсивности:

$$15 \quad |\varepsilon\alpha A|MJt^* \Rightarrow \Leftrightarrow |A|MJti \Rightarrow \text{для любого } ti \subseteq t^*$$

Заключение: 1. Впервые в литературе построены формальные семантики для описания непрерывности и интенсивности изменения. 2. Предложены семантики для философского конструктивизма в формировании концептуального аппарата «включающего» общества.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научно-исследовательского проекта «Осмысление социально-философского феномена образовательной инклюзии в контексте зарубежных и отечественных методологических подходов и моделей», № 19-013-00117/19

Литература.

1. Попов В.В., Музыка О.А., Максимова С.И. Альтернативистика в контексте социального развития // Евразийский юридический журнал- 2017- № 4 (107).-С. 373-375.

2. Попов В.В., Музыка О.А., Дзюба Л.М. Фактор и уровни темпоральности в контексте субъективной реальности человека // Евразийский юридический журнал-2017- № 4 (107)- С. 419-421.

УДК 376.4

3. Попов В.В., Музыка О.А., Тимофеев В.А.. Социальное противоречие в контексте социальных процессов // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований- 2017- № 1-2.- С. 361-364.

4. Попов В.В., Музыка О.А., Коженко Я.В. Социальные трансформации в правовых отношениях // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований- 2017- № 3-2.- С. 315-318.

5. Попов В.В., Щеглов Б.С., Усатова Ю.Н. Случайность в контексте динамических категорий // Философия права- 2015- № 1 (68)- С. 25-29.

6. Попов В.В., Агафонова Т.П. Специфика темпоральности правового сознания социального субъекта // Фундаментальные исследования- 2015- № 2-25- С. 5730-5733.

7. Попов В.В., Музыка О.А. Специфика интервальной концепции времени: опыт концептуализации // Международный журнал экспериментального образования-2015- № 3-2- С. 36-39.

8. Попов В.В., Лойтаренко М.В., Таранова В.А. Социальные противоречия и переходные периоды: философско-методологические аспекты // Международный журнал экспериментального образования- 2014- № 8-2- С. 42-46.

9. Попов В.В., Агафонова Т.П. Научная рациональность и рациональность в науке // Философия права- 2012- № 5 (54)- С. 86-90.

10. Попов В.В., Чаленко М.В. Специфика переходных состояний современного российского общества // Социально-гуманитарный вестник Юга России- 2011- № 7-8 (15-16)- С. 39-45.

11. Попов В.В., Музыка О.А., Киселев С.А., Уколов А.О. Концепция транзитивности в контексте трансформации социума // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2016. Т. 5. № 5А. С. 114-122.

12. Попов В.В., Музыка О.А. Исторический процесс: альтернативность и оценка // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. 2017. № 3-1. С. 147-150.

*Попов Виталий Владимирович,
доктор философских, профессор
Музыка Оксана Анатольевна,
доктор философских, профессор*

*ФГБОУ ВО «Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)»
Таганрогский институт им. А. П. Чехова (филиал)*

[DOI: 10.24411/2520-6990-2019-10129](https://doi.org/10.24411/2520-6990-2019-10129)

ИНКЛЮЗИВНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В КОНТЕКСТЕ СОЦИАЛЬНЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ

*Popov Vitaly Vladimirovich.,
doctor of philosophical Sciences, Professor
Musika Oksana Anatolievna
doctor of philosophical Sciences, Professor*

INCLUSIVE EDUCATION IN THE CONTEXT OF SOCIAL TRANSFORMATIONS

Аннотация.

В статье исследуются социальные трансформации в контексте инклюзивного образования. Показываются особенности этой корреляции. Выявлено, что постнеклассическая наука представила новую

парадигму, что дает реальные возможности в исследовании социальных трансформаций. Доказано, что социальные трансформации входят в методологический базис, позволяющий конструировать исследования концептуальной области «принимающего» общества в контексте концепции инклюзии.

Abstract.

The article studies social transformations in the context of inclusive education. The features of this correlation are shown. It is revealed that post-non-classical science has introduced a new paradigm, which gives real opportunities in the study of social transformations. It is proved that social transformations are included in the methodological basis that allows to design the research of the conceptual field of the "host" society in the context of the concept of inclusion.

Ключевые слова: социальная трансформация, инклюзивное образование, постнеклассическая наука, «принимающее» общество, парадигма.

Key words. Social transformation, inclusive education, post-non-classical science, "host" society, paradigm.

Феномен социальной трансформации реально привлекает к себе умы ученых различных философских школ и направлений, причем такая заинтересованность касается того, что социальные трансформации нередко связывают с преобразовывающимся обществом, становящимся обществом, изменяющимся обществом и т.д., но такие соотношения ведут к познавательному и исследовательскому интересу как с семантических, так с концептуальных позиций. При этом значимы методологические подходы к социальным трансформациям, особенно в корреляции с социальной транзитивностью.

История философской мысли показала не только интерес к обсуждаемой проблеме, но были так же определены перспективные стратегии, связанные с определением и конструированием социальных трансформаций, причем, как с методологических, так и теоретических позиций относительно роли и сущности трансформаций в развитии социума. Отметим, что такие концепты и понятия, представлять и отображать внутренние особенности социальных трансформаций, соотносящихся с периодами перехода или транзита (посредством моделей, модельных конструкций, уместных формализаций и т. д.).

Внесение в онтологические моменты современной социальной философии определенных концептов, обогащающих ее концептуально-семантический аппарат в области корреляции структуры и сущности социальных трансформаций с фактором темпоральности немалое место уделено малоисследованным вопросам онтологической сферы социальной философии, связанным с изучением трансформирующегося социума, в котором на ведущие роли претендуют кризисы и противоречия. Такая ситуация предполагает значимость нахождения конкретных механизмов разрешения таких кризисов в контексте социальных трансформаций с привлечением концепции социальной транзитивности и темпоральной референции, что постнеклассическая наука представила новую парадигму, основанную на синергетике, что дает новые возможности в исследовании социальных трансформаций. Между тем, системное представление этой проблемы в современной философской литературе не нашло широкого внимания и осмысления. Вообще, ситуация определяется тем, что философы приоритетно сосредоточили внимание на локальных фрагментах рассматриваемой проблемы, оставляя в стороне ее интегральное понимание.

На наш взгляд, необходимо приоритетно представить концептуально-семантические аспекты социальных трансформаций; определить роль и место социальных трансформаций в общественном развитии; рассмотреть специфику репрезентаций транзитивного общества в контексте концепции транзитивности; исследовать особенности альтернативного развития социальных трансформаций с учетом темпоральных референтов; представить социальные трансформации в нелинейном социальном развитии.

Социальные трансформации и социальная транзитивность получили свое развитие с позиции социально-исторического процесса, то есть ученые старались не просто представить трансформацию и транзитивность как те понятия, которые характерны для различных этапов развития общества, но и пытались найти не только методологическую форму описания социально-исторических процессов, но и их своеобразное место в динамической системе категорий.

Особое место в этих процессах занимает философия инклюзии. Социальные трансформации в «принимающем» обществе непосредственно связаны с существованием лиц с ОВЗ. В нынешней России наблюдается несколько парадоксальная, но в итоге достаточно типичная для трансформационного социума ситуация, характеризующаяся наличием весьма развитого позитивного законодательства, декларирующего особые права инвалидов на развитие, систематическое образование, социальную интеграцию, и, вместе с тем, практическим отсутствием реальных механизмов их системной реализации. Осуществляемая до современного этапа государственная политика приоритетно ориентирована на сегрегацию и, следовательно, изоляцию подобных людей. Оптимальным в настоящее время является помещение самих инвалидов в коррекционные учреждения, либо трудоустройство на специальных предприятиях среди таких же, как и они сами, людей. Поэтому наблюдаются некоторая оторванность инвалидов от весьма широких и системных социальных контактов, определенное ограничение круга их межличностного взаимодействия, явно заниженный уровень достигаемого образования, значительной невостребованностью в социуме, достаточно низкая реальная конкурентоспособность приобретаемых профессий, небольшая заработная плата, которая не позволяет достичь определенного образа жизни. Социологический анализ, например, дополнительного образования в

качестве социального института не только дает возможность выявить тенденции его развития, а также выполняемые социокультурные функции, но и сферу предлагаемых услуг, имеющуюся степень их доступности и востребованности для инвалидов, но и реализовать имитационное моделирование продуктивного механизма потребления спектра всех дополнительных образовательных услуг, имея ввиду действительные возможности и ресурсы людей с инвалидностью.

В настоящий период времени в контексте социальных трансформаций общества и в русле комплексной модернизации самой системы российского образования, акцентом на гуманизацию социокультурных отношений, повышения реального внимания к интегрированно-индивидуальному развитию самой личности, многие ученые постулируют необходимость процесса институциализации системы интегрированного образования как такого образования, которое, в большей степени, соответствует принципам правового, социально-ориентированного государства. Интегрированное образование следует рассматривать как один из значимых институтов, связанных с вовлеченностью инвалидов в социум. Дополнительное образование представляет собой самостоятельный социальный институт в структуре образовательного пространства, выполняющий ряд специфических функций от комплексного развития человека до его профессионального самоопределения.

Поэтому социальная трансформация в качестве категории, необходима как для понимания всего множества и всей совокупности социальных процессов и социальных изменений, которые происходят на современном уровне развития науки, так и в рассмотрении социальной трансформации в качестве определенного инструментария, который может быть не только эффективным, но и полезным в разрешении локальных, практических задач, которые возникают в рамках социума.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научно-исследовательского проекта “Осмысление социально-философского феномена образовательной инклюзии в контексте зарубежных и отечественных методологических подходов и моделей”, № 19-013-00117\19

Литература.

1. Попов В.В., Музыка О.А., Максимова С.И. Альтернативистика в контексте социального развития // Евразийский юридический журнал- 2017- № 4 (107).-С. 373-375.
2. Попов В.В., Музыка О.А., Дзюба Л.М. Фактор и уровни темпоральности в контексте субъективной реальности человека // Евразийский юридический журнал-2017- № 4 (107)- С. 419-421.
3. Попов В.В., Музыка О.А., Тимофеев В.А.. Социальное противоречие в контексте социальных процессов // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований- 2017- № 1-2.- С. 361-364.
4. Попов В.В., Музыка О.А., Коженко Я.В Социальные трансформации в правовых отношениях // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований- 2017-№ 3-2.- С. 315-318.
5. Попов В.В., Щеглов Б.С., Усатова Ю.Н Случайность в контексте динамических категорий // Философия права- 2015- № 1 (68)- С. 25-29.
6. Попов В.В., Агафонова Т.П. Специфика темпоральности правового сознания социального субъекта // Фундаментальные исследования- 2015- № 2-25- С. 5730-5733.
7. Попов В.В., Музыка О.А. Специфика интервальной концепции времени: опыт концептуализации // Международный журнал экспериментального образования-2015- № 3-2- С. 36-39.
8. Попов В.В., Лойтаренко М.В., Таранова В.А. Социальные противоречия и переходные периоды: философско-методологические аспекты // Международный журнал экспериментального образования- 2014- № 8-2- С. 42-46.
9. Попов В.В., Агафонова Т.П. Научная рациональность и рациональность в науке // Философия права- 2012- № 5 (54)- С. 86-90.
10. Попов В.В., Чаленко М.В. Специфика переходных состояний современного российского общества // Социально-гуманитарный вестник Юга России- 2011- № 7-8 (15-16)- С. 39-45.
11. Попов В.В., Музыка О.А., Киселев С.А., Уколов А.О. Концепция транзитивности в контексте трансформации социума // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2016. Т. 5. № 5А. С. 114-122.
12. Попов В.В., Музыка О.А. Исторический процесс: альтернативность и оценка // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. 2017. № 3-1. С. 147-150.

Colloquium-journal №6(30), 2019

Część 6

(Warszawa, Polska)

ISSN 2520-6990

Czasopismo jest zarejestrowane i publikowane w Polsce. W czasopiśmie publikowane są artykuły ze wszystkich dziedzin naukowych. Czasopismo publikowane jest w języku angielskim, polskim i rosyjskim.

Artykuły przyjmowane są do dnia 20 każdego miesiąca.

Częstotliwość: 12 wydań rocznie.

Format - A4, kolorowy druk

Wszystkie artykuły są recenzowane

Każdy autor otrzymuje jeden bezpłatny egzemplarz czasopisma.

Bezpłatny dostęp do wersji elektronicznej dziennika.

Wysyłając artykuł do redakcji, Autor potwierdza jego wyjątkowość i bierze na siebie pełną odpowiedzialność za ewentualne konsekwencje za naruszenie praw autorskich

Zespół redakcyjny

Redaktor naczelny - **Paweł Nowak**

Ewa Kowalczyk

Rada naukowa

- **Dorota Dobija** Profesor i rachunkowości i zarządzania na uniwersytecie Koźmińskiego, dyrektor programu k. e. n.
- **Jemielniak Dariusz** - prof. dyrektor centrum naukowo-badawczego w zakresie organizacji i miejsc pracy, kierownik katedry zarządzania Międzynarodowego w Ku.
- **Henryka Danuta Stryczewska** - prof. dziekan Wydziału Elektrotechniki i Informatyki Politechniki Lubelskiej.
- **Mateusz Jabłoński** - Politechnika Krakowska im. Tadeusza Kościuszki.
- **Henryka Danuta Stryczewska** - prof. , dziekan Wydziału Elektrotechniki i Informatyki Politechniki Lubelskiej i prof. Zbigniew Grądzki, prorektor ds. Nauki.
- **Sani Lukács** — eötvösa Loránd University, Faculty of Social Sciences, phd in sociology7
- **Király Tamás** — Szegedi Tudományegyetem, gyógyszerésztudományi Kar, phd gyógyszertár9
- **Gazstav Lewandowski** — węgierski uniwersytet sztuk pięknych, Graficzny wydział / Specjalizacja w dziedzinie projektowania graficznego.
- **Bulakh Iryna Valerievna** - k.arh., Profesor nadzwyczajny w Katedrze Projektowania Środowiska Architektonicznego, Kijowski Narodowy Uniwersytet Budownictwa i Architektury

« Colloquium-journal »

Wydrukowano w « Chocimska 24, 00-001 Warszawa, Poland »

E-mail: info@colloquium-journal.org

<http://www.colloquium-journal.org/>